150

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей

Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

15
Н. 29
Н-71

СБОРНИКЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Психологія мышленія.

Издательство „Образованіе“, СПБ.
1914.

Пров 387

ПРОВ. 1957

Пр.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

036
32

Типографія „Печатный Трудъ“, Спб., Прачешный пер., 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

И. И. Лапшинъ. Психологія эмоціональнаго мышленія Гейнриха Майера . . . . . 1—42

Освальдъ Кюльпе. Современная психологія мышленія . 43—83

А. А. Крогіусъ. Вюрцбургская школа экспериментальнаго изслѣдованія мышленія и ея значеніе . . 84-108

А. І. Кунцманъ. Психологія мышленія Ф. Брентано, Г. Уфуэса, Э. Гуссерля и К. Штумпфа . . . 109—155

И. И. Лапшинъ.

Психологія эмоціональнаго мышленія Гейнриха Майера *).

I.

Книга Гейнриха Майера: „Psychologie des emotionalen Denkens“ представляетъ огромное, детально разработанное изслѣдованіе (804 страницы крупнаго размѣра) на тему, намѣченную еще Огюстомъ Контомъ подъ именемъ „логики чувствъ“ (la logique des sentiments) и разрабатываемую въ настоящее время многими психологами. Данный трудъ обращаетъ на себя вниманіе, какъ богатствомъ заключающагося въ немъ матеріала, такъ и полнотою его разработки. Собственно психологіи „эмоціональнаго мышленія“ авторъ предпосылаетъ очеркъ психологіи мышленія вообще. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на то, что до сихъ поръ еще въ логикѣ господствуетъ слишкомъ узкое пониманіе природы с у ж д е н і я. Подъ сужденіемъ принято разумѣть только такой актъ мысли, который обязательно находитъ себѣ выраженіе въ полномъ грамматическомъ высказываніи—„Aussagesatz“.

*) „Psychologie des emotionalen Denkens“. 1908.

Между тѣмъ, существуютъ элементарные акты сужденія, привходящіе въ воспріятія, воспоминанія и представленія познавательной фантазіи. Съ другой стороны, ошибочно думать, будто всякое представленіе есть логическое сужденіе: мы можемъ представлять что-нибудь не съ познавательной цѣлью, а руководимые побужденіями чувства. Отсюда можно установить два типа мышленія: 1) судящее мышленіе (Erkenntnissvorstellungen) въ которомъ на первомъ планѣ, такъ сказать, въ фокусѣ нашего вниманія познавательный интересъ, какъ таковой, и 2) эмоціональное мышленіе (Emotionalvorstellungen), гдѣ на первомъ планѣ стоятъ потребности практическія—потребности чувства и воли. Майеръ указываетъ, что уже древніе отмѣчали рядомъ съ высказываніями, чисто познавательнаго характера, словесныя формы для эмоціональнаго мышленія. Болѣе другихъ этимъ формамъ удѣляли вниманія стоики. Въ новѣйшее время этотъ вопросъ снова и гораздо болѣе подробно стали разбирать филологи и психологи (Штейнталь, Вундтъ, Рибо). Приступая къ анализу психологіи мышленія, Майеръ задается вопросомъ, въ какомъ отношеніи должно стоять психологическое изслѣдованіе къ логикѣ? И онъ склоняется къ отвѣту въ духѣ нормативизма: „Критическая работа логики не есть теоретическое дѣло, долженствующее создать основу для нормативнаго мышленія, но, наоборотъ, критическая работа есть нормативное размышленіе и съ своей стороны опирается всецѣло на нормативное опосредствованіе идеала“. Наше мышленіе опирается на механизмъ представленій, на дѣятельность воображенія фантастическаго и воспроизводящаго, и потому прежде всего остановимъ наше вниманіе путемъ самонаблюденія на этомъ механизмѣ. Когда мы говоримъ о самонаблю-

деніи, то въ сущности мы имѣемъ дѣло почти всегда съ данными первичной памяти, то-есть опознаемъ, такъ сказать, по свѣжимъ, не остывшимъ слѣдамъ исчезающее изъ сознанія переживаніе. Чѣмъ объясняется воспроизводимость представленій? Физіологическая теорія мозговыхъ предрасположеній непріемлема, ибо представляетъ трансцендентную гипотезу, не поддающуюся провѣркѣ. Психологическое же пониманіе тѣхъ предрасположеній къ представленію, Vorstellungs-Dispositionen, отъ которыхъ зависитъ воспроизводимость представленій, приводитъ насъ къ допущенію безсознательныхъ представленій, которыя суть contradictio in adjecto. Иллюзія безсознательности (Der Schein der Unbewusstheit) происходитъ отъ того, что извѣстныя звенья въ смѣнѣ нашихъ представленій не опознаются нами, ускользаютъ отъ нашего вниманія. Майеръ, чтобы выйти изъ затруднительной дилеммы, допускаетъ Vorstellungsdispositionen, какъ методологическое обозначеніе для болѣе или менѣе постоянной, хотя и измѣнчивой органической системы волевыхъ предрасположеній, образующихъ Gesammttendenz des Willens. Для него такая система играетъ роль лишь рабочей гипотезы: Vorstellungs-Dispositionen — это „nur Formeln von konstanter Möglichkeit“. Законы ассоціаціи представленій Майеръ сводитъ къ 4-мъ: 1) законъ внутренняго соотношенія, сюда относятся сходство, равенство и контрастъ; 2) законъ смежности въ пространствѣ и времени; 3) законъ логически-синтетической связи — сюда принадлежатъ коррелятивныя представленія, относящіяся одно къ другому, какъ часть къ цѣлому, основаніе къ слѣдствію, причина къ дѣйствію и т. п.; 4) законъ эмоціональной прикосновенности (Gesetz der emotionalen Berührung), въ силу котораго настроеніе и во-

обще эмоціональныя окраски переживаній вліяютъ на ходъ ассоціацій. Не слѣдуетъ, собственно, говорить о законахъ ассоціацій, а скорѣе о направленіяхъ ассоціацій. Всѣ ассоціаціи могутъ быть выражены въ одномъ положеніи, напоминающемъ кантовское ученіе объ аффинитетѣ представленій: „Всякое представленіе ассоціируется только съ такимъ другимъ, которое имѣетъ съ нимъ что-нибудь общее". Въ виду того, что главнымъ двигателемъ въ смѣнѣ представленій являются преобладающія волевыя предрасположенія, четвертый законъ ассоціацій играетъ чрезвычайно важную роль: наши интересы сильно вліяютъ на ходъ представленій. Представленія фантазіи не слѣдуетъ рѣзко противопоставлять воспроизведеніямъ: они выростаютъ въ процессѣ формировки представленій изъ общаго корня. Это можно подмѣтить въ „грезахъ на яву", когда образы смѣняютъ другъ друга, и въ этихъ образахъ мы не имѣемъ ни воспоминаній, ни фантастическихъ переживаній въ собственномъ смыслѣ слова. Оригинальность и спонтанность характерны, какъ описательные, а не генетическіе признаки фантазіи. Такъ сказать, generatio aequivoca фантазіи не пріемлемо. Въ процессѣ формированія представленій слѣдуетъ отмѣтить два явленія: измѣненіе и сліяніе представленій. Подъ измѣненіями нужно разумѣть приблизительно то, что Рибо называетъ диссоціаціей представленій. Дильтей удачно указываетъ три случая измѣненія представленій. Образы измѣняются: 1) вслѣдствіе отпаденія частей; 2) вслѣдствіе усиленія или ослабленія отдѣльныхъ сторонъ представленія въ ихъ интенсивности; 3) вслѣдствіе присоединенія къ ихъ ядру новыхъ элементовъ и связей. Кромѣ измѣненій, въ представленіяхъ наблюдаются и сліянія: два или нѣсколько представленій даютъ какъ бы химически

сложное соединеніе или два представленія сочетаются какъ бы механически, и тогда мы имѣемъ к о м п л и к а ц і ю представленій, которая есть видъ сліянія. Вотъ яркій примѣръ с л і я н і я. Герой послѣдней драмы Ибсена, скульпторъ Рубекъ прославился бюстами, поразительно сходными съ ихъ оригиналами, но невѣдомо отъ заказчиковъ онъ привносилъ въ изображаемыхъ людей сходство со звѣрями: „снаружи это такъ называемое „поразительное сходство", на которое люди съ такимъ удивленіемъ глазѣютъ, но въ своей глубочайшей сущности это достойныя уваженія почтенныя лошадиныя морды, упрямыя ослиныя рыла, вислоухіе низколобые собачьи черепа и жирныя свиныя головы". Между сліяніемъ въ собственномъ смыслѣ слова и компликаціей можетъ быть множество переходныхъ ступеней. Именно, путемъ измѣненія и сліянія представленій и складываются образы фантазіи. Кромѣ воспроизведеній, въ ихъ образованіи участвуютъ и данныя первичной памяти и ощущенія. Послѣднія оказываютъ вліяніе: 1) просто с т и м у л и р у я игру представленій, но н е п р и в х о д я въ нее непосредственно; 2) п р и в х о д я въ процессъ сліянія и 3) вліяя и прямо, и косвенно. Какъ отличаемъ мы фантазію отъ воспоминанія? Въ послѣднихъ случаяхъ имѣется чувство д а н н о с т и т е п е р ь (Gegenwärtiggegebenes) при воспріятіи и чувство б ы в ш е й п р е ж д е д а н н о с т и („Einstgegebengewesenes"). „Спонтанность" представленій фантазіи вполнѣ совмѣстима съ репродуктивнымъ источникомъ вступленія въ сознаніе. Иллюзія спонтанности (Schein der Spontaneität) проистекаетъ изъ того, что воспроизводящій факторъ лежитъ подъ порогомъ вниманія. Отсюда иллюзія безсознательности, объясняющая и первую иллюзію.

II.

Установивъ опредѣленную точку зрѣнія на механизмъ представленій, Майеръ переходитъ къ логической сторонѣ мыслительнаго процесса—къ вопросу о природѣ сужденія. На природу сужденія существуютъ весьма разнообразные взгляды—ихъ можно свести къ четыремъ типичнымъ группамъ, изъ коихъ первыя три, какъ имѣющія нѣчто общее между собою, могутъ быть противопоставлены четвертой: 1) Verknüpfungs- und Trennungstheorien, согласно которымъ сужденіе есть сочетаніе представленій или расчлененіе сложнаго представленія. Уже Аристотель указывалъ, что сочетаніе и расчлененіе суть лишь двѣ стороны того же акта; 2) Gleichsetzungstheorien, согласно имъ сужденіе = отождествленіе двухъ содержаній представленій; 3) Praedicationstheorien, два представленія ставятся въ отношеніе одно къ другому. Эти три теоріи сходны въ томъ, что онѣ разсматриваютъ сужденія, какъ связываніе представленій. 4) теорія — это Geltungstheorie, сужденіе есть признаніе, или отверженіе представленія или связи представленій. Признаніе это разсматривается въ отношеніи къ дѣйствительному бытію, и экзистенціальное сужденіе оказывается здѣсь типичной формы сужденія вообще. Майеръ признаетъ за всѣми этими теоріями извѣстное значеніе. Онъ лишь настойчиво указываетъ, что не только связь представленій, но и отдѣльное представленіе можетъ быть объектомъ сужденія. Уже и отдѣльное представленіе не безразлично къ „истинному“ и „ложному“, въ него привходятъ тѣ или другіе моменты логическаго значенія. Первичныя формы сужденія лежатъ въ нашей психикѣ гораздо глубже, чѣмъ тѣ акты мышленія, которые находятъ себѣ выраженіе въ словѣ.

Въ сужденіе входятъ три момента (послѣдній не всегда): истолкованіе, объективація и присоединеніе представленія объекта мысли къ словесному выраженію. Подъ истолкованіемъ надо разумѣть процессъ апперцепціи, ассимиляціи новаго представленія прежнимъ запасомъ; въ процессѣ апперцепціи участвуютъ и воспроизведеніе, и господствующія „Vorstellungsdispositionen"!. Въ связи съ истолкованіемъ совершается объективированіе представленія. Подъ объективированіемъ Майеръ разумѣетъ не проэкцію представленія во-внѣ, не отнесеніе его къ внѣшнему объекту, какъ мы сейчасъ увидимъ, это частный случай (такое объективированіе имѣетъ мѣсто лишь въ процессѣ воспріятія),—но приданіе логическимъ элементамъ представленія общезначимости. „Всякій актъ объективированія включаетъ въ себя имманентное отношеніе субъекта къ объекту. Судящій ставитъ объектъ въ опредѣленное отношеніе къ себѣ, и только такимъ путемъ намъ доступны объекты дѣйствительности". Мы познаемъ міръ и внѣшній, и внутренній при помощи извѣстныхъ логическихъ функцій, которыя и сообщаютъ мысли транссубъективное значеніе: „въ структуру міра явленій привходятъ не только формы созерцанія и реальныя категоріи (мы сейчасъ увидимъ, каковы онѣ), но также и субъективно логическія категоріи, вотъ почему мы считаемъ отношенія субъективно логическихъ категорій, когда они являются предметами сужденій отношенія, за нѣчто „дѣйствительное, за реальный объектъ".

То узкое пониманіе сужденія, о которомъ мы говорили выше, уживается съ предразсудкомъ, который долго поддерживался ассоціаціонной психологіей. Ея представители, въ силу раціоналистической тенденціи къ упрощенію, упорно устраняютъ логическій моментъ въ душевной жизни дѣтей, дикарей и живот-

ныхъ, игнорируя наличность въ послѣдней элементарныхъ формъ сужденія, каковы сужденія воспріятія и воспоминанія. Сужденіе воспріятія есть тотъ актъ, которымъ ощущеніе превращается въ воспріятіе, это—Empfindungsauffassung: во всякомъ опознанномъ ощущеніи уже кроется элементарное сужденіе воспріятія. Истолкованіе воспріятія сводится къ образованію примитивнаго понятія, которое предшествуетъ и возникновенію слова. Такая формировка элементарнаго понятія въ элементарномъ сужденіи воспріятія сводится къ подчеркиванію общихъ чертъ (Betonung) при помощи вниманія и воспроизведенныхъ представленій. Истолкованіе можетъ быть интуитивнымъ и концептуальнымъ. Примѣръ перваго (Wiedererkennen): Отецъ! (Der Vater!), примѣръ второго: (Erkennen): дерево (ein Baum!). Объективированіе въ сужденіяхъ воспріятія заключаетъ въ себѣ примѣненіе трехъ моментовъ. Локализація — пространственное пріуроченіе объекта воспріятія, темпорализація—временное пріуроченіе объекта воспріятія—и примѣненіе къ объекту реальныхъ категорій: процессъ, состояніе и вещь. Короче говоря, мы такъ психически организованы, что необходимо опознаемъ комплексъ ощущеній въ сужденіи воспріятія, какъ нѣкоторую вещь, надѣленную качествами и подверженную измѣняемости, причемъ пріурочиваемъ процессъ воспріятія къ извѣстному мѣсту и времени. Свое завершеніе элементарный актъ воспріятія находитъ иногда въ словесномъ выраженіи. Сужденіе воспоминанія есть тотъ актъ мысли, которымъ мы опознаемъ въ воспроизведеніи раньше бывшее, превращаемъ его въ воспоминаніе. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить сужденія понятія—элементарныя понятія привходятъ, какъ мы видѣли, въ сужденія воспріятія — ихъ возникновеніе — процессъ непроизвольнаго характера. Сущность

абстракціи — „Betonung gewisser Züge durch Aufmerksamkeit", т.-е. выдѣленіе нѣкоторыхъ чертъ вниманіемъ.

Наши сужденія о собственной душевной жизни Майеръ называетъ психологическими. Надо различать „сознаваніе" психическихъ процессовъ отъ знанія о нихъ, т.-е. опознанія. Съ другой стороны, въ психической области нѣтъ просто состояній и процессовъ, не пріуроченныхъ къ «Я», хотя бы это пріуроченіе, т.-е., иначе говоря, самосознаніе и было смутно, какъ у животныхъ. Это замѣтно на структурѣ даже безличныхъ психологическихъ сужденій: мнѣ грустно, весело, страшно. Въ нашемъ «Я» слѣдуетъ отмѣтить какъ бы три слоя: 1) Формальное единство сознанія, das Bindeelement, обрамляющій, объединяющій содержанія сознанія; 2) Комплексъ волевыхъ предрасположеній, пріобрѣтенныхъ и унаслѣдованныхъ, потенціальный задній планъ сознанія. Майеръ рѣшительный волюнтаристъ — воля для него основная форма психическихъ явленій — это Wille zur Selbstbehauptung, воля къ самоутвержденію; 3) Ichwahrnehmung, наша эмпирическая личность, пріуроченная къ извѣстному тѣлу, наше психофизическое „Я". Характеризуя сущность психической жизни, какъ волю, Майеръ въ то же время отвергаетъ метафизическую теорію души, какъ старую „субстанціальную", такъ и новую (Вундтовскую) „актуальную". Съ другой стороны, по мнѣнію Майера, не слѣдуетъ смѣшивать имманентность сознанія съ представленіемъ: что ощущенія сознаются нами — это еще не значитъ, что они представляются нами, какъ психическія переживанія. Въ этомъ именно и заключается ошибка субъективнаго идеализма.

За психологическими сужденіями слѣдуютъ сужденія отношенія (Relationsurtheile), тѣ, въ ко

торыхъ мыслятся представленія отношеній. Не всѣ представленія отношеній суть познавательные акты, могутъ быть и эмоціональныя представленія отношеній. Что же касается познавательныхъ сужденій отношенія, то они могутъ быть слѣдующія: 1) субъективно-логическія отношенія (установка равенства, тожества, сходства, единства, множества); 2) пространственныя и временныя отношенія, куда входятъ пространственныя Gestalturtheile, сужденія о формѣ, и temporale Gestalturtheile, когда я, напримѣръ, сравниваю отдѣльныя временныя части событія въ отношеніи ихъ различной скорости; 3) отношенія реальной зависимости, куда входятъ отношенія причины и дѣйствія, средства и цѣли; 4) отношенія экзистенціальныя, въ экзистенціальныхъ сужденіяхъ, гдѣ имѣется въ виду установка объективной реальности извѣстнаго явленія (напр., Вильгельмъ Телль существовалъ); 5) семантическія отношенія, отношенія слова къ обозначаемому объекту; 6) отношенія функціональныя,— подъ ними Майеръ разумѣетъ нѣчто родственное понятію фиденціальныхъ характеровъ у Авенаріуса. Признаніе даннаго представленія или сужденія „знакомымъ“, „видѣннымъ“, „фантастическимъ“, „вѣроятнымъ“, „сомнительнымъ“, „очевиднымъ“ и т. п. есть установка извѣстнаго функціональнаго отношенія между познавательнымъ процессомъ и его объектомъ. Отъ такихъ познавательныхъ функціональныхъ отношеній слѣдуетъ отличать: 1) чисто презентативныя отношенія, когда я просто созерцаю извѣстное представленіе; 2) аффективно-функціональныя отношенія, когда я радуюсь чему-нибудь, ненавижу что-нибудь, сострадаю чему-нибудь и т. д., 3) волевыя функціональныя отношенія, въ актахъ хотѣнія и желанія, приказанія; 7) послѣднимъ видомъ отношеній являются отношенія основанія и слѣдствія. Майеръ пола-

гаетъ, по слѣдамъ Брентано, что въ сужденіяхъ отношенія всегда имѣетъ мѣсто объективированіе, въ томъ смыслѣ, что отношеніе мыслится, какъ объективная данность, къ которой примѣнимо выраженіе: „объекты второго порядка“ или „объекты высшаго порядка“. Послѣдній видъ сужденій, разсматриваемыхъ Майеромъ, — это сужденія фантазіи. Рѣчь идетъ сейчасъ о познавательной фантазіи—объ эмоціональной рѣчь будетъ впереди. Фантазія привходитъ въ акты объективнаго познанія и играетъ въ нихъ существенную роль. Во-первыхъ, ея дѣятельность наблюдается въ нашихъ представленіяхъ и сужденіяхъ о будущемъ (Zukunftsurtheile), затѣмъ въ математическомъ мышленіи, гдѣ мы конструируемъ понятія при помощи познавательной фантазіи. Сюда же Майеръ могъ бы отнести и такъ называемыя трансгредіентныя представленія, т.-е. мои представленія объ окружающей меня дѣйствительности внѣ кругозора непосредственнаго поля зрѣнія (напр., мое представленіе о расположеніи предметовъ въ сосѣдней комнатѣ, объ сосѣднихъ улицахъ и т. д.). Но о нихъ Майеръ ничего не говоритъ. Далѣе слѣдуютъ представленія чужой душевной жизни. Познаніе чужой душевной жизни получается не чисто ассоціативнымъ путемъ и не путемъ традиціоннаго, отлитаго въ сложныя формы, заключенія по аналогіи, но путемъ непроизвольно совершаемаго примитивнаго заключенія по аналогіи, опирающагося на инстинктивно осуществляемыя индукціи. Дифференціація живыхъ существъ отъ остальныхъ идетъ у ребенка путемъ различенія (вызываемаго практическими, а не теоретическими побужденіями) объектовъ, произвольно дѣйствующихъ въ окружающей средѣ, отъ остальныхъ. 2) Одновременно съ этимъ происходитъ у ребенка спеціализація, индивидуализація психи-

ческаго значенія поступковъ опредѣленнаго лица. Эти заключенія Майера поразительно напоминаютъ Балдвина, на котораго онъ, однако, не ссылается. Къ сужденіямъ фантазіи нужно отнести и сообщенныя сужденія (Mitgetheilte Urtheile), т.-е. тѣ акты мысли, которые возбуждаются во мнѣ извнѣ путемъ рѣчи или письма. Наконецъ, къ области сужденій фантазіи слѣдуетъ отнести наши метафизическія построенія, наши концепціи сущности вещей. Въ метафизическихъ построеніяхъ сужденія познавательной фантазіи могутъ, однако, имѣть и объективное значеніе. Метафизика не простое Begriffsdichtung (Ланге), не eine ungeheuere phantastische Spiegelung seines eigenen Selbst для человѣка (Дильтей), ибо возможна критическая метафизика. Путемъ гносеологическаго анализа міра явленій мы когда-нибудь доберемся и до его скрытаго ядра—до вещи въ себѣ. Явленіе указываетъ на существованіе транссубъективнаго Икса; познать его структуру, хотя нѣкоторыя положительныя его черты, составляетъ задачу критической метафизики. Такимъ образомъ. Майеръ примыкаетъ къ тѣмъ философамъ, которые, какъ Паульсенъ и Фолькельтъ, видятъ въ критицизмѣ подновленную метафизику и въ понятіи „критической метафизики“ не усматриваютъ никакого внутренняго противорѣчія.

III.

Набросавъ очеркъ психологіи судящаго мышленія, Майеръ переходитъ къ характеристикѣ эмоціональнаго мышленія. И тамъ, и здѣсь наблюдаются аналогичные логическіе процессы (и истолкованіе, и объективированіе, и дѣятельность категоріальнаго аппарата), но общая тенденція въ актахъ эмоціональнаго мышленія иная: познавательный процессъ здѣсь затѣненъ, отодвинутъ

назадній планъ, не опознанъ, какъ таковой, въ нашемъ сознаніи совершается „reine Vorstellungsgestaltung, nicht Auffassung“, фокусъ вниманія сосредоточенъ на практической цѣли, для которой познаніе является лишь побочнымъ средствомъ. Чтобы уяснить себѣ природу логическихъ актовъ въ эмоціональныхъ представленіяхъ, прежде всего нужно разобраться въ природѣ чувствованій. Интеллектуалистическая теорія чувствованій, сводящая ихъ къ соотношенію представленій, совершенно несостоятельна. Теорія Джемса-Ланге односторонняя. Ощущенія и чувствованія первичны, они суть различныя формы для выраженія того же процесса въ „Я“, но при этомъ не надо еще упускать изъ виду волевой корень чувствованій и познавательныхъ процессовъ. Липпсъ правъ, говоря „Gefühle sind Weisen des Ichgefühls“. Противъ волюнтаристическаго пониманія природы чувствованій можно сдѣлать два возраженія: 1) Если чувствованія всегда суть проявленія воли, то какъ же быть съ непріятными чувствованіями, которыя, наоборотъ, идутъ въ разрѣзъ съ нашимъ стремленіемъ; 2) часто бываетъ такъ, что мы достигаемъ чего-нибудь пріятнаго, не стремясь къ нему, когда, что называется, „Богъ на шапку посылаетъ“. Оба эти возраженія основаны на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что, кладя волю въ основу всѣхъ психическихъ явленій, Майеръ не имѣетъ въ виду утверждать, будто всякому переживанію чувства предшествуетъ актуальное желаніе его достигнуть, но лишь указываетъ на тотъ фактъ, что вся жизнь чувствованій стоитъ непремѣнно въ опредѣленномъ соотвѣтствіи потребностямъ и стремленіямъ „Я“, дифференцировавшимся изъ животнаго инстинкта самосохраненія такъ же, какъ изъ этого инстинкта выросъ и познавательный интересъ. Возможны ли представленія безъ чувственнаго тона или чувствованія безъ

познавательнаго коррелята? На оба эти вопроса Майеръ отвѣчаетъ отрицательно. Такъ называемыя индифферентныя психическія состоянія надо понимать въ относительномъ, а не абсолютномъ смыслѣ — это психическія состоянія съ неопознаннымъ, лежащимъ ниже порога вниманія чувственнымъ тономъ. Въ чувствованіяхъ, съ другой стороны, можетъ отсутствовать представленіе объекта чувствованія, но какіе-нибудь элементы представленія все же имѣются въ наличности. Что касается отношенія чувствованій къ волѣ, то никакого особаго Willensgefühl (Strebensgefühl) нѣтъ, но зато во всякомъ психическомъ актѣ есть волевая сторона. Переходя къ вопросу о качественной сторонѣ чувствованій, можно сказать, что чувствованія распадаются на столько классовъ, сколько существуетъ различныхъ стремленій (общихъ и индивидуальныхъ, пріобрѣтенныхъ и врожденныхъ) въ основной тенденціи „Я“ (Ichtendenz). Гедоническая теорія чувствованій, сводящая ихъ всѣ къ чувствамъ удовольствія и страданія, несостоятельна: различія качествъ слѣдуетъ относить не только къ представленіямъ, но и къ чувствованіямъ. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы согласиться, что страданія при уколѣ пальца и потерѣ близкаго друга качественно тожественны. Чувствованія заключаютъ въ себѣ три пары основныхъ противоположностей, которыя могутъ различно комбинироваться: пріятное — непріятное, напряженіе — разрядъ, активность—пассивность. Такъ, напр., страхъ передъ возможной непріятностью есть непріятное чувство пассивнаго напряженія. Эмоціональныя представленія фантазіи могутъ развиваться или на почвѣ настроеній — Stimmungsvorstellungen или на почвѣ аффектовъ, но послѣднее возможно лишь при средней силѣ чувствованій, и вотъ по какой причинѣ. Аффекты разряжаются въ выразитель-

ныхъ движеніяхъ, послѣднія ослабляютъ возбужденіе, возстановляя равновѣсіе въ организмѣ. Аффективныя представленія фантазіи, разыгрывающіяся на фонѣ извѣстнаго чувствованія, также представляютъ извѣстный (хотя и менѣе успѣшный) разрядъ чувствованія, но эти двѣ формы разряда исключаютъ одна другую, ибо выразительныя движенія несовмѣстимы съ созерцательнымъ характеромъ аффективныхъ представленій фантазіи. Психологи различно высказываются о томъ, усиливается или ослабляется чувствованіе подъ вліяніемъ аффективныхъ представленій: по Вундту оно ослабляется, по Леману—усиливается. Майеръ полагаетъ, что оба психолога правы: въ обоихъ случаяхъ замѣчается тенденція привести организмъ въ равновѣсіе: Wirklichkeitsgefühle перевоплощаются въ Phantasiegefühle, но это не всегда приводитъ къ желанному результату, если индивидуумъ наталкивается на задержку сильнаго желанія. Такъ, напримѣръ, сладострастныя мечты могутъ усиливать половое влеченіе, такъ же печальная аффективная фантазія можетъ усиливать печаль.

Акты аффективнаго мышленія представляютъ аналогію съ актами судящаго мышленія. Здѣсь есть и истолкованіе, и категоріальный аппаратъ. Вмѣсто же объективированія здѣсь есть иллюзорное объективированіе: мы относимъ образы фантазіи къ вымышленной дѣйствительности путемъ аффективнаго самовнушенія, таково аффективное сужденіе самовнушенія, къ нему сводятся акты вѣры. „Вѣра есть сознаніе значимости, но такое, которое основывается не на познавательныхъ данныхъ, но на самовнушеніи“. Что касается момента внѣшняго выраженія, то онъ здѣсь большею частью отсутствуетъ, ибо аффективныя представленія фантазіи и звуковыя выразительныя движенія—трудно совмѣсти-

мыя формы разряда чувствованій. Было бы ошибкою считать vocativa и междометія словеснымъ выраженіемъ для аффективныхъ представленій—это не предложенія и даже не зачатки ихъ, а просто разряды чувствъ: окрикъ „Карлъ!“ могъ бы быть замѣненъ, напримѣръ, свистомъ. Аффективныя представленія могутъ привходить въ качествѣ промежуточныхъ звеньевъ и въ сложные акты познавательной фантазіи, напримѣръ, въ умозаключенія. Это наблюдается во всевозможныхъ доказательствахъ бытія Божія или безсмертія, гдѣ убѣжденіе достигается не логической принудительностью аргументаціи, а подспуднымъ вліяніемъ на внушаемость собесѣдника. Эмоціональное мышленіе можно подраздѣлить на аффективное и волевое. Аффективное мышленіе находитъ себѣ своеобразное примѣненіе въ эстетическомъ и религіозномъ мышленіи.

IV.

Подъ эстетическимъ мышленіемъ Майеръ отнюдь не разумѣетъ эстетическое сужденіе оцѣнки, таковое есть просто видъ нормальнаго познавательнаго сужденія, но самое эстетическое переживаніе, въ которомъ что-нибудь нравится или не нравится намъ. Прежде всего возникаетъ вопросъ, при какихъ условіяхъ какой-нибудь объектъ природы или искусства можетъ возбуждать въ насъ эстетическія представленія фантазіи. Уже Фехнеръ справедливо указывалъ, что въ эстетическомъ переживаніи слѣдуетъ отмѣчать два фактора — прямой и косвенный. Прямымъ является самый объектъ природы или искусства, стимулирующій нашу фантазію, какъ таковой. Изъ него развивается косвенный, ассоціативный. Этотъ послѣдній можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ формальной и съ матеріальной. Съ формальной

стороны чувственное впечатлѣніе порождаетъ эстетическую игру представленій въ томъ случаѣ, если оно вызываетъ въ насъ безпрепятственно развивающійся, внутренно свободный процессъ смѣны представленій, это достигается единствомъ въ многообразіи, господствомъ гармонической формы надъ содержаніемъ. Съ развитіемъ этого процесса тотчасъ возникаетъ иное отношеніе къ воспринимаемому объекту, онъ, такъ сказать, поглощается въ созерцаніи, сливается съ элементами фантазіи: созерцательное отношеніе къ воспріятію вытѣсняетъ всякое другое — познавательное или эмоціональное практическаго характера. Въ художественныхъ произведеніяхъ (напримѣръ, въ пластикѣ) объектъ такъ технически приспособленъ къ цѣлямъ эстетическаго переживанія, что онъ съ особенной легкостью вызываетъ игру фантазіи и превращается изъ познавательнаго воспріятія въ эстетическое созерцаніе. Матеріальная сторона ассоціативнаго фактора заключается въ значительности изображаемаго (bedeutungsvoll), въ изображеніи цѣнныхъ, интересныхъ сторонъ человѣческой личности и того, что имѣетъ къ ней отношеніе. Хотя въ эстетическомъ воспріятіи волевой элементъ и отодвинутъ на задній планъ, но все же связь съ „Wille zum Ich“ сохраняется, и эта связь, хотя и косвенная, съ этическими идеалами жизни сообщаетъ глубину эстетическому впечатлѣнію и привходитъ во всѣ роды искусства — и въ трагическій, и въ комическій. Синтезомъ обоихъ моментовъ, формальнаго и матеріальнаго, является то, что Майеръ называетъ „Einschauung“. Объектъ вызываетъ аффективную фантазію постольку, поскольку онъ является одушевленнымъ; проэкція же психики совершается съ тѣмъ большею легкостью, чѣмъ болѣе технически совершенна форма изображаемаго; но именно это-то и сообщаетъ значи-

тельность и цѣнность изображаемому. Представленіе чужой психики, построяемое изъ матеріаловъ собственныхъ переживаній, здѣсь чисто созерцательное, а не „взаправдашнее“, оно отвѣчаетъ потребности аффективной фантазіи—и только; съ нимъ не связано никакого познавательнаго интереса. Посмотримъ теперь, въ чемъ проявляется логическая активность въ эстетическомъ соцерцаніи. К. Гроосъ и Фолькельтъ устанавливаютъ два класса эстетическихъ сужденій, оцѣнки и пониманія (Werth- und Verständnissurtheile). Примѣромъ послѣдняго можетъ служить такое сужденіе при взглядѣ на картину „Тайная вечеря“: „Вонъ этотъ тамъ—это Іуда; онъ, очевидно, въ испугѣ опрокинулъ солонку“. Майеръ полагаетъ, что это вовсе не познавательное сужденіе, но эмоціонально-аффективный актъ мысли: „то, что я вижу, есть для меня Іуда только въ силу аффективно-эстетическаго способа представленія“. Конечно, такая фраза можетъ соотвѣтствовать и чисто познавательному сужденію, и тутъ невозможно провести строгой границы во внѣшнемъ способѣ выраженія. Въ эстетическій актъ мысли входитъ наряду съ „истолкованіемъ“ и объективированіе: псевдообъектированіе, т.-е. приписываніе объекту „невзаправдашней“ реальности, реальности въ качествѣ объекта созерцанія. Недавно Конрадъ Ланге въ книгѣ: „Die bewusste Selbsttäuschung als Kern des künstlerischen Genusses“ развиваетъ мысль, будто эстетическій актъ сводится къ вызывающему наслажденіе свободному и сознательному колебанію (Hin- und Her-Pendeln) между реальностью и видимостью, отношеніемъ въ „серьезъ“ и игрой. Но если все дѣло сводится къ непрестанному сопоставленію и притомъ вполнѣ сознательному, дѣйствительности съ видимостью, то, замѣчаетъ Майеръ, придется допустить, что самое сильное впечатлѣніе, напримѣръ, отъ созерцанія ландшафта, должно у мен

быть въ томъ случаѣ, если художникъ изобразитъ знакомую мнѣ мѣстность. „На самомъ же дѣлѣ бываетъ какъ-разъ обратное. Если человѣкъ, изображенный на портретѣ, или пейзажъ, соотвѣтствующій содержанію картины, знакомъ мнѣ, то, дабы получить чистое эстетическое удовольствіе, я долженъ употребить всяческія усилія, чтобы устранить воспоминанія и вообще всякія познавательныя представленія, которыя могли бы нарушить цѣлостность эстетическаго впечатлѣнія". Съ другой стороны, часто близость художественнаго изображенія къ оригиналу его оставляетъ насъ совершенно равнодушными. Безспорно иллюзія есть необходимая предпосылка и важный моментъ въ эстетическомъ созерцаніи, но не составляетъ еще всей его сущности. Однако, безусловно нельзя сказать, будто сознательное посмѣнное сопоставленіе „видимости" и „реальности" имѣетъ мѣсто въ эстетическомъ созерцаніи, наоборотъ, такой процессъ привелъ бы къ уничтоженію эстетическаго наслажденія: сознательнымъ самообманомъ эстетическую иллюзію никакъ нельзя назвать.

V.

При анализѣ религіознаго мышленія часто дѣлаютъ ошибку, приписывая актамъ религіозной мысли чисто познавательное значеніе. Этимъ, напримѣръ, грѣшитъ интеллектуалистическая теорія происхожденія религіи, выдвигающая на первый планъ познавательный мотивъ: религіозныя представленія возникли въ силу стремленія объяснить окружающую дѣйствительность (Kausalitätsdrang). На самомъ дѣлѣ религіозное мышленіе сводится къ эмоціональнымъ представленіямъ фантазіи, къ сужденіямъ вѣры, а не къ сужденіямъ теоретическимъ. Сужденіе: „я вѣрю въ то-то и то-то" есть просто

психологическое познавательное сужденіе, но сужденіе: „Богъ существуетъ“ есть сужденіе вѣры. Такія вѣрованія вызываются прежде всего отнюдь не познавательными, а аффективными и волевыми побужденіями. Въ образованіи ихъ играетъ роль и чувство зависимости человѣка передъ силами природы, и желаніе достигнуть счастья, благъ и т. п. Простѣйшую форму вѣрованія представляетъ, какъ извѣстно, фетишизмъ. Жизненныя потребности первобытнаго человѣка наталкиваются на границы, что и порождаетъ въ немъ чувство зависимости отъ невѣдомыхъ силъ. Въ то же время жизнь посылаетъ ему случайные дары и случайныя кары. Этотъ фактъ случайности извѣстнаго благополучія и несчастья ставится первобытнымъ умомъ, благодаря аффективнымъ умозаключеніямъ, въ связь съ опредѣленнымъ предметомъ, который и становится фетишемъ. Представленіе о высшей силѣ связывается съ фетишемъ путемъ описаннаго выше процесса сліянія представленій. Переходъ отъ фетишизма къ высшимъ религіознымъ формамъ совершается въ силу расширенія круга представленій и въ сторону природы, и въ сторону этическихъ стремленій, причемъ индивидуальныя цѣнности замѣщаются соціальными: благополучіе семьи, рода (тотемизмъ), племени и т. д. Самый способъ представливанія религіознаго объекта проходитъ три ступени: 1) Субнатуралистическій—при немъ весь міръ представляется сплошнымъ волшебствомъ: между объектомъ вѣры и предметомъ воспріятія связь установлена совершенно случайно (Майеръ могъ бы прибавить: въ первой стадіи фетишизма и лишь на данный случай—боги мгновенія, по выраженію Германа Узенера). 2) Натуралистическій, при которомъ на почвѣ анимизма выростаетъ обоготвореніе опредѣленныхъ силъ природы: боги выступаютъ съ опредѣленными постоян-

ными свойствами—спеціальные боги (по терминологіи Ланга departemental Gods, по терминологіи Узенера Sondergötter). Съ ростомъ интересовъ увеличивается и число боговъ. Узенеръ, напримѣръ, указываетъ, что въ древнѣйшей религіи римлянъ былъ обычай „при воздѣлываніи поля взывать не только къ землѣ (Tellus) и богинѣ плодородія (Ceres), но и къ 12 спеціальнымъ божествамъ: къ одному при подъемѣ новины, къ другому—при второй вспашкѣ, къ третьему—при проведеніи бороздъ въ послѣдній разъ, къ четвертому—при посѣвѣ и т. д. 3) Третій способъ представленія—супранатуралистическій. На этой ступени вѣрующій уже не чувствуетъ потребности непремѣнно чувственно представлять себѣ объектъ вѣры, чтобы считать его за реальность. На этой почвѣ происходитъ и образованіе монотеизма, какъ указываетъ Геффдингъ или въ силу возобладанія одного какого-нибудь бога, или въ силу образованія представленія о божественномъ началѣ, присущемъ всѣмъ богамъ. Нужно замѣтить, что и на этой ступени способъ представленія боговъ остается чувственнымъ. Если боги не воспринимаются чувственно на супранатуралистической ступени, то способы представленія ихъ все же въ значительной мѣрѣ сохраняютъ свой чувственный характеръ. Религіозныя стремленія связаны съ практическими, человѣкъ ищетъ въ Богѣ помощника, утѣшителя и судію, и потому его представленіе о Богѣ всегда будетъ антропоморфично. Антропоморфизмъ лежитъ въ существѣ каждой религіи, и никакая религія не можетъ совершенно устранить его. Вотъ почему религіозно вѣрующій мыслитъ непремѣнно всегда теистически. На первый взглядъ этому положенію противорѣчитъ фактъ существованія идеи Бога у мистиковъ, которые видятъ въ немъ сверхдуховную сущность Абсолютъ, совершенно лишенный какихъ бы то

ни было опредѣленій, къ коему неприложимы даже признаки бытія и дѣятельности. Нѣчто подобное мы видимъ въ нѣмецкой доминиканской мистикѣ Мейстера Эккгардта, примыкающей къ умозрѣніямъ новоплатонизма. Но тутъ-то именно и оказывается, что такая концепція Бога сама по себѣ еще не можетъ удовлетворять религіозной потребности, и Эккардтъ часто сбивается въ представленіи Бога на антропоморфическій путь: „Гдѣ божество Эккгардта разсматривается, какъ объектъ вѣры, ставится въ отношенія къ религіозно вѣрующему, тамъ оно снова является дѣйствующимъ и надѣляется въ представленіи вѣрующаго признаками, заимствованными изъ сферы чувственно-духовной... Религія есть и остается всегда практически мотивированной. Этою нормою опредѣляется характеръ представленій Бога у вѣрующаго". Религіозныя представленія, возникающія на почвѣ философскихъ умозрѣній, имѣютъ иную природу, чѣмъ религіозныя представленія, какъ таковыя, или, лучше сказать, философское умозрѣніе, развиваясь на почвѣ религіознаго, постепенно приходитъ съ послѣднимъ въ противорѣчіе. Критическая (познавательная) дѣятельность метафизики разрушаетъ то, что опирается на вѣру. „Исторія религій — достаточно вспомнить браминизмъ и его отношеніе къ мышленію въ Упанишадахъ, іудейскую религію и ея развитіе въ александрійско-іудейской философіи, христіанскую съ ея исторіей догмъ—представляетъ многочисленныя иллюстраціи тому, какъ философское умозрѣніе первоначально возникаетъ въ лонѣ извѣстной религіи или пускаетъ корни всецѣло на ея почвѣ, и какъ въ концѣ концовъ оно доходитъ до представленій, оказывающихся въ вопіющемъ противорѣчіи подлинной тенденціи того круга религіозныхъ интересовъ, изъ котораго оно вышло". Это можно видѣть на эволюціи пантеизма и

деизма изъ религіозныхъ вѣрованій. Вліяніе познавательнаго интереса устраняетъ здѣсь изъ объекта вѣры личный моментъ, который такъ дорогъ душѣ вѣрующаго, который именно въ силу этого снова туда вторгается, какъ только религіозная жизнь вступаетъ въ отношенія къ объекту вѣры. Можно наблюдать на многихъ философскихъ системахъ наличность религіознаго интереса, какъ такового, и рядомъ съ этимъ развитіе мысли, руководимое познавательнымъ мотивомъ, который является въ самой системѣ господствующимъ. Сюда относятся философскія построенія многихъ пантеистовъ—Ксенофана, Бруно, Спинозы, Шеллинга. Система Спинозы, напримѣръ, вся насквозь обоснована познавательно, и философъ страстно стремится подчинить практическія потребности чувства познавательному интересу, „истинѣ"; но какъ мощенъ при этомъ также и религіозный мотивъ—это видно изъ тона, который звучитъ въ его „Этикѣ". Однако, соприкосновеніе религіознаго и философскаго элемента въ философскихъ системахъ не должно приводить насъ къ совершенно ложной мысли, высказывавшейся Лотце, а въ новѣйшее время Ритшлемъ, будто все философское умозрѣніе, поскольку оно направлено на міръ, какъ цѣлое, и на его первооснову, произошло изъ религіозной потребности и является продуктомъ религіозной фантазіи. Здѣсь мы видимъ грубое смѣшеніе психическихъ фактовъ различнаго порядка. „Рядомъ съ религіозной фантазіей существуетъ и познавательная, дѣятельность которой проявляется въ постройкѣ гипотезъ, въ томъ числѣ и метафизическихъ". И познавательный, и религіозный интересъ, правда, выростаютъ изъ общаго корня—изъ практическихъ потребностей человѣка, но эти три рода потребностей (познавательная, практическая и религіозная) остаются затѣмъ самостоятельными. Ни религія не есть поро-

жденіе метафизики, ни метафизика—порожденіе религіи. Далѣе Майеръ высказываетъ свой прогнозъ о будущемъ религіи. Нѣтъ двухъ родовъ дѣйствительности--области вѣры и области знанія, есть лишь одно Wahrheits-Bewusstsein. „Аффективная достовѣрность вѣры можетъ стать объективнымъ истиннымъ познаніемъ только въ томъ случаѣ, если мысленный актъ вѣры включитъ въ себя и присвоитъ себѣ познавательную функцію, и, слѣдовательно, постольку, поскольку сама вѣра подчинится критерію дѣйствительности и нормѣ истины, устанавливаемымъ познающею мыслію". Майеръ надѣется, что это осуществимо на почвѣ критической метафизики (метафизики знанія), которая путемъ познавательной фантазіи окажется въ состояніи объективно установить хотя бы нѣкоторыя черты въ природѣ Абсолютнаго. Отношеніе Майера къ кантовской метафизикѣ вѣры близко напоминаетъ взглядъ Гефдинга. Однако, Майеръ не особенно увѣренъ въ томъ, что критическая метафизика даетъ прочную опору для религіи: „Нельзя, однако, отрицать, что философско-метафизическій способъ представленія во всѣхъ его формахъ навязываетъ вѣрѣ резиньяцію, чтобы не сказать: скепсисъ, которые противорѣчатъ присущему ей способу представлять религіозный объектъ и которые чужды первоначальнымъ задачамъ религіи". „Всего же менѣе религіозный интересъ находитъ себѣ удовлетвореніе въ наивысшемъ познавательномъ способѣ мышленія, въ критическомъ. Что здѣсь имѣется на лицо въ качествѣ религіи, есть лишь плачевный остатокъ религіозныхъ чувствъ, есть, по правдѣ сказать, сама религіозная резиньяція. Сколько-нибудь лично окрашенное отношеніе человѣка къ Абсолюту въ этой философской схемѣ мысли болѣе уже невозможно". Майеръ говоритъ въ утѣшеніе вѣрую-

щимъ: „Религіозный интересъ и религіозное отношеніе къ дѣйствительности никогда не исчезнутъ. Поскольку живой человѣкъ стремится къ утвержденію и расширенію жизни, и, съ другой стороны, поскольку онъ при попыткахъ реализаціи своего стремленія чувствуетъ себя обусловленнымъ, ограниченнымъ, зависимымъ, постольку религія будетъ существовать". Антиномія вѣры и знанія не исчезнетъ никогда. Религіозные акты мысли, по Майеру, суть аффективныя умозаключенія — не познавательные процессы. Въ нихъ входитъ: 1) Непосредственное оцѣниваніе извѣстныхъ фактовъ, вызванное желаніемъ достигать извѣстныхъ благъ и избѣгать извѣстныхъ золъ. Съ этимъ оцѣниваніемъ связаны: 2) чувство зависимости по отношенію къ божественному началу и 3) импульсъ къ осуществленію акта вѣры.

VI.

До сихъ поръ наше вниманіе было направлено на аффективное мышленіе. Теперь обратимся къ другой разновидности эмоціональнаго мышленія—къ мышленію волевому. Можно установить три класса волевого мышленія, которые мы и разсмотримъ послѣдовательно: акты волевого мышленія въ собственномъ смыслѣ слова, акты пожелательнаго мышленія и акты императивнаго мышленія (приказанія, запрещенія). I Акты волевого мышленія въ собственномъ смыслѣ слова. Майеръ осуждаетъ и интеллектуалистическую теорію воли, по которой господствующая роль въ волевомъ процессѣ отводится представленіямъ, и сенсуалистическую, которая сближаетъ воленіе съ мышечнымъ напряженіемъ; равнымъ образомъ онъ, какъ мы видимъ, отвергаетъ и особое „чувство стремленія", считая во-

леніе характерной формой всякаго психическаго процесса вообще. Схема волевого акта представляется Майеру такою. Извѣстный стимулъ (Reiz) вызываетъ хотѣніе (Begehrungstendenz), оно, въ свою очередь, связано съ представленіемъ цѣли оцѣниваемымъ чувствомъ, въ это хотѣніе привходитъ чувство напряженія (Spannungsgefühl). Далѣе слѣдуетъ рѣшимость (Willensentscheidung), импульсъ къ дѣйствію и поступокъ (Handlung), съ этими заключительными стадіями связано чувство разряженія (Lösungsgefühl). Стимулъ не есть мотивъ поступка, но его поводъ, causa occasionalis. Со стимуломъ связано непріятное чувство, обязательно привходящее въ него, являющееся условіемъ для актуализаціи волевого предрасположенія. Иногда расчленяютъ понятія мотива и полаганія цѣли. На самомъ дѣлѣ мотивъ и полаганіе цѣли не отдѣлимы. Можно было бы указать на волевые акты безъ представленія цѣли, гдѣ есть мотивъ, но нѣтъ представленія цѣли („слѣпая воля"). Однако, такихъ волевыхъ актовъ вовсе нѣтъ. Мотивъ есть причина поступка, въ то время, какъ стимулъ—поводъ. Наша Ichwille всегда активна, но въ то же время заключаетъ въ себѣ множественность потенціальныхъ волевыхъ предрасположеній, которыя не абсолютно неизмѣнны. Въ волевое мышленіе входятъ обычные акты и истолкованіе, и ‚объективированіе, изрѣдка рѣчь. Необходимость вывода имѣетъ здѣсь гипотетическій характеръ: „если хочешь того-то, то долженъ думать такъ-то". Процессъ обдумыванія въ волевомъ актѣ заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: *A*) Обдумываніе цѣли (долженъ ли я?). Тутъ можетъ имѣть мѣсто простая альтернатива: или „да", или „нѣтъ"; иногда же первоначальная дилемма осложняется привхожденіемъ новыхъ мотивовъ. Тутъ возможны три случая:

1) первоначальный мотивъ одерживаетъ перевѣсъ надъ остальными; 2) одинъ изъ новыхъ одерживаетъ перевѣсъ надъ прежними; 3) всѣ мотивы, и старые, и новые, такъ сказать, кассированы, отвергнуты волей. *B*) Обдумываніе средствъ (могу ли я? — оно включаетъ въ себя чисто познавательные процессы. За обдумываніемъ наступаетъ рѣшимость (Beschluss, Entschluss), она зависитъ не только отъ игры представленій, но отъ Ichwille съ ея предрасположеніями. Поэтому всякій поступокъ мотивированъ— допущеніе безпричинной свободы воли, есть Appel ans Irrationale. Къ рѣшимости примыкаетъ волевой импульсъ и затѣмъ волевой поступокъ. Ихъ отношеніе можетъ быть двоякимъ: 1) импульсъ совпадаетъ по времени съ поступкомъ, или 2) импульсъ отдѣленъ временнымъ промежуткомъ отъ поступка. Въ первомъ случаѣ нужно имѣть въ виду, что импульсъ не есть моментальный актъ, но скорѣе распространяется на весь поступокъ. Отсюда слѣдуетъ различать первичный волевой импульсъ отъ вторичныхъ, поддерживающихъ первый. Во второмъ случаѣ временная обособленность импульса отъ поступка кажущаяся: de facto волевой импульсъ, въ формѣ волевыхъ предрасположеній, распространяется и на отдаленнѣйшія цѣли. II. Акты пожелательнаго мышленія. Желаніе есть внутреннее стремленіе, не сопровождающееся тенденціей къ поступку. Зигвартъ высказываетъ странную мысль, будто у животныхъ нѣтъ желаній, но лишь хотѣнія. Майеръ не соглашается съ нимъ и находитъ, что исторія лисицы и винограда служитъ достаточно вѣскимъ опроверженіемъ подобной мысли. III. Третій видъ волевого мышленія—это императивные акты (запрещеніе, приказаніе, просьба, совѣтъ, предостереженіе). Иногда императивный характеръ мысли не выраженъ во внѣш-

ней словесной формѣ, по сути дѣла это не мѣняетъ. Такіе акты могутъ быть конкретными и абстрактными, повелительными и запретительными. Остановимся на конкретныхъ повелительныхъ актахъ. *А*) Повелительное представленіе приказывающаго. Оно можетъ быть произвольнымъ и непроизвольнымъ. Ближайшимъ стремленіемъ является стремленіе вызвать въ слушающемъ: 1) опредѣленное психическое состояніе и 2) слѣдующій за нимъ поступокъ. Для этой цѣли служитъ словесный актъ опредѣленной формы. *В*) Представленіе повелѣнія слушающимъ (адресатомъ) — оно является стимуломъ для совершенія поступка, при этомъ нерѣдко реализуются въ познаніи представленія отношеній между говорящимъ (повелѣвающимъ) и слушающимъ. Такимъ образомъ, во взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ играютъ роль три рода императивныхъ представленій: 1) повелительное представленіе говорящаго; 2) познавательное представленіе о повелѣніи у слушающаго и 3) изъ него можетъ развиться волевое представленіе о приказаніи у слушающаго. Повелѣнія и приказанія (resp., запрещенія) являются общими принципами поведенія (Grundsätze)—заповѣдями. Ученіе о волѣ заключается анализомъ понятій: „оцѣниваніе“ (Werthung) и „сужденіе оцѣнки“. „Оцѣниваніе“ въ извѣстномъ смыслѣ привходитъ во всякое чувствованіе, поскольку въ немъ объектъ чувствованія непосредственно оцѣнивается, такими объектами являются: познавательные, аффективные, эстетическіе, волевые. Элементарное же „сужденіе оцѣнки“ есть познавательное представленіе функціональныхъ отношеній познавательно или эмоціонально представляемыхъ объектовъ къ человѣческимъ чувствованіямъ. Но, строго говоря, сужденіе оцѣнки имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ замѣтно привходитъ функціональное отношеніе къ воленію: не хотѣніе

опирается на чувство цѣнности, но наоборотъ, чувство цѣнности предполагаетъ хотѣніе: прежде всего цѣнности находятся въ постоянномъ отношеніи къ чувствованіямъ постоянными же здѣсь являются предрасположенія чувствъ (Gefühlsdispositionen). Цѣнности можно подраздѣлить на субъективныя и объективныя. Подъ первыми слѣдуетъ разумѣть то, что признается цѣннымъ лично мною, какъ таковымъ, другимъ лицомъ или какою-нибудь группою лицъ (Eigenwerthvorstellungen, Fremdwerthvorstellungen и Kollective Werthvorstellungen). Подъ вторыми, объективными цѣнностями слѣдуетъ разумѣть представленія общезначимыхъ, безусловныхъ цѣнностей. Эти послѣднія слѣдуетъ раздѣлить на три группы: 1) этическія сужденія цѣнности; 2) эстетическія—они безусловны постольку, поскольку включаютъ въ себя этическій моментъ; 3) логическія сужденія цѣнности — они тоже включаютъ въ себя этическій моментъ, поскольку правдивость, стремленіе къ истинѣ, является нравственно одобряемымъ.

VII.

Слѣдующій далѣе отдѣлъ своей книги Майеръ посвящаетъ анализу права, соотвѣтствующихъ актовъ мысли и нормъ. Что такое правовыя нормы? По мнѣнію Майера, они есть гипотетическій императивъ по своей природѣ: не познавательный актъ мысли, но выраженіе волевого акта мысли въ гипотетической формѣ. Кто является устанавливающимъ норму субъектомъ? Таковымъ является организованная, облеченная властью соціальная воля, государство. Но не одно государство можетъ быть таковымъ, какъ это мы видимъ въ обычномъ правѣ, которое является примитивною формою права, выросшею изъ „нравовъ“ дан-

ной страны. Цѣлью права является реализація условій здороваго и плодотворнаго сожительства и взаимодѣйствія индивидуумовъ въ обществѣ и государствѣ, которыя обезпечиваются примѣненіемъ надѣленной мощью и организованной власти, иначе говоря, право обезпечиваетъ нормальныя условія для моральной жизни. Въ чемъ заключается правосознаніе и правовое чувство? Отправный пунктъ для перваго лежитъ въ познавательныхъ представленіяхъ повелѣнія, вызываемыхъ нормою права въ сознаніи лица, на которое норма распространяется, на заднемъ планѣ находится представленіе воли и власти государства, обезпечивающихъ осуществленіе нормы. Воспитаніе въ правовыхъ условіяхъ создаетъ въ индивидуумѣ правосознаніе въ смыслѣ извѣстныхъ психическихъ предрасположеній; въ немъ складывается то, что можно назвать юридическимъ тактомъ или правовымъ инстинктомъ. Съ развивающейся потребностью въ правѣ вмѣстѣ развивается и то, что называютъ правовымъ чувствомъ, въ немъ лежитъ корень правовыхъ сужденій оцѣнки. Этихъ явленій отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ моральнымъ чувствомъ, которое является болѣе первичнымъ, и, какъ мы увидимъ, заключаетъ въ себѣ ядро врожденныхъ волевыхъ предрасположеній.

Послѣдняя обширная глава книги Майера посвящена этическому мышленію. Онъ намѣчаетъ для изслѣдованія четыре вопроса: I) Въ чемъ заключается основная форма проявленія нравственности. II) Какой психическій элементъ является первоосновнымъ въ нравственной дѣятельности? III) Въ чемъ заключается содержаніе нравственнаго идеала? IV) Какъ возникли нравственныя нормы и идеалы?

I. Что касается перваго вопроса, то здѣсь можно указать два рода теорій, дающихъ на него опредѣ-

ленный отвѣтъ: первая группа — императивныя теоріи, выдвигающія на первый планъ сверхличный принудительный характеръ этическихъ нормъ; вторыя— теоріи, исходящія изъ цѣлевыхъ стремленій моральнаго индивидуума. Императивныя теоріи бываютъ: 1) богословскія, въ нихъ законодателемъ нормы является Богъ. Въ позитивныхъ богословскихъ ученіяхъ онъ предписываетъ нормы, извнѣ путемъ откровенія, въ интуитивныхъ — изнутри, путемъ врожденной человѣку „совѣсти", „гласа Божія" и т. п.; 2) раціоналистическія: принудительность нормъ вытекаетъ изъ законовъ моего разума, общихъ съ разумомъ другихъ людей — индивидуалистическая концепція (Кларке, Волластонъ); она вытекаетъ изъ природы мірового разума—универсалистическая тенденція (Гегель); 3) историко-общественныя— принудительность нормъ есть продуктъ историческаго развитія, соціальныхъ условій воспитанія (Гоббсъ, Игерингъ, Лаасъ); 4) автономная принудительность нормъ связана съ себѣдовлѣющей природой умопостигаемаго „Я", которое противостоитъ эмпирическому и въ актахъ „свободной причинности" реализуетъ нравственный законъ.

Теоріи, выдвигающія на первый планъ цѣлевыя стремленія индивидуума, имѣютъ двѣ характерныя разновидности: гедонизмъ и перфекціонизмъ. Въ первую входятъ всѣ ученія, которыя считаютъ цѣлью нравственной дѣятельности наслажденіе наиболѣе продолжительное. Гедонизмъ можетъ проявляться или въ чисто индивидуалистической формѣ, то-есть ставить цѣлью личное благополучіе человѣка, или же въ соціальной, т.-е. ставить цѣлью общественное благополучіе. Подъ перфекціонизмомъ Майеръ разумѣетъ теоріи, ставящія цѣлью нравственной дѣятельности личное совершенство, под-

ноту самоутвержденія личности во всей ея многогранности. Таково ученіе Аристотеля, Гербарта, Ницше. Перфекціонизмъ можетъ, какъ и гедонизмъ, имѣть соціальную форму, какъ мы это видимъ, напримѣръ, у Лесли Стивена, который понятія здоровья, жизнеспособности, силы и гармоніи переноситъ на общество. Какъ гедонизмъ, такъ и перфекціонизмъ, могутъ проявляться въ формѣ ученій, переносящихъ блаженство или совершенство въ трансцендентную область. Было бы ошибкою думать, что перфекціонизмъ исключаетъ эвдемонистическій оттѣнокъ, наоборотъ, большинство ученій этого порядка не исключаютъ изъ конечной цѣли и счастье.

II. Второй вопросъ — какой психическій элементъ является первоосновнымъ въ нравственной дѣятельности? рѣшался весьма различно. Мораль чувства выдвигала эту сторону въ нравственной дѣятельности— сюда относятся ученія, сводящія этику къ теоріи оцѣнки и видящія въ сужденіи оцѣнки, опирающемся на чувство, истинное ядро морали. Мораль разума выдвигала на первый планъ познаніе, на почвѣ котораго складываются опредѣленныя представленія о конечной цѣли и стремленія къ ней. Наконецъ, волюнтаристическая этика видѣла въ императивныхъ представленіяхъ и стремленіяхъ къ конечной цѣли главную суть нравственнаго самосознанія.

III. По вопросу о происхожденіи нравственности существуютъ эмпиристическая и апріорная или интуитивная теорія. Первая выводитъ нравственныя нормы или психологическимъ путемъ, или историческимъ путемъ изъ опыта—то-есть видитъ въ нихъ продуктъ или индивидуальнаго, или соціальнаго опыта; вторыя усматриваютъ въ этихъ нормахъ нѣчто врожденное или въ качествѣ интеллектуальной идеи, или въ качествѣ волевого или аффективнаго предрасп-

ложенія, причемъ, какъ и эмпиристическія, относятъ моральную норму за счетъ или индивидуально-психологическаго, или сверхъ-индивидуальнаго опыта. Послѣднее можно видѣть у Гегеля, который въ апріорной этической нормѣ видитъ проявленіе сверхличнаго историческаго разума, мірового духа. Эволюціонная этика представляетъ какъ бы компромиссъ между психологическимъ апріоризмомъ и противоположной теоріей: она признаетъ извѣстныя моральныя предрасположенія въ качествѣ врожденныхъ т е п е р е ш н и м ъ человѣческимъ индивидуумамъ, но видитъ въ нихъ апостеріорный продуктъ длинной исторіи развитія—что апостеріорно для вида, апріорно для индивидуума. Майеръ, повидимому, болѣе склоненъ къ послѣдней точкѣ зрѣнія, но его взглядъ выяснится изъ послѣдующаго.

Прежде всего надо рѣшить, какъ слѣдуетъ, первый изъ поставленныхъ вопросовъ. Кто правъ, тѣ ли, кто центръ тяжести моральной проблемы переносятъ на и м п е р а т и в ы, или тѣ, кто его переносятъ на у с т а н о в к у ц ѣ л е й? Для этого надо опредѣлить, правильно ли истолковывается „долженствованіе“ въ моральномъ дѣйствіи, эта внутренняя принудительность нравственныхъ нормъ. Раціоналисты относятъ ее за счетъ логической принудительности, насилуя факты; богословы—за счетъ „гласа божія“, произвольно истолковывая эту принудительность; de facto сама теорія божественнаго происхожденія императива привнесена въ истолкованіе психологическаго факта, который самъ по себѣ не заключаетъ ни малѣйшаго указанія на внѣшнее велѣніе свыше. Историко-соціальныя теоріи указываютъ на вліяніе соціальныхъ привычекъ, укореняющихся въ человѣкѣ, благодаря продолжительному повторенію извѣстныхъ ассоціацій, которыя дѣлаются неразрывными. Но, признавая значеніе соціальныхъ

привычекъ, все же нельзя за ихъ счетъ отнести принудительность нравственныхъ нормъ, ибо у насъ совершенно не сохранилось въ воспоминаніи, когда мы примѣняемъ ихъ, ни малѣйшаго указанія на ихъ соціальный источникъ. Съ другой стороны, этическимъ мотивамъ мы придаемъ совершенно особенное, исключительно важное значеніе передъ другими и отнюдь не склонны относить это обстоятельство за счетъ внѣшнихъ вліяній. Въ автономной императивной морали Канта императивъ, какъ мы видѣли, относится за счетъ интеллигибельнаго „Я", предписывающаго законъ эмпирическому. Эта теорія ближе къ истинѣ въ томъ отношеніи, что она указываетъ источникъ императива въ волевой тенденціи самого нашего „Я", хотя и расщепляетъ его на два начала. Такъ что же самое основное въ моральной жизни? Не императивы, отвѣчаетъ Майеръ, а цѣлевыя стремленія. Но что является цѣлью? Наслажденія? Ни въ какомъ случаѣ! Нельзя сказать: то, что доставляетъ наслажденіе, есть желаемое, но наоборотъ: достиженіе желаемаго сопровождается наслажденіемъ, наслажденіе не есть объектъ цѣлевого стремленія, но оно привходитъ, какъ симптомъ, въ процессъ удовлетворенія этому стремленію. Но если гедонизмъ неправъ, то правъ эвдемонизмъ. Стремленіе къ счастью непремѣнно привходитъ въ конечную цѣль нравственности, каковою является наиболѣе полное, цѣлостное, самоутвержденіе, реализація совершенной личности. Какъ ни различны и противорѣчивы идеалы моральной жизни, какіе мы находимъ въ исторіи, во всѣхъ нихъ сквозитъ эта связь моральнаго стремленія съ «Wille zum Ich» (καλοκαγαθόν, honestum). Это моральное стремленіе къ развертыванію человѣкомъ во всей полнотѣ потенціально заложенныхъ въ немъ волевыхъ тенденцій есть врожденная наклонность въ человѣкѣ — и въ этомъ

смыслѣ психологическій апріоризмъ правъ, если ему придать волюнтаристическую форму. Это нисколько не исключаетъ возможности попытокъ біологическаго объясненія животнаго происхожденія этого врожденнаго моральнаго стремленія. Въ полноту развитія личности привходятъ не только личныя, но и сверхличныя соціальныя побужденія — это замѣчается въ идеалѣ нравственности самыхъ разнообразныхъ, даже примитивныхъ расъ. Въ осуществленіи перфекціонистическаго нравственнаго идеала важно сохраненіе равновѣсія между индивидуальнымъ и соціальнымъ элементомъ. Такимъ образомъ оказывается, что кантовская мораль ближе всего къ правильному пониманію дѣла, несмотря на свои недостатки, заключающіеся въ устраненіи эвдемонистическаго момента изъ стремленія къ высшей цѣли и въ удвоеніи „Я“ на эмпирическое и интеллигибельное: „Дѣйствительно, представляется весьма соблазнительнымъ отнести моральную тенденцію, направленную къ осуществленію идеала совершенства личности, за счетъ нѣкоего высшаго сверхчувственнаго „Я“ и истолковать отношеніе личной воли субъекта къ волѣ его „Я“, какъ отношеніе императива, гдѣ сверхчувственное „Я“ играетъ роль повелителя, а аффицируемое имъ эмпирическое „Я“ должно стремиться къ осуществленію личнаго совершенства“.

IV. Послѣдній изъ намѣченныхъ Майеромъ вопросовъ—вопросъ о происхожденіи и развитіи нравственныхъ нормъ и идеаловъ. Этическія стремленія проявляются первоначально въ видѣ смутнаго позыва (ein dunkler Drang), самыя цѣли, какъ таковыя, разумѣется, не являются врожденными, но наклонность къ моральнымъ актамъ и установкѣ опредѣленныхъ цѣлей для этихъ актовъ быстро развивается и притомъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, расширяется все болѣе и болѣе цѣлевой кругозоръ, напра-

вленный на будущее, съ другой стороны—развивается волевая абстракція; нормы поведенія расширяются и координируются между собой, вырабатывается естественная система подчиняющихъ и подчиненныхъ волевыхъ понятій. Этотъ двойной процессъ формированія нормъ и идеаловъ осложняется, во-первыхъ, соціальнымъ вліяніемъ среды, окружающей индивидуума: оно бываетъ всегда весьма значительнымъ, но, съ другой стороны, и сознательное активное мышленіе индивидуума направляется на область нормъ и идеаловъ и подвергаетъ ихъ формировкѣ. Конечно, этотъ процессъ развитія системы нормъ, завершающейся конечнымъ идеаломъ, почти никогда не достигаетъ полнаго цѣлостнаго завершенія, но во многихъ отношеніяхъ остается фрагментарнымъ, безсвязнымъ. Конечный идеалъ, который ставитъ себѣ человѣкъ, имѣетъ двѣ стороны, актуальную—представленіе о его реализаціи, и потенціальную — представленіе о выработкѣ извѣстныхъ предрасположеній воли, короче цѣлостнаго характера, который является необходимымъ для его осуществленія. Представленіе конечной цѣли, какъ актъ волевого мышленія, могло найти себѣ выраженіе не въ повелѣніи, но въ элементарномъ актѣ мысли, вродѣ: „совершенная жизнь „Я"!. То обстоятельство, что нравственный законъ со временъ Моисея формулируютъ въ видѣ императива „ты долженъ", сильно извратило пониманіе природы нравственнаго начала. Наряду съ высшей нормой нравственности имѣется множество подчиненныхъ нормъ; однако, отсюда не слѣдуетъ, будто всѣ единичные моральные поступки суть лишь средства къ реализаціи внѣ ихъ лежащей нравственной цѣли (Зигвартъ). На самомъ дѣлѣ нерѣдко единичное моральное дѣйствіе уже представляетъ частичное осуществленіе конечной цѣли,

привходитъ, какъ отдѣльный моментъ, въ ея осуществленіе. Въ моральную дѣятельность входятъ сужденія оцѣнки, опирающіяся на моральное чувство, ими мы руководствуемся для оцѣнки собственныхъ и чужихъ моральныхъ дѣйствій.

Въ заключеніе своего этическаго ученія Майеръ затрагиваетъ вопросъ о природѣ „постулатовъ практическаго разума". Въ согласіи съ тѣмъ, что было имъ ранѣе сказано, онъ не видитъ въ нихъ постулатовъ этическаго мышленія, но продукты аффективной фантазіи. Это всего лучше обрисовывается на психогенезисѣ идеи безсмертія. „Исходнымъ представленіемъ здѣсь является познавательное представленіе личности (души) съ ея безконечною моральною задачею. Къ этому представленію примыкаетъ возникшее изъ моральнаго чувства аффективное понятіе, которое приписываетъ тому, что ставитъ себѣ безконечныя задачи, безконечную жизнь. И послѣ того, какъ это понятіе и то представленіе слились, возникаетъ аффективное умозаключеніе, приписывающее человѣческой личности безконечную жизнь". Такимъ образомъ, истиннымъ ядромъ вѣры въ безсмертіе является сила самовнушенія, которой обладаетъ моральный аффектъ. Всевозможныя логическія доказательства безсмертія представляютъ собою только внѣшнее прикрытіе для этого акта самовнушенія.

VIII.

Въ изложенномъ нами обширномъ трудѣ слѣдуетъ прежде всего разграничить двѣ стороны: общефилософскую и психологическую. Подъ заглавіемъ „психологія эмоціональнаго мышленія", вѣдь, скрывается цѣлое метафизическое ученіе, и нужно сразу сказать, что Майеръ-философъ — типичный эклектикъ. Книга, несмотря на свой объемъ, имѣетъ съ внѣшней

стороны и расчлененный видъ. Майеръ, быть-можетъ, подъ вліяніемъ Аристотеля, которымъ много занимался, любитъ детальныя классификаціи и тонкія разграниченія понятій, и, тѣмъ не менѣе, философская сердцевина труда дрябла и самопротиворѣчива. Подобно Паульсену, Майеръ называетъ свою точку зрѣнія на познаніе „критической метафизикой". Подъ критической метафизикой здѣсь разумѣется не метафизика вѣры, но метафизика знанія. Майеръ увѣренъ, что съ прогрессомъ науки и философіи мы дойдемъ когда-нибудь до истиннаго познанія вещей въ себѣ. Нужно ли говорить, что такое пониманіе критической философіи противорѣчитъ самымъ кореннымъ идеямъ Канта. Критическая метафизика знанія есть и съ логической, и съ исторической точекъ зрѣнія non-sens. По этому пункту большинство комментаторовъ Канта, столь расходящіеся между собой во множествѣ другихъ вопросовъ, совершенно сходятся. Попробуйте читать „Критику чистаго разума" съ презумпціей, что Кантъ имѣлъ въ виду обновить метафизику знанія, и вы убѣдитесь, что книга при такомъ предположеніи не можетъ имѣть никакого разумнаго смысла. Метафизика Майера есть просто метафизика; epitheton ornans „критическая" совершенно не примѣнимъ къ ней, какъ и ко всякой другой метафизикѣ. Майеръ, по его словамъ, волюнтаристъ, какъ и тотъ критическій метафизикъ, который сочинилъ это слово (Паульсенъ). Какъ можно понимать этотъ терминъ? 1) Метафизически: такъ, напримѣръ, Шопенгауеръ былъ волюнтаристомъ, потому что онъ признавалъ волю истинной сущностью міра; 2) психологически, какъ, напримѣръ, Лосскій, который волевой дѣятельности въ сознаніи отводитъ первостепенное мѣсто. Оба волюнтаризма не необходимо другъ съ другомъ связаны. Такъ, напримѣръ, Шопенгауеръ горячій противникъ волюнтаризма

въ психологіи, признавая в о л ю, лежащую за предѣлами индивидуальныхъ сознаній; только интеллектъи чувствованія суть с о с т о я н і я с о з н а н і я въ собственномъ смыслѣ слова. Майеръ, повидимому, хочетъ быть волюнтаристомъ въ обоихъ смыслахъ слова, но точка зрѣнія его оказывается заключающей въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Истинная сущность человѣка есть в о л я к ъ с а м о у т в е р ж д е н і ю, состоящая изъ к о м п л е к т а в о л е в ы х ъ п р е д р а с п о л о ж е н і й. Что представляютъ собою эти послѣднія? Предрасположенія ф и з і о л о г и ч е с к і я, подготовку (Einstellung) въ центральной нервной системѣ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Майеръ, ибо такое предположеніе было бы трансцендентнымъ утвержденіемъ. Въ такомъ случаѣ эти предрасположенія суть б е з с о з н а т е л ь н ы я п с и х и ч е с к і я н а к л о н н о с т и? Огнюдь нѣтъ, отвѣчаетъ Майеръ, ибо безсознательныя психическія состоянія—самопротиворѣчащее понятіе. Значитъ, эти наклонности сознаются (хотя бы смутно) нами? Нѣтъ, отвѣчаетъ Майеръ; онѣ суть лишь Formeln von konstanten Möglichkeiten,—ф о р м у л ы д л я в ы р а ж е н і я п о с т о я н н о й в о з м о ж н о с т и (!!) Иначе говоря „м е р т в ы я д у ш и, н о с о в е р ш е н н о к а к ъ б у д т о ж и в ы я“! Эта точка зрѣнія живо напоминаетъ знаменитое опредѣленіе м а т е р і и у Милля: матерія — постоянная возможность ощущеній. Не подъ вліяніемъ ли Аристотеля Майеръ приписываетъ „возможности“ свойства реальности? Съ другой стороны, непонятно, почему гипотезу мозговыхъ измѣненій нельзя разсматривать какъ рабочую имманентную, а не трансцендентную гипотезу? На это Майеръ, быть-можетъ, возразитъ: почему же съ равнымъ правомъ нельзя предположить, что гипотеза волевыхъ наклонностей есть рабочая и имманентная гипотеза? Я отвѣчу: самъ Майеръ указываетъ почему: потому что она противорѣчитъ сама себѣ. Между тѣмъ

гипотеза мозговыхъ предрасположеній, недоступныхъ прямому наблюденію, не заключаетъ въ себѣ никакой логической нелѣпости. Между тѣмъ допущеніе безсознательныхъ представленій необходимо Майеру для объясненія нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ въ нашей душевной жизни. Такъ, напримѣръ, примыкая въ рядѣ пунктовъ [1]) къ воззрѣніямъ Гербарта и Вундта, Майеръ, между прочимъ, признаетъ реальнымъ психическимъ процессомъ *сліяніе представленій*. По ученію Гербарта однородныя представленія подъ порогомъ нашего сознанія сливаются между собою—этотъ процессъ не достигаетъ нашего сознанія, есть абсолютно безсознательная операція духа. Майеръ дѣлаетъ такое же допущеніе, не имѣя на то никакого права. Майеръ-метафизикъ неоригиналенъ, неинтересенъ. Метафизика не играетъ у него никакой плодотворной роли даже въ религіозной проблемѣ, которую онъ рѣшаетъ съ черезчуръ большою легкостью въ духѣ радикальнаго спептицизма съ оппортунистическимъ оттѣнкомъ. Дѣло положительныхъ религій безвозвратно проиграно, и въ дальнѣйшемъ прогрессѣ философіи это будетъ выступать все яснѣе и яснѣе наружу, но запасъ религіозныхъ вѣрованій еще очень великъ въ человѣчествѣ — „mundus vult decipi—ergo decipiatur“. На нашъ вѣкъ хватитъ!

Если бы книга Майера не заключала въ себѣ интересныхъ психологическихъ идей, то она, несмотря на свою солидность и обширность, не заслуживала бы вниманія. Но въ ней есть интересныя для психолога мысли. Прежде всего у Майера цѣнно расширеніе понятія „сужденіе“. Сужденіе въ собственномъ смыслѣ слова, конечно, связано со словеснымъ высказываніемъ,

---

[1]) Ученіе объ апперцепціи, о категоріяхъ, о направленіяхъ въ чувствованіяхъ (Вундтъ) и т. д.

но судящая дѣятельность разсудка привходитъ во всѣ познавательные процессы: различеніе и отожествленіе ощущеній, продуктовъ памяти и воображенія, воспріятіе—всѣ эти процессы заключаютъ въ себѣ множество актовъ сужденія, хотя большинству ихъ не соотвѣтствуютъ никакія словесныя формы. Затѣмъ самые процессы мышленія (какъ связанные съ словесными высказываніями, такъ и не связанные съ ними) Майеръ дѣлитъ на судящее и эмоціональное мышленія. Это разграниченіе цѣнно въ томъ отношеніи, что оно разсѣиваетъ интеллектуалистическій предразсудокъ, будто въ мышленіи познавательный интересъ играетъ первостепенную роль. Изслѣдованіе Майера убѣдительно показываетъ, что „эмоціональное мышленіе“ занимаетъ значительное мѣсто въ умственной дѣятельности человѣка. Какъ часто, напримѣръ, повторяется мысль Конта о трехъ фазисахъ, черезъ которые проходила мысль человѣка: теологическій, метафизическій и позитивный. Съ этой точки зрѣнія выходитъ, что религія есть низшая форма объясненія природы, между тѣмъ какъ зарожденіе религіозныхъ представленій является продуктомъ примитивнаго эмоціональнаго мышленія, въ которомъ познавательный интересъ еще не дифференцировался отъ практическаго. При объясненіи эстетическихъ переживаній мы также встрѣчаемся съ указаннымъ интеллектуалистическимъ предразсудкомъ. Майеръ обнаруживаетъ, какъ мы видимъ, подобную ошибку у Конрада Ланге, который въ своей книгѣ „Das Wesen der Kunst“ вздумалъ утверждать, будто художественное переживаніе и въ процессѣ творчества, и въ процессѣ воспріятія произведенія искусства, основывается на сознательномъ введеніи себя въ обманъ. Въ области права Майеръ также оттѣсняетъ инстинктивные и эмоціональные источники

въ генезисѣ первобытныхъ правовыхъ нормъ. Въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности своеобразная природа эмоціональнаго мышленія въ общемъ тонко обрисована Майеромъ, жаль только, что онъ не касается патологическихъ формъ эмоціональнаго мышленія, на изученіи которыхъ предразсудки интеллектуалистическаго толкованія выступили бы съ особенной яркостью.

Къ литературѣ вопроса:

Т. Рибо: „Логика чувствъ".
А. Шопенгауэръ: „Эристика или искусство спорить"
Штёррингъ: Психопатологія и ея значеніе для психологіи.
Р. Авенаріусъ: „Философія, какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей мѣры силъ" (о тимематологической апперцепціи) изд. Образованіе. Спб. 1912.
Paul Sollier: „Le doute", 1909.
Camille Bon: Psychologie de la croyance.
Сухановъ: „Душевныя болѣзни", 1913 (отдѣлъ о логопатіи, стр. 84 и далѣе).
Соколовъ: „Вѣра". Москва, 1902.
Пэпо: „О вѣрованіи".
И. И. Лапшинъ: „О трусости въ мышленіи". („Вопросы фил. и псих.". 1899. Декабрь).
W. Urban: On voluntion. 1899.

Подробныя библіографическія указанія читатель найдетъ въ самой книгѣ Майера.

Освальдъ Кюльпе.

Современная психологія мышленія [1]).

I.

По сравненію съ другими представителями знанія философъ обладаетъ тѣмъ великимъ преимуществомъ, что онъ находится въ тѣсномъ единеніи съ многообразнымъ кругомъ интересовъ. Къ нему въ самомъ дѣлѣ примѣнимъ афоризмъ: ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Логика и теорія познанія находятся въ живомъ взаимодѣйствіи со всякой наукой. При посредствѣ эстетики становится понятной грамадная область искусства, а метафизика перебрасываетъ мостъ между вѣрой и знаніемъ. Но если въ наше время хотѣли бы указать научную область, объединяющую вокругъ себя всевозможное проявленіе человѣческаго генія, то пришлось бы назвать психологію. Она вскрываетъ въ жизни духа основы науки, искусства, морали и религіи, а также воспитанія и образованія. Ей одной удается найти откликъ въ душѣ каждаго человѣка. Психологъ можетъ сказать каждому: tua res agitur.

Вотъ уже 50 лѣтъ существуетъ экспериментальная психологія. Основалъ ее Густавъ Теодоръ Фехнеръ, выпустивъ въ свѣтъ свои „Элементы Психофизики“ (1860).

---

[1]) Расширенный докл., проч. на V конгр. нѣм. О-ва Эксп. Псих. въ Берл., 16 апр. 1912 г.

Его цѣлью было изучить отношеніе между тѣломъ и душой. Уже при первыхъ попыткахъ онъ думалъ, что эта цѣль достижима благодаря установленному имъ закону, названному закономъ Вебера. Онъ показалъ, что если систематически и послѣдовательно воздѣйствовать на душевныя явленія при посредствѣ раздраженія нашихъ чувствъ, то и душевныя явленія подвергаются закономѣрному измѣненію. Онъ указалъ и примѣнилъ точные методы съ цѣлью опредѣлить едва замѣтные раздражители, величину разницы въ едва замѣтныхъ раздражителяхъ и равное имъ (эквиваленты) ощущеніе соотвѣтствующихъ органовъ чувствъ, вызванныя этими раздражителями. Взаимоотношеніе раздраженій и ощущеній подчиняется опредѣленнымъ законамъ, и вся психофизика Фехнера не теряетъ своего значенія до нашихъ дней. Эти законы явились необычайно плодотворными особенно для экспериментальной психологіи. Здѣсь произошло то, что такъ часто случается въ исторіи наукъ: средства оказались болѣе прочными и продуктивными, чѣмъ цѣль, для выполненія которой они первоначально были использованы. Методы, созданные вначалѣ для достиженія болѣе общихъ задачъ, мало-по-малу оказались съ ними несвязанными, скрывая въ себѣ зародыши безконечнаго прогресса, а также возможность разносторонняго и многообразнаго примѣненія и углубленія. Цѣль ушла вдаль, но найденъ былъ путь къ ближайшей станціи, и этотъ путь получилъ значеніе вѣрной и прочной дороги для открытаго и свободнаго устремленія по ней множества искателей знанія.

Послѣдователямъ Фехнера удалось показать, что возможность экспериментальныхъ изслѣдованій не ограничивается непосредственнымъ результатомъ раздраженія органовъ внѣшнихъ чувствъ. Въ кругъ изслѣдованій вошли также: дѣятельность различенія и

узнаванія, сужденія и выбора, свойства и особенности памяти, чувства и аффекты. Росли методы и вспомогательныя средства, точки отправленія и проблемы. Въ 1879 году Вильгельмъ Вундтъ основалъ въ Лейпцигѣ первую психологическую лабораторію, въ которую скоро устремились со всего цивилизованнаго міра молодые изслѣдователи, чтобы пріобщиться къ новому направленію науки и затѣмъ насадить его на своей родинѣ. Въ настоящее время въ Сѣверной Америкѣ дѣйствуетъ около 30 психологическихъ институтовъ, столько же, сколько во всей Европѣ, тогда какъ Германія, родина новой науки, очень отстала въ ихъ насажденіи. Въ Чикаго, Итакѣ, Кэмбриджѣ существуютъ уже цѣлые дома изъ 25—30 комнатъ, обставленные устройствомъ, отвѣчающимъ нашему времени, съ большимъ числомъ сотрудниковъ. Скоро подобный же институтъ будетъ открытъ и въ Россіи [1]). Тамъ пожертвованія для научныхъ цѣлей играютъ особую почетную роль. Напротивъ, Германію вслѣдствіе недостатка средствъ, опережаютъ другія страны въ осуществленіи ея же идей. Здѣсь, однако, рѣчь идетъ не объ одной безжизненной теоріи, въ этомъ случаѣ можно было бы оправдать такую отсталость. Напротивъ, экспериментальная психологія направляетъ главное свое вниманіе по преимуществу въ сторону практическихъ интересовъ. Еще древніе говорили, что для поведенія человѣка важно познаніе самого себя, а познаніе чужой душевной жизни есть необходимое условіе для воздѣйствія на другихъ, а особенно для взаимнаго пониманія людей. Сколь велико практическое значеніе современной психологіи, можно видѣть лучше всего изъ того вліянія, которое она начинаетъ оказывать на образованіе и воспитаніе. Проникшая нынѣ въ школу

[1]) Въ Москвѣ, Проф. Г. Челпанова. Прим. перев.

экспериментальная педагогика по отношенію къ ея методу является примѣненіемъ экспериментальной психологіи. Уже на основаніи этого было бы до крайности желательно, если бы вліятельныя силы болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, принимали участіе въ этой юной и столь важной экспериментальной наукѣ и чтобы частныя лица способствовали созданію и снаряженію институтовъ. Можно разсматривать еще съ другой стороны столь быстро и удачно совершившееся развитіе современной психологіи. Однимъ изъ важнѣйшихъ правилъ развитія человѣческой дѣятельности—Вундтъ назвалъ его принципомъ гетерономіи цѣлей—можно считать требованіе, при которомъ первоначальныя цѣли и исходныя точки зрѣнія не совпадаютъ съ позднѣйшими. Новые и непредвидѣнные результаты, которые возникаютъ при первомъ примѣненіи, какого-либо акта, влекутъ за собой при дальнѣйшемъ повтореніи его новые мотивы и научныя намѣренія. Исторія любой науки, поскольку она зависитъ отъ примѣненія рукъ человѣка, подчиняется этому правилу. Такъ развитіе экспериментальной психологіи показываетъ намъ, что цѣль, поставленная Фехнеромъ—отыскать основной законъ для отношенія между тѣломъ и душой—при примѣненіи его методовъ и при переработкѣ тѣхъ же научныхъ фактовъ позднѣйшими изслѣдователями, дало поводъ самостоятельнымъ психологическимъ интересамъ, направленнымъ совершенно иначе. Послѣ того, какъ Вундтъ въ своей книгѣ „Основныя направленія физіологической психологіи“ (1874) значительно расширилъ цѣли новой науки и попытался привести ее въ систему, открытіе его психологическаго института для организаціи изслѣдованій въ этой области имѣло значеніе новой научной эры. Однако, лишь психологическія изслѣдованія звука Штумпфомъ и сочиненія Эббингауза о памяти рѣшительно придали экспериментальн-

нымъ работамъ чисто психологическій характеръ. Въ этотъ послѣдній періодъ нашей науки для эксперимента стала доступна большая психическая жизнь, память, чувства и воля, интеллектуальныя функціи и психическая активность. Самые главные для Фехнера элементы—раздражители и вызываемыя ими ощущенія, оттѣснены въ кругъ своихъ собственныхъ интересовъ и проблемъ. Эволюцію такого рода легче всего иллюстрировать примѣромъ изслѣдованія Мюллеромъ и Шуманомъ, начавшимся еще въ концѣ 80-хъ годовъ. Уже Фехнеръ по этому вопросу провелъ круглымъ счетомъ 25 тыс. экспериментовъ. Единственной цѣлью, которую онъ при этомъ имѣлъ въ виду, было подтвержденіе веберовскаго закона, который былъ для него необходимъ, какъ обоснованіе того отношенія, которое онъ искалъ между тѣломъ и душою. Напротивъ, въ работѣ Мюллера и Шумана этотъ вопросъ совершенно устраненъ. Здѣсь говорится не о Веберовскомъ законѣ, они его касаются лишь на немногихъ страницахъ, но о самомъ механизмѣ сравненія, о проявленіи моторныхъ и сенсорныхъ процессовъ, о мотивахъ, которые побуждаютъ насъ одинъ вѣсъ считать тяжелѣе другого. Центромъ ихъ разсужденій сдѣлались сами предлагаемыя раздраженія и факторы, лежащіе въ ихъ основѣ.

Благодаря проникновенію эксперимента въ область знанія, область душевныхъ движеній и поведенія человѣка, вмѣшательство его оказалось полезнымъ тамъ, гдѣ шла рѣчь о проявленіи человѣческаго духа, именно въ отвлеченныхъ наукахъ. Языкознаніе и эстетика, этика и педагогика, даже логика и теорія познанія начали сближаться съ современной психологіей.

Самое примѣненіе послѣдней проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и въ судебную практику, и въ тайны творчества, въ глубокую и сложную проблему свободы

воли и въ интимныя стороны религіозныхъ переживаній и настроеній, въ практику воспитанія и образованія и въ предпосылки всякаго знанія.

II.

Съ этой фазой развитія экспериментальной психологіи совпадаетъ также особое направленіе нашей науки, изслѣдующее процессы мышленія, оно развилось въ Германіи и особенно въ Вюрцбургскомъ психологическомъ институтѣ. Въ прежней психологіи мышленію было удѣлено далеко не достаточно вниманія. Первоначально экспериментальному направленію приходилось имѣть много дѣла по приведенію въ порядокъ громадной области ощущеній, представленій и чувствъ и до утонченныхъ и незамѣтныхъ явленій мышленія очередь еще не доходила. Прежде всего въ глаза бросился конкретный матеріалъ, доставляемый раздраженіемъ внѣшнихъ чувствъ посредствомъ давленія и уколовъ, далѣе вкусы и запахи, тоны и цвѣта — ихъ легче всего воспринимать и непосредственно за воспріятіемъ создавать представленія, получать состояніе удовольствія и неудовольствія. Ученые оставляли безъ вниманія нѣкоторые элементы, не связанные съ подобными конкретными свойствами. Опытъ естественнонаучныхъ изслѣдованій натолкнулъ ихъ прежде всего на раздражителей внѣшнихъ чувствъ и на ощущенія, подражательные акты, явленія контраста и измѣненія дѣйствительности фантазіею. Все то, что не носило подобнаго характера, просто казалось не подходящимъ для изслѣдованія. Первые экспериментальные психологи только тогда ставили изслѣдованія о значеніи словъ, когда въ составъ словъ входили наглядныя представленія или ихъ признаки, въ тѣхъ же многочисленныхъ случаяхъ, когда слова обозначали что-либо

абстрактное или общее, изслѣдователи „ничего“ не находили. Психологи не считали правильнымъ признать годнымъ для изслѣдованія рядомъ съ содержаніемъ предметнаго мышленія—мышленіе безъ признаковъ наглядности, они отрицали, что слово можетъ быть понимаемо независимо отъ представленій или, что предложеніе можно постигнуть и подвергнуть сужденію, хотя его содержаніе представляется для сознанія едва замѣтнымъ. Относящійся сюда предразсудокъ имѣетъ свою исторію. Уже Аристотель заявлялъ, что мысли не могутъ существовать безъ нѣкотораго образа, послѣ него это мнѣніе твердо держалось въ схоластикѣ. Полное отдѣленіе ощущеній отъ мышленія, объектовъ ощущеній отъ объектовъ мыслей, неоднократно проводимое Платономъ, въ дальнѣйшемъ въ исторіи психологіи не встрѣтило послѣдователей. Новое время даже слова готово было не принять за слова, если имъ не хватало наглядности, благодаря которой и получили, они первоначально будто бы свой смыслъ и значеніе. Въ педагогикѣ Песталоцци и Гербарта наглядность оцѣнивалась, какъ альфа и омега всякаго душевнаго развитія. Кантъ называлъ идеи безъ наглядности пустыми, Шопенгауеръ хотѣлъ всю математику обосновать на конкретномъ началѣ и изгнать доказательства изъ геометріи. То же пониманіе встрѣчаемъ мы по отношенію къ поэзіи. Воздѣйствіе словомъ достижимо лишь при посредствѣ образа: чѣмъ сильнѣе добивались, согласно лозунгу Горація, приравнять поэзію къ живописи, изобразить ее, такъ сказать, кистью наглядности, тѣмъ легче казалась выполнимой ея миссія. Такъ невысоко въ эстетическомъ курсѣ стояло поэтическое мышленіе. Многіе поэты и эстетики къ этому виду мышленія относились критически и допускали существованіе поэзіи лишь при посредствѣ чувственныхъ образовъ.

Насъ же, психологовъ, систематическое примѣненіе самонаблюденія въ концѣ концовъ привело къ другой теоріи. Ранѣе въ психологическихъ изслѣдованіяхъ не старались добиваться послѣ каждаго опыта свѣдѣній о всѣхъ соотвѣтствующихъ переживаніяхъ, удовлетворялись случайными показаніями испытуемаго по поводу явленій, особенно бросающихся въ глаза или отклоняющихся отъ нормы и развѣ только послѣ цѣлаго ряда совокупныхъ изслѣдованій выспрашивали главное на основаніи сохранившихся у испытуемаго воспоминаній. Такимъ путемъ освѣщались только наиболѣе характерныя душевныя явленія. Близкое знакомство наблюдателей съ традиціоннымъ кругомъ понятій объ ощущеніяхъ, чувствахъ и представленіяхъ не позволяло имъ замѣтить и назвать то, что не было ни ощущеніемъ, ни чувствомъ, ни представленіемъ. Лишь только опытные испытуемые на основаніи самонаблюденія надъ переживаніями во время изслѣдованія начали сообщать непосредственно послѣ опыта полныя и безпристрастныя данныя о теченіи душевныхъ процессовъ, тотчасъ же обнаружилась необходимость расширенія прежнихъ понятій и опредѣленій. Было обнаружено существованіе такихъ явленій, состояній, направленій, актовъ, которые не подходили подъ схему старой психологіи. Испытуемые стали говорить на языкѣ жизни, а представленіямъ во внутреннемъ мірѣ отводили лишь подчиненную роль. Они знали и думали, судили и понимали, схватывали смыслъ и толковали общую связь, не пользуясь существенной поддержкой случайно всплывающихъ при этомъ чувственныхъ представленій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Испытуемыхъ спрашиваютъ: понимаете-ли вы предложеніе: „Лишь только золото замѣчаетъ драгоцѣнный камень, оно тотчасъ же признаетъ превосходство его сіянья и услужливо окружаетъ камень своимъ блескомъ“.

Въ протоколъ послѣ того вносится: „Вначалѣ я обратилъ вниманіе на выдѣленное слово золото. Я понялъ предложеніе тотчасъ же, небольшія трудности составило только слово видитъ. Далѣе мысль перенесла меня вообще на человѣческія отношенія съ намекомъ на порядокъ цѣнностей. Въ заключеніе я имѣлъ еще что-то въ родѣ взгляда на безконечную возможность примѣненія этого образа".—Здѣсь описанъ процессъ пониманія, который происходитъ безъ представленій, но лишь при посредствѣ отрывочнаго внутренняго языка. Сверхъ того, непонятно, какъ могла возникнуть идея о порядкѣ цѣнностей или же мысль о безконечной возможности примѣненія образа благодаря чувственному содержанію сознанія? Еще одинъ примѣръ. „Понимаете ли вы предложеніе: мышленіе такъ необычайно трудно, что многіе предпочитаютъ просто дѣлать заключенія". Протоколъ гласитъ: „Я зналъ сейчасъ же по окончаніи предложенія, въ чемъ суть. Однако, мысли были еще совершенно неясны. Чтобы выяснить себѣ положеніе, я сталъ медленно повторять все предложеніе, и когда повторилъ, мысль сдѣлалась ясной, я могу теперь передать ее слѣдующимъ образомъ. Дѣлать заключеніе означаетъ здѣсь—высказывать нѣчто, не задумываясь, имѣть готовый выводъ, въ противоположность самостоятельнымъ выводамъ мышленія. Кромѣ тѣхъ словъ предложенія, которыя я слышалъ и затѣмъ воспроизводилъ, въ моемъ сознаніи не было никакихъ другихъ представленій. И здѣсь оказывается не обычный процессъ мышленія, но мышленіе безъ наглядныхъ представленій. Слѣдуетъ отмѣтить, что оба испытуемыхъ указывали на то, что процессъ пониманія представляется имъ аналогичнымъ также и при осмысливаніи болѣе трудныхъ положеній. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ не искусственный продуктъ лабораторій, вскрывающій эти выводы, но

самую живую дѣйствительность. Мы могли бы привести массу примѣровъ изъ опыта каждаго дня, которые характеризуются такого рода мышленіемъ. Попробуйте прочитать или прослушать слѣдующія фразы: „Человѣкъ долженъ быть благоразумнымъ, отзывчивымъ, добрымъ, такъ какъ этими лишь свойствами отличается онъ отъ другихъ живыхъ тварей, извѣстныхъ намъ". „Моя память и моя гордость ведутъ борьбу другъ съ другомъ. Память говоритъ: ты сдѣлалъ это. Но гордость отвѣчаетъ: ты не могъ этого сдѣлать. Въ концѣ концовъ память сдается". Или: „Законъ и право наслѣдуются такъ же, какъ вѣчныя болѣзни". Или слова Гегеля: „лавры чистой воли суть сухіе листья, которые никогда не зеленѣютъ". Кто переживаетъ здѣсь представленія и для кого такія представленія служатъ единственнымъ основаніемъ, необходимѣйшимъ условіемъ для пониманія этихъ фразъ? И кто рѣшится утверждать, что смыслъ вызываютъ одни лишь слова? Нѣтъ, эти случаи доказываютъ существованіе такого содержанія сознанія, которое не зависитъ отъ наглядности, т.-е. наличность у насъ мыслей въ узкомъ смыслѣ слова.

Но если мысли отличаются отъ представленія красокъ и тоновъ, лѣсовъ и садовъ, людей и звѣрей, то, слѣдовательно, можно отмѣтить подобное же разнообразіе въ проявленіи, теченіи и формахъ мыслей, соотвѣтствующихъ этимъ представленіямъ. Мы знаемъ, какая закономѣрность царитъ въ представленіяхъ. Мы говоримъ объ ассоціаціяхъ: репродукціи, всплываніи представленій, о вліяніи однихъ представленій на другія и о связи ихъ между собой. Положимъ, мы изучаемъ стихи или запоминаемъ слова. Здѣсь не удовлетворяетъ насъ знаніе содержанія, знакомство съ ихъ значеніемъ, мы должны изучить слово за словомъ, чтобы потомъ имѣть возможность возстановить ихъ чувственнымъ

путемъ. Мы создаемъ прочныя ассоціаціи между частями стиха, слѣдующими одна за другой или же взятыми изъ одного и того же стиха, т.-е., между рядами словъ, для этого намъ необходимо много времени и большое число повтореній. Если мысли не отличаются отъ представленій, то первыя должны запоминаться съ такой же трудностью, какъ и послѣднія. Однако, стоитъ намъ припомнить способъ, какъ мы заучиваемъ наизусть, и мы увидимъ, что въ послѣднемъ случаѣ происходитъ нѣчто совершенно иное. Внимательнаго прочтенія стиховъ достаточно, чтобы имѣть возможность вновь припомнить содержаніе мыслей. Только этимъ путемъ при чисто психическихъ пріемахъ достигаемъ мы тѣхъ плодотворныхъ результатовъ, которые обнаруживаются при репродукціи содержанія нашихъ мыслей во время проповѣдыванія, при чтеніи лекцій, при игрѣ на сценѣ, при созданіи беллетристическихъ произведеній, работы надъ научнымъ сочиненіемъ или же въ теченіе длительныхъ разговоровъ. Насколько при этомъ мы независимы отъ теченія словъ, узнаемъ мы нерѣдко, къ нашему огорченію, изъ опыта. Иногда намъ очень хотѣлось бы точно воспроизвести какое-либо подходящее выраженіе, подыскать особенно яркую форму предложенія или красивый образъ, и хотя смыслъ того, что нужно сказать, намъ совершенно ясенъ, однако, мы не въ силахъ связать мелькающія представленія въ одно цѣлое.

Особенно важное доказательство этому мы находимъ у Бюлера въ его изслѣдованіяхъ относительно парныхъ мыслей: ассоціаціи между мыслями образуются несравненно быстрѣй и прочнѣй, чѣмъ между словами. Кто можетъ заучить рядъ изъ 20—30 словъ, услышавъ его только одинъ разъ, такъ, чтобы имѣть возможность при называніи одного члена ряда правильно и быстро отвѣтить другимъ парнымъ словамъ? Если бы

кто-либо былъ въ состояніи это продѣлать, то обладателя такой феноменальной памяти мы бы считали необыкновеннымъ человѣкомъ. Однако, такіе именно результаты легко достижимы при заучиваніи парныхъ мыслей, какъ показали экспериментальныя изслѣдованія. Мы даемъ для иллюстраціи подобный рядъ.

I. Самосознаніе и продуктивность работы—духовное ничтожество натурализма.

II. Увеличеніе народонаселенія въ новое время—борьба племенъ въ будущемъ.

III. Современная машина—колесница Фаэтона человѣческаго духа.

IV. Благородная сила мысли—портретъ Канта.

V. Сущность языка—художникъ и картина.

VI. Колоніи Германіи—поэтъ при распредѣленіи міра [1]).

VII. Наполеонъ и королева Луиза—геніальный варваръ.

VIII. Единственный и общество—свобода есть самоограниченіе.

IX. Знаніе есть сила—господство надъ природой.

X. Предѣлы, видимые въ телескопъ—безконечность вселенной.

Задача въ этихъ изслѣдованіяхъ состоитъ въ томъ, чтобы установить мысленную связь между двумя членами этого ряда. Особенно удивительно, какъ легко это удается и какъ долго удерживается нами мысль. Еще на слѣдующій день такой рядъ можетъ быть воспроизведенъ безошибочно. Еще характернѣй тотъ фактъ, что иногда при этомъ слова звучатъ какъ-то чуждо или что смыслъ нѣкоторыхъ членовъ ряда извѣстенъ, но соотвѣтствующее имъ выраженіе не можетъ быть тотчасъ же найдено.

[1]) Стихотв. Шиллера: „Die Teilung der Erde“, гдѣ поэтъ получаетъ свою часть послѣ другихъ участниковъ дѣлежа.

Въ то время, какъ здѣсь мы можемъ говорить съ извѣстнымъ правомъ объ ассоціаціяхъ, такъ какъ въ изслѣдованіи соотвѣтственные члены предлагаются вмѣстѣ, при другихъ изслѣдованіяхъ это условіе падаетъ. Часто при чтеніи хорошо знакомой книги или во время лекціи мысль наша невольно переносится къ тому или иному мѣсту произведенія, уже прочитанному или которое предстоитъ впереди. Одна мысль будитъ другую, тогда какъ онѣ ранѣе не были даны вмѣстѣ послѣдовательно. На основаніи этого явленія построены эксперименты, о которыхъ идетъ рѣчь ниже. Изслѣдованіе состоитъ въ томъ, что предлагаютъ 15 фразъ или отрывковъ мыслей, и послѣ отдыха, во время котораго ведутъ короткую бесѣду, даютъ второй рядъ предложеній или ихъ частей съ неполнымъ смысломъ. Испытуемаго просятъ послѣднія, часть за частью, пополнить соотвѣтствующими частями предшествующаго ряда.

A) I. Лучше оставаться на вершинѣ горы съ дикими звѣрями—

II. Кто отказывается отъ благодарности—

III. Лира Орфея сдѣлала болѣе, чѣмъ дубина Геркулеса—

IV. Чѣмъ величественнѣй и нравственнѣй характеръ—

V. Не становись между родственниками и друзьями—

B) IV. Тѣмъ проще и яснѣе его положеніе, его отношеніе къ міру.

II. Тотъ запишетъ это въ свою долговую книгу, и немного времени ты останешься въ долгу передъ нимъ.

I. Чѣмъ дѣлить съ глупыми людьми радости рая.

V. Не то ущемишься.

III. Она нечеловѣческое дѣлала человѣческимъ.

Здѣсь мы привели лишь пять взаимносогласованныхъ членовъ ряда. Изслѣдованія вполнѣ подтвердили то, что мы ожидали. Въ этихъ рядахъ соотвѣтствующія части отдѣлены одна отъ другой нѣсколькими предложеніями, и все же оказалось возможнымъ мысленное обозрѣніе всего матеріала. А это несомнѣнно противорѣчитъ закону ассоціацій, тому закону, который дѣйствуетъ въ области представленій. Такимъ образомъ эти опыты доказываютъ, что не только отдѣльныя мысли необыкновенно легко удерживаются и сохраняются, но также и то, что мысли соединяются одна съ другой, нарушая всѣ законы памяти.

Далѣе Бюлеръ придалъ своимъ изслѣдованіямъ еще болѣе свободную форму. Если для мышленія не было въ извѣстномъ направленіи поставлено особой задачи, то можно было свободно не считаться съ тѣмъ или инымъ членомъ ряда. Для этой цѣли каждое положеніе ряда должно образовывать нѣчто самостоятельное и законченное, и такимъ образомъ между второй и первой группой предложеній устанавливается въ дѣйствительности лишь мысленное отношеніе. Между ними вставлены загадочныя положенія, лишенныя подобныхъ отношеній [1]). Испытуемымъ приходилось дойти до мыслей перваго ряда совершенно самостоятельно, если только вообще представлялась этому возможность.

A) I. Къ кому современники враждебны, тотъ не далеко опередилъ ихъ или отсталъ отъ своего вѣка.

II. Перемолотое зерно не даетъ жатвы.

III. Возвращаясь изъ ратуши, члены магистрата считаютъ себя очень умными.

B) I(X). Истинный другъ истины, если съ нимъ не

---

[1]) Они обозначены ниже знакомъ (X).

соглашаются, радостно взываетъ: слава Богу, я избѣжалъ большой опасности.

II. Яйца въ кастрюлѣ даютъ пирожное, а не цыплятъ.

III. Послѣ этого каждый знаетъ, какъ нужно было себя держать.

X. Умный воръ свое гнѣздо держитъ въ чистотѣ.

I. Творчество ставитъ грань между художникомъ и его современниками.

Въ этихъ опытахъ испытуемые не имѣли представленія, какой цѣли служатъ эксперименты, и при подысканіи мыслей, соотвѣтственныхъ, подобныхъ даннымъ въ первомъ рядѣ, или одинаковыхъ съ ними они съ большой настойчивостью и усиліемъ напрягали дѣятельность мышленія. Здѣсь, какъ и раньше, совершенно произвольно воспроизводились нѣкоторыя слова, но ихъ смыслъ схватывался и обозначался совершенно ясно. Припоминаніе предшествующихъ положеній совершается съ той же непроизвольностью, съ какой мы имѣли обыкновеніе вспоминать что-либо при чтеніи или при разговорѣ; въ это время мы нерѣдко сами себя спрашиваемъ: въ какой связи содержаніе этого замѣчанія стоитъ съ предшествующимъ предложеніемъ, или не встрѣчалось ли раньше чего-либо подобнаго.

III.

Слѣдуетъ отмѣтить, что одинъ изъ первыхъ результатовъ нашей психологіи мышленія былъ отрицательнымъ: термины чувствъ, представленій и ихъ связей, установленные данными экспериментальной психологіи до нашего времени, не давали возможности понять и точнѣе опредѣлить интеллектуальные процессы. Недостаточными оказались новыя понятія о состояніяхъ сознанія, достигнутыя при посредствѣ наблюденій надъ фактами: они способствовали скорѣе

описанію, нежели ихъ объясненію. Уже изслѣдованіе элементарной дѣятельности мышленія тотчасъ же показало, что осознано, можетъ-быть, и то, что не имѣетъ нагляднаго характера, и что самонаблюденіе, въ противоположность наблюденію явленій природы, позволяетъ воспринять и прочно установить такія явленія и опредѣленно выраженныя состоянія сознанія, которыя не даны въ видѣ цвѣта, звука или образа и не окрашены въ чувственный тонъ. Значеніе абстрактныхъ и общихъ выраженій обнаруживается въ сознаніи даже тогда, когда, кромѣ словъ, въ сознаніи не дано ничего нагляднаго и переживается и припоминается само по себѣ независимо отъ словъ. Эти факты обнаружены новымъ пониманіемъ сознанія. Такимъ образомъ неподвижная до нашего времени схема строго опредѣленныхъ элементовъ душевной жизни была значительно расширена въ очень важномъ отношеніи.

Этимъ самымъ экспериментальная психологія была введена въ область новыхъ изслѣдованій, открывшихъ широкія перспективы. Къ числу явленій, чувственно несозерцаемыхъ, относится не только то, что мы сознаемъ, мыслимъ, или то, о чемъ думаемъ, съ ихъ свойствами и отношеніями, но также самая сущность актовъ сужденія и многообразное проявленіе нашей дѣятельности, функціи нашего активнаго отношенія къ данному содержанію сознанія, именно группировка и опредѣленіе, признаніе или отрицаніе. Представители ученія объ ощущеніяхъ и представленіяхъ также группируютъ мозаическую структуру душевной жизни, наблюдая автоматическую закономѣрность въ появленіи и ходѣ элементовъ сознанія, однако, уподобленіе мышленія химическимъ процессамъ теперь теряетъ почву подъ ногами. Наглядно данное содержаніе могло имѣть значеніе только лишь какъ искусственная абстракція, какъ совершенно произвольно выдѣленное и обосо-

бленное явленіе. Для цѣльнаго же сознанія представленія составляли часть явленій, связанныхъ съ разнаго рода вліяніями самого сознанія и зависящихъ отъ душевныхъ процессовъ, собственно одарившихъ ихъ смысломъ и цѣнностью для переживанія субъекта. Насколько воспріятіе нельзя считать слѣдствіемъ ощущеній, настолько же мало можно понять мышленіе какъ теченіе представленій въ ихъ ассоціативной связи. Ассоціативная психологія въ томъ видѣ, какъ она была основана Юмомъ, потеряла свое всемогущество.

Независимость мыслей отъ знаковъ, въ которыхъ мы ихъ проявляемъ, точно такъ же, какъ самостоятельныя, свободныя, не подверженныя вліянію закона ассоціаціи идей, отношенія мыслей между собой, доказываютъ намъ независимость мыслей, какъ особеннаго класса содержанія сознанія. Этимъ самымъ расширяется одновременно кругъ самонаблюденія въ разсматриваемомъ отношеніи. Къ нашей душевной жизни относится не только то, что наглядно, чувственно и его свойства и особенности, но и мыслимое, сознаваемое, то, гдѣ мы не можемъ воспринять ни краски или формы, ни чувственное удовольствіе или неудовольствіе. Мы знаемъ, какъ учитъ насъ уже опытъ каждаго дня, что мы располагаемъ большой склонностью искать, находить и воспринимать объекты, мы охотно имѣемъ съ ними дѣло и легко воздѣйствуемъ на нихъ. Мало была освѣдомлена психологія и объ этой сторонѣ активности души. Ф. А. Ланге основалъ научную психологію безъ души, въ которой ощущенія и представленія съ ихъ чувственными тонами были единственнымъ содержаніемъ сознанія. Онъ указалъ на физіологію, какъ на ту науку, которая должна была имѣть дозоръ надъ тѣмъ, чтобы въ этотъ психологическій міръ не прокрались какія-либо мистическія силы, какъ, напримѣръ, каке-либо „я“. Согласно Ланге, стало

быть, слѣдовало бы говорить „думается“, вмѣсто „я думаю“, и такимъ образомъ весь процессъ мышленія подобнаго рода состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ появленіи и ходѣ представленій, регулируемыхъ законами ассоціацій. Еще и теперь существуютъ психологи, которые не сходятъ съ этой точки зрѣнія. Ихъ можно упрекнуть въ неправдоподобіи такой психологіи, она черезчуръ абстрактна, не идетъ и не находитъ хода къ настоящему опыту. Представителямъ отвлеченнаго знанія, неизмѣнно стремящимся создать науку психологію, они преподносятъ камень вмѣсто хлѣба, а психологіи, склонной слиться съ біологіей, они не умѣютъ дать совѣтъ и оказать помощь. Поистинѣ мы присутствуемъ при своеобразной игрѣ: тѣ, кто ex professo стремятся изучить и понять душевную жизнь, тѣ самые удовлетворяются чисто внѣшней стороной вопроса и успокаиваютъ себя словами на языкѣ галловъ: „творческій духъ никакъ не можетъ проникнуть во внутреннюю сущность природы“.

Именно, черезъ посредство мыслей открылся намъ путь во внутренній міръ, и тутъ не можетъ быть и рѣчи о мистической силѣ, будто бы приведшей насъ туда, напротивъ, мы достигли его благодаря пренебреженію нами предразсудковъ. Уже Бэконъ зналъ, что путь къ истинѣ закрытъ предразсудками, а въ разсматриваемомъ вопросѣ они какъ-разъ и исходятъ отъ того самаго точнаго знанія, успѣху котораго въ послѣднія десятилѣтія такъ много способствовало чувственное наблюденіе того, что дано намъ въ чувственномъ опытѣ. Однако, мысли являются не только чистыми знаками для ощущеній, онѣ—вполнѣ самостоятельныя образованія, обладающія самостоятельными цѣнностями, о мысляхъ можно говорить съ тою же опредѣленностью, какъ и о чувственныхъ впечатлѣніяхъ, ихъ можно даже считать болѣе положитель-

ными, постоянными и независимыми, чѣмъ чувственные образы, обусловленные дѣятельностью памяти и фантазіи. Но, конечно, ихъ нельзя разсматривать такъ же непосредственно, какъ объекты наблюденія, какъ наглядные предметы. Опытнымъ путемъ удалось доказать, что наше „я“ нельзя отдѣлить отъ насъ. Невозможно мыслить—мыслить, отдаваясь вполнѣ мыслямъ и погружаясь въ нихъ,—и въ то же время наблюдать эти мысли,—такое раздѣленіе психики невозможно довести до конца. Сначало одно, затѣмъ другое—такъ гласитъ лозунгъ молодой психологіи мышленія, и эта задача осуществляется ею необычайно удачно. Уже послѣ того, какъ испытуемый выполнилъ какую-либо задачу мышленія, пережитый при этомъ процессъ подвергался новому наблюденію, чтобы возможно глубже и прочнѣе установить его во всѣхъ его фазахъ. Сравнивая различныхъ испытуемыхъ и различные результаты однихъ и тѣхъ же испытуемыхъ, можно было провѣрить, свободенъ ли опытъ отъ противорѣчій. Поразительное единство мнѣній въ нашихъ работахъ по психологіи мышленія, подтверждавшихъ одна другую, было прекрасной иллюстраціей результатовъ нашихъ изслѣдованій. Теперь снова поняли, почему примѣняемые до сихъ поръ способы наблюденія не сумѣли обнаружить самый процессъ мысли и вообще проявленіе нашей психической активности. Необходимо, чтобы наблюдатель проявилъ при наблюденіи исключительную дѣятельность своего „я“, и притомъ такъ, чтобы его „я“ совершенно потерялось бы въ дѣятельности наблюденія, чтобы въ это время было совершенно невозможно проявленіе иной дѣятельности сознанія. Наша психическая работоспособность ограничена, наша личность едина. Но, когда переживаніе закончилось, наблюденіе можетъ быть снова во всякое время установлено, чтобы снова сдѣлаться объектомъ

воспріятія въ самомъ себѣ. Такъ были пережиты многіе такіе акты души, которые до сего времени проходили мимо психологіи мышленія: обратить вниманіе и узнать, признать и отвергнуть, сравнивать и различать и многое другое. Всѣ эти процессы лишены были обязательнаго характера наглядности, хотя ощущенія, представленія и чувства могли ихъ сопровождать. Слѣдуетъ отмѣтить безпомощность старой психологіи, увѣренной въ томъ, что эти акты можно опредѣлить при помощи сопровождающихъ ихъ признаковъ. Такъ, напримѣръ, вниманіе разсматривалось ими, какъ ощущеніе напряженія нѣкоторой группы мускуловъ, потому что такъ называемое напряженное вниманіе сопровождается такимъ ощущеніемъ. Такъ же точно въ представленіяхъ движеній была отвергнута воля, такъ какъ представленія движеній обыкновенно предшествуютъ внѣшнему проявленію воли. Эти построенія, искусственность которыхъ скоро обнаружилась, потеряли всякій смыслъ, лишь только было усмотрѣно существованіе особенныхъ психическихъ актовъ и тѣмъ самымъ ощущенія и представленія были лишены ихъ всемогущества въ сознаніи.

Послѣ того, какъ стали извѣстны эти факты, обнаружилась одна важная новинка. Измѣнился взглядъ на наиболѣе сложный фактъ душевной жизни. До сихъ поръ можно было говорить: мы потому внимательны, что наши глаза направлены въ извѣстную сторону и мускулы, находящіеся въ опредѣленномъ положеніи, сильно напряжены. Теперь намъ ясно, что пониманіе такого рода совершенно превратно истолковываетъ сущность вопроса и что съ гораздо большимъ правомъ можно было бы сказать: мы направляемъ наши глаза на опредѣленный пунктъ и при этомъ напрягаемъ мускулы, потому что мы хотимъ на него смотрѣть; активность выступаетъ на первый

планъ, актъ воспріятія и механизмъ представленій на второй. Явно обнаруживается монархическое устройство нашего сознанія. „Я“ возсѣдаетъ на тронѣ и вершитъ акты правленія. Оно зорко слѣдитъ, воспринимаетъ, констатируетъ то, что входитъ въ его вѣдѣніе, все это разрабатываетъ, призывая къ совѣту своихъ опытныхъ министровъ и опираясь на основоположенія и нормы государственности, на унаслѣдованные знанія и взгляды, принимая также во вниманіе случайныя потребности современности, опредѣляетъ свое положеніе въ различныхъ случаяхъ, осмотрительно обдумываетъ соотвѣтствующій выходъ въ нужной формѣ проявленія или надлежащія мѣры воздѣйствія.

И впечатлѣнія, доставляемыя органами внѣшнихъ чувствъ, и представленія имѣютъ полное основаніе осуждать господство этого монархическаго „я“, считая его реакціонеромъ, жестокимъ и деспотомъ. Зато они вознаграждаютъ себя, когда человѣкъ спитъ, нарушая порядокъ мыслей въ его снахъ, и такимъ образомъ, въ снахъ и обнаруживаются результаты анархіи въ сознаніи. Однако, въ каждомъ „я“ пребываетъ высокое самосознаніе, которое оно черпаетъ въ себѣ самомъ и проявляетъ въ своей дѣятельности, и если и подчиняется анархіи, то всегда вопреки своей волѣ.

Наше „я“ постоянно находится подъ вліяніемъ той или иной точки зрѣнія или же опредѣленной задачи и ими же побуждается къ дѣятельности. Можно также сказать, что работа „я“ служитъ цѣли, заданной самой собой или другими. Мышленіе теоретика столь же мало нецѣлесообразно, какъ и мышленіе практика. Психологамъ приходится постоянно съ этимъ считаться. Испытуемый получаетъ какую-либо задачу, опредѣленное наставленіе, инструкцію и, находясь подъ вліяніями подобнаго рода, долженъ изучать себя при воздѣйствіи раздражителей. Испытуемый, напри-

мѣръ, долженъ сравнить два свѣта или выполнить движеніе при знакѣ ударомъ или звукомъ, быстро отвѣтить первымъ пришедшимъ въ мысль словомъ, какое бы оно ни было, вслѣдъ за произнесеннымъ словомъ изслѣдователя, далѣе постараться понять данную фразу, вывести заключеніе и тому подобное. Если испытуемый берется охотно за выполненіе опыта и усваиваетъ все необходимое, то подобныя задачи оказываютъ на него чрезвычайно яркое положительное вліяніе. Это вліяніе имѣетъ особое имя въ психологіи, именно, его называютъ детерминирующей тенденціей. „Я“ заключаетъ въ себѣ извѣстнымъ образомъ безграничное множество возможностей реагировать. Если одно изъ нихъ получаетъ особенное значеніе, сравнительно съ другими, то здѣсь, очевидно, имѣетъ мѣсто детерминирующая тенденція, извѣстный выборъ.

Самостоятельное значеніе задачъ и опредѣляемая ими роль детерминирующей тенденціи были совершенно скрыты отъ ассоціаціонной психологіи. Задачи, подобныя указаннымъ, не могутъ быть предложены для репродукцій обычнымъ порядкомъ. Къ задачамъ приходится подготовляться, испытуемый съ этой цѣлью долженъ особенно настроиться, такъ какъ каждая задача своеобразно направляетъ психическую работу индивидуальности. Вопросы ставятся не ощущеніямъ, чувствамъ или представленіямъ, но нѣкоторому субъекту, духовная сущность котораго не имѣетъ всегда опредѣленнаго содержанія, напротивъ, для цѣлей опыта онъ долженъ проявить специфическую эластичность при усвоеніи и выполненіи инструкціи. Такъ какъ подобнаго рода руководящія и опредѣляющія точки зрѣнія играютъ роль при любомъ процессѣ мышленія и далѣе, такъ какъ абстракціи и комбинаціи, сужденіе и заключеніе, сравненіе и различеніе, нахожденіе и установка отношеній, тоже носятъ характеръ детер-

минирующей тенденціи, то психологія детерминирующей тенденціи сдѣлалась существенной частью современной психологіи мышленія. Но и послѣдняя уже сейчасъ значительно отошла изъ той плоскости вопросовъ, на которой первоначально возникла. Никакіе психологическіе эксперименты немыслимы безъ нѣкоторыхъ заданій и, слѣдовательно, они должны имѣть, по крайней мѣрѣ, такое же значеніе, какъ и другія условія при постановкѣ опытовъ, какъ аппараты и примѣняемые съ ихъ помощью раздражители. Постоянная варіація вопросовъ поэтому является необходимымъ экспериментальнымъ методомъ, точно такъ же, какъ и измѣненіе внѣшнихъ обстоятельствъ опыта.

Выдвигаемое нами значеніе задачъ и ихъ роли въ положеніи и теченіи психическихъ процессовъ не можетъ быть объяснено при посредствѣ ассоціаціонной психологіи. Аху удалось очень хорошо показать, что даже ассоціаціи могутъ быть побѣждены до значительной степени противодѣйствіемъ задачъ. Помимо того, что сила, съ которой проявляется детерминирующая тенденція, превосходитъ общеустановленную тенденцію воспроизведенія, она не связана въ своемъ проявленіи съ законами ассоціативныхъ отношеній.

Нашему изслѣдованію подверглось вліяніе задачъ въ простѣйшихъ случаяхъ. Испытуемому, напримѣръ, предлагается отыскать по части цѣлое или назвать родъ по видовому признаку. Только благодаря этимъ опытамъ достигнуто было то правило, при которомъ задачи получили гораздо большее значеніе для продуктивности изслѣдованія, нежели отдѣльные предлагаемые раздражители. Задача является неподвижной точкой въ потокѣ явленій. Слова мѣняются отъ опыта къ опыту, задача остается неизмѣнной, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного ряда, въ продолженіе одного и того же опыта. Она служитъ тѣмъ, что придаетъ опредѣ-

ленное направленіе поведенію испытуемаго. На слово „химія“ можно реагировать въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Химію можно мыслить, какъ науку, или же выдвинуть практическое ея примѣненіе, можно вспомнить элементы и ихъ отношенія въ химической системѣ и т. д. Только при условіи, когда даютъ опредѣленіе химіи, выясняется, что собственно должно быть воспринято: химія, какъ часть, или подчиненіе понятія химіи—цѣлому. Вмѣстѣ съ опредѣленіями понятій образуются особенные методы для разрѣшенія задачъ. Можно, напримѣръ, достигнуть цѣлаго, потому что вспоминаютъ сопровождающіе его признаки, гдѣ постоянно встрѣчается нѣкоторая его часть или находятъ любую его часть и отсюда стремятся дойти до обобщающаго цѣлаго. Во всякомъ случаѣ, приходится производить цѣлый рядъ изслѣдованій, одинъ методъ можетъ быть цѣлесообразнѣе другого, приводитъ легче, скорѣе или вѣрнѣе къ цѣли. Останавливаясь послѣ того на одномъ изъ пріемовъ, упорядочиваютъ его и пріобрѣтаютъ навыкъ въ его примѣненіи. Какъ мало при этомъ помогаетъ механика представленій, какъ таковая, можно часто совершенно ясно наблюдать при нѣкоторыхъ затрудненіяхъ испытуемаго. Показывается, напримѣръ, слово—д о с к а. Испытуемый имѣетъ оптическое представленіе его, однако, можетъ пройти значительное время, пока онъ назоветъ подходящее цѣлое, даже при значительномъ напряженіи умственной дѣятельности, хотя бы тѣснилась цѣлая масса всякихъ представленій. Наконецъ, онъ произноситъ: ш к а ф ъ спустя немногимъ болѣе, чѣмъ 4 секунды. Теченіе и выполненіе начатаго акта тѣснятъ различныя представленія, несоотвѣтствующія данной задачѣ. Если все же, въ концѣ концовъ, приходитъ нужное слово, испытуемый чувствуетъ себя, какъ бы освобожденный отъ чего-то. Вполнѣ естественно, что часто происходятъ

ошибки, называютъ нѣсколько иную часть, или родъ, вмѣсто цѣлаго, но число ошибокъ бываетъ относительно малымъ, и этимъ доказывается, какъ сильно вліяніе детерминирующей тенденціи на характеръ теченія представленій.

Объективнымъ выраженіемъ значенія задачъ является время, исчисленіе котораго собственно и позволяетъ разрѣшать поставленные вопросы. Этимъ самымъ касаемся мы проблемы скорости мышленія. Въ прежнее время считали, что мышленіе совершается необычайно быстро. Вспомнимъ отрывки изъ „Фауста“ Лессинга. Фаустъ требуетъ къ своимъ услугамъ быстрѣйшаго духа ада. Появляются семеро изъ нихъ и наперерывъ восхваляютъ каждый свою быстроту. Пятый заявляетъ, что онъ столь же быстръ, какъ мысли человѣка, а Фаустъ, для котораго была достаточно малой одна лишь скорость лучей свѣта, готовъ признать и скорость мышленія достаточно малой, однако, оговаривается: мысли де не всегда скоры, но бываютъ тогда медленны, когда того требуютъ истина и добродѣтель! Онѣ скоры лишь тогда, когда хотятъ, чтобы онѣ были такими. Теперь, однако, мы знаемъ, что скорость мышленія вообще не очень велика и можетъ быть исчислена тысячными долями секунды, а иногда даже пятыми долями. Берлинская изобрѣтательность уже преодолѣла эту проблему. Остряки ставятъ вопросъ: что скорѣе мысли? И отвѣчаютъ: извозчичья кляча въ Берлинѣ, такъ какъ не успѣешь подумать, что она упадетъ, какъ она уже лежитъ. Остается, впрочемъ, неяснымъ вопросъ, велика ли здѣсь скорость паденія лошади или скорость мысли по сравненію съ животными? Если мы примемъ послѣднее, то оно будетъ соотвѣтствовать измѣреніямъ экспериментальной психологіи. Такъ, напримѣръ, чтобы отыскать для подчиненнаго подчиняющее понятіе, т.-е. его родъ, требо-

валось $1^1/_5$ секунды времени, въ то время, какъ обратная задача потребовала $1^1/_2$ секунды, цѣлое было найдено въ $1^2/_5$ секунды, а часть приблизительно въ то же время, дольше всего длилась задача—отыскать по заданной части другую, ей соотвѣтствующую, именно, $1^7/_{10}$ секунды. Абсолютная скорость была естественно различной у различныхъ испытуемыхъ. Даже при такихъ простыхъ задачахъ оказывается, что одни достигаютъ цѣли скорѣе другихъ. Но послѣднее, въ предѣлахъ нашихъ изслѣдованій, скорѣе всего объясняется тѣмъ, что одни испытуемые осторожны и боязливы, другіе болѣе или менѣе легкомысленны и мало чувствительны къ ошибочнымъ отвѣтамъ, а скорость или длительность процессовъ мышленія, быть-можетъ, тутъ не при чемъ. Кто не умѣетъ долго задумываться, думаетъ, главнымъ образомъ, о цѣли, хотѣлъ бы поскорѣе закончить всякое дѣло, разумѣется, можетъ легче ошибиться, нежели тотъ, кто добивается по преимуществу правильныхъ отвѣтовъ. Это положеніе прекрасно обнаруживается при сравненіи числа ошибокъ въ томъ и другомъ случаѣ. Наиболѣе быстрые отвѣты, даваемые отдѣльными испытуемыми, какъ видно изъ числовыхъ данныхъ, соотвѣтствуютъ относительно большему числу ошибокъ.

IV.

Можно было бы упомянуть еще разнообразныя интересныя данныя, полученныя на основаніи экспери ментальныхъ изслѣдованій. Но я предпочту остановиться на нѣкоторыхъ заключеніяхъ, которыя можно изъ нихъ вывести. Я лично былъ приведенъ къ изслѣдованію мышленія благодаря опредѣленнымъ проблемамъ. Я обратилъ вниманіе на то именно, что такіе объекты внѣшняго міра, какъ тѣла, и такія абстрак-

ціи, какъ идеи Платона или монады Лейбница можно мыслить непосредственно, не имѣя необходимости образовывать о нихъ представленія. Я заключилъ отсюда, что мышленіе должно быть не только особымъ видомъ дѣятельности нашей души, но также, что оно находится въ совсѣмъ иныхъ отношеніяхъ къ своимъ объектамъ, чѣмъ, напримѣръ, ощущенія и представленія. Очевидно объекты представленій доходятъ до нашего сознанія видоизмѣненными, а не въ томъ видѣ, каковы они въ себѣ, независимо отъ представляющей дѣятельности. Представленіе звука органа отличается отъ самого звука, оно является качественнымъ преобразованіемъ раздражителя. Раздражитель заключается въ колебаніяхъ воздуха и тѣла, а представленіе звука не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Мышленіе, повидимому, способно воспринимать первое, а равно и второе, одинаково хорошо, не подвергая измѣненію самый объектъ. Звукъ органа остается звукомъ органа и при томъ условіи, если я лишь мыслю о немъ; колебаніе воздуха, если направить на него мышленіе, доступно пониманію совершенно одинаково съ тѣмъ, какъ это физическое явленіе описывается въ физикѣ. Правда, исходнымъ пунктомъ естественно-научныхъ изслѣдованій служитъ не самый реально-объективный фактъ звука, но услышанный нами звукъ. Такимъ образомъ мышленіе можно было бы считать такимъ органомъ, при помощи котораго единственно возможно опредѣленіе и установленіе реальнаго. Но всякое опытное знаніе имѣетъ дѣло именно съ реальнымъ началомъ, а не съ нашимъ воспріятіемъ и представленіемъ о немъ. Этимъ самымъ мышленіе выдвигается какъ психологическая предпосылка для работы въ точныхъ наукахъ. Когда юристъ, опираясь на слѣдственный матеріалъ, опредѣляетъ фактъ преступленія или изслѣдователь языка на основаніи опредѣлен-

ныхъ измѣненій звуковъ выводитъ законы этого процесса, историкъ заключаетъ на основаніи извѣстныхъ данныхъ своихъ источниковъ состояніе, положеніе и событія прошлаго, астрономъ исчисляетъ разстоянія и пути міровыхъ тѣлъ — во всѣхъ этихъ случаяхъ налицо имѣется мышленіе и результаты мышленія прилагаются къ реальному знанію. Поэтому, казалось бы, что мышленію приличествуетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ хотѣла ему приписать прежняя психологія, и результаты нашихъ опытовъ вполнѣ подтверждаютъ наше предположеніе.

Въ этомъ направленіи современная психологія мышленія идетъ навстрѣчу теоріи познанія, именно въ проблемѣ реальности. Еще задолго до экспериментальныхъ изслѣдованій мышленія настойчиво указывали, особенно Твардовскій, Гуссерль, Фрейтагъ, что содержаніе мышленія и его предметъ отличаются одинъ отъ другого и что мышленіе направлено не на себя самого, а на нѣчто трансцендентное, лежащее внѣ его собственной сферы. Тогда какъ ощущенія и представленія занимаютъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ иное положеніе, красное есть, безъ сомнѣнія, содержаніе цвѣтовыхъ ощущеній, въ которыхъ я узнаю красный цвѣтъ, образъ какого-либо дома—также точно содержаніе зрительныхъ представленій, въ которыхъ этотъ образъ мнѣ данъ. Но кристаллъ кварца, о которомъ я мыслю, если, напримѣръ, я хочу представить шестиугольное образованіе кристалла, не является содержаніемъ мыслей, при помощи которыхъ я подобнымъ же образомъ провожу кристаллъ въ сознаніе. Поэтому въ мысли о предметахъ, которые отнюдь не являются самими мыслями, нѣтъ никакого противорѣчія, въ то время какъ въ ощущеніи цвѣта, которое не является содержаніемъ этого ощущенія, въ чувствѣ нѣкотораго удовольствія, которое не содержится

въ самомъ чувствѣ, во всякомъ случаѣ, лежитъ противорѣчіе. Такимъ образомъ, мышленіе можетъ быть направлено на предметы, которые отъ него самого существенно отличны и не становятся чистымъ содержаніемъ мышленія или чистыми мыслями по одному лишь тому, что мыслятся. Экспериментальное изслѣдованіе не только твердо установило сущность этого вопроса, но въ то же время показало, что мыслимые предметы могутъ обладать совсѣмъ иными свойствами и не обнаруживаютъ поэтому прямой зависимости отъ мышленія. Мышленіе можетъ быть направленнымъ на идеи и объекты, и между послѣдними на идеальные, реальные и дѣйствительные, т.-е. данные нашему сознанію. Поэтому, когда мы касаемся трансцендентности, то отнюдь не имѣемъ въ виду какое-либо опредѣленное значеніе реальности, мы говоримъ объ одной общей возможности установить и опредѣлить реальные предметы. Во всякомъ случаѣ, теперь становится совершенно яснымъ существованіе такихъ объектовъ, которые не идентичны съ явленіями бытія. Вотъ почему психологія берется за разрѣшеніе проблемы точнаго знанія о реальности, ея установленія и опредѣленія. Реальный міръ изслѣдователя природы есть предметъ мышленія, но воспринятымъ онъ можетъ быть только въ мышленіи. То же можно сказать о реальностяхъ душевной жизни, о наукахъ духовныхъ и метафизикѣ. Не было недостатка въ попыткахъ подставить во всѣхъ реальныхъ наукахъ вмѣсто реальныхъ предметовъ непосредственную дѣйствительность сознанія, самый процессъ переживанія. Однако, эти попытки теоріи познанія обмануть научное изслѣдованіе, пользуясь неправильными положеніями о сущности и цѣнности мышленія, не удавались. А теперь наука находитъ рѣшительную поддержку въ выводахъ психологіи мышленія.

Новые взгляды имѣютъ громадное значеніе не для одной теоріи познанія, они важны также и для эстетики. Уже уходящій въ прошлое натурализмъ нашихъ дней покоился на томъ предположеніи, что существуетъ лишь наглядная дѣйствительность и что искусство должно быть его зеркаломъ. Поэтому-то, напримѣръ, художники-живописцы прилагали всѣ усилія, чтобы при воспроизведеніи дѣйствительности давать картину, даже въ мелочахъ вполнѣ отвѣчающую своему оригиналу, и поэты стремились достигнуть полнаго сліянія фактовъ міра ощущеній и представленій. Эстетика романтиковъ, которые говорили объ идеяхъ, обнаруживающихся въ чувственныхъ явленіяхъ, оказалась старымъ хламомъ, выброшеннымъ за негодностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должно было создаться особое пониманіе эстетическаго отношенія къ природѣ. Луга, освѣщенные солнцемъ, съ ихъ весенними цвѣтами, ярко-зеленый лѣсъ, тянущійся по краю ихъ, домикъ на опушкѣ со струей дыма, тянущагося въ воздухѣ, свѣжій ароматъ цвѣтовъ—все это мы не только видимъ и обоняемъ, но въ нашей душѣ возникаютъ мысли о томъ, что нѣчто растетъ и цвѣтетъ, понятіе о причинахъ, поддерживающихъ и толкающихъ ростъ растенія, а также объ идеѣ свободнаго его развитія. Эстетическое настроеніе, въ которое мы погружаемся, созерцая наглядную дѣйствительность, вызывается, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени благодаря мыслямъ, какъ и благодаря созерцанію. Требованіе наглядности въ эстетикѣ должно было оказать совершенно исключительное роковое воздѣйствіе на музыку и поэзію. Здѣсь привело оно къ признанію негодности или малой цѣнности музыки безъ текста. Абсолютная и чистая музыка, которая еще Шопенгауэру представлялась глубочайшимъ изъ всякаго рода искусствъ, была осуждена какъ чистая форма, какъ чистый звукъ. Лишь

опера, музыкальная драма или программная музыка могли придать звукамъ характеръ наглядности и служить посредникомъ передачи содержанія. Свой наибольшій тріумфъ натурализмъ праздновалъ въ томъ видѣ поэзіи, матеріалъ которой какъ бы нарочно для того созданъ, чтобы наглядно выражать мысли. Романъ, драма и сценическое искусство конкуррировали въ выполненіи требованій наглядной правды. Чистое зрительное или слуховое созерцаніе было вполнѣ достаточнымъ, чтобы вызвать полное впечатлѣніе, а идеи, даже въ самомъ скромномъ видѣ, были запрещены.

А между тѣмъ именно поэзію и можно привести въ доказательство того, что идеи находятъ здѣсь свое мѣсто. Слѣдуетъ только обратиться къ наблюденіямъ читателей и слушателей. Нерѣдко мы знаемъ, о чемъ идетъ рѣчь, понимаемъ положеніе, поведеніе и характеры дѣйствующихъ лицъ, но соотвѣтствующее или наглядное представленіе мыслимъ лишь случайно. Уже въ 18 столѣтіи знали, что требованіе полной наглядности не выполнимо, что образныя представленія, которыя возникаютъ при чтеніи и слушаніи поэтическихъ сочиненій очень далеки отъ картинъ дѣйствительности. Интересно отмѣтить, что ко времени возникновенія новой психологіи мышленія появилась обратившая на себя вниманіе книга Теодора Мейера о законахъ стиля въ поэзіи, въ которой извѣстное положеніе Горація было отвергнуто независимо отъ какой бы то ни было экспериментальной психологіи. Уже здѣсь было показано, что при наслажденіи поэтическимъ творчествомъ мы часто удовлетворяемся чистымъ знаніемъ объ отмѣченныхъ предметахъ, не представляя ихъ наглядно.

Споръ объ этой проблемѣ подчеркнулъ важное значеніе особыхъ эстетическихъ раздражителей, заключающихся въ наглядности изображенія. Съ

другой стороны, необходимо будетъ разрѣшить болѣе важный вопросъ: насколько могутъ оказывать эстетическое дѣйствіе предметы, не носящіе характера наглядности. Во всякомъ случаѣ, врядъ ли теперь можно бы было отрицать, что вообще поэтическое представленіе содержитъ нѣчто не-конкретное, мысленное, общее и что эти начала иногда выступаютъ особенно сильно, слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ невозможно говорить о нихъ, какъ о факторахъ мѣшающихъ, ненужныхъ или безразличныхъ. Современная психологія мышленія помогаетъ намъ понять эти явленія. Она показываетъ возможность этихъ явленій и тѣмъ самымъ опредѣляетъ роль мыслей и важное значеніе идей въ поэзіи. Исходя отсюда, мы начинаемъ также понимать, что въ нашемъ отношеніи ко всякаго рода искусству, непосредственно опирающемуся на наши чувства, могутъ имѣть мѣсто процессы сознанія, толкованія, осмышленія и символическое обозначеніе. Вся эта масса психическихъ моментовъ, переживаемыхъ нами путемъ ненаглядным, отнюдь не наноситъ ущерба эстетическому воспріятію. Безъ сомнѣнія, созерцательныя настроенія, въ которыя мы впадаемъ при видѣ картины или ландшафта или впечатлѣнія отъ прекраснаго или возвышеннаго, также вызываются мыслями, которыя приходятъ въ это время. Майеръ совершенно вѣрно сказалъ, что языкъ удивительно сжато отразилъ всю дѣйствительность, благодаря чему человѣкъ отказался отъ выявленія многихъ образовъ. Языкъ воспроизвелъ намъ книгу чувственнаго міра въ такомъ сочиненіи, которое напечатано убористымъ шрифтомъ скорѣйшей скорописью. Путемъ языка достигается упрощеніе и значительное сбереженіе силъ сознанія. Мысль объединяетъ раздѣленную и дифференцированную матерію. При помощи мыслей овладѣваютъ предлагаемыми предметами, сбли-

жаютъ разъединенные, отбрасываютъ несущественное, запутывающее, отвлекающее и, напротивъ, помогаютъ выбирать важнѣйшее и наиболѣе цѣнное. Пониманіе, такъ сказать, неудержимо летитъ отъ вершины къ вершинѣ и паритъ надъ неповоротливой, тяжелой и всегда недостаточно вѣрной, наглядной картиной. Дѣятельность мышленія поддерживается не только черезъ посредство представленій, воспоминаній и фантазіи, но также при помощи толкованія, которое мы прилагаемъ къ услышаннымъ и прочитаннымъ словамъ. Лишь при этихъ условіяхъ становится понятнымъ, что тихое, покойное помѣщеніе помогаетъ вызвать при чтеніи столь сильное, потрясающее впечатлѣніе, хотя скорость, съ которой бѣгутъ страницы, благодаря возбужденію, и именно по его винѣ, не даютъ для нагляднаго припоминанія содержанія достаточно времени. Если же все-таки наглядныя картины появляются, то, чтобы установить наше къ нимъ отношеніе и вывести соотвѣтствующее слѣдствіе изъ прочитаннаго, необходимо мысленно имъ приникнуться. И если поэзія послѣ всего сказаннаго не хочетъ легкомысленно растерять свойственныя ей преимущества, которыя заключаются въ присущей ей словесной формѣ творчества, то она не должна пренебрегать мыслями: пусть продолжается поэтическое творчество идей и духовное воздѣйствіе поэзіи на человѣка.

Современная психологія мышленія положила начало правильному отношенію также и къ логикѣ. Схема ощущеній, представленій и чувствъ должна была помѣшать сознанію привести въ разумный порядокъ логическія образованія и формы логической дѣятельности. Если мы не наблюдаемъ въ насъ, кромѣ ощущеній и представленій, никакихъ другихъ переживаній, то въ составѣ сознанія не могутъ имѣть мѣсто понятія и сужденія, заключенія и доказательства. Вѣроятно, по-

этому логикѣ нечего было опасаться психологизма прежнихъ систематиковъ экспериментальной психологіи. Какъ показали изслѣдованія Марбе о сужденіяхъ, между логикой и психологіей появилась глубокая и совершенно непроходимая пропасть. Однако, дальнѣйшее развитіе психологіи мышленія указало намъ путь, на которомъ можно видѣть, какъ переживаются и осуществляются логическія формы и методы. Логика и психологія, впрочемъ, и теперь остаются различными науками. Чистое мышленіе, подчиненное нормѣ въ наукѣ логикѣ, не совпадаетъ съ эмпирическимъ мышленіемъ, которое изслѣдуетъ и изучаетъ психологія. Феноменологическій методъ переживанія въ настоящемъ логическихъ положеній и образованій и достигаемое благодаря этому познаніе ихъ и трансцендентальный методъ анализа логическихъ положеній, установленныхъ наукой, одинаково не похожи на методъ психологическаго изслѣдованія психическихъ состояній, соотвѣтствующихъ логическимъ образованіямъ. Мы теперь уже въ состояніи установить, по крайней мѣрѣ, индивидуальныя формы сознанія, въ которыхъ соблюдены правила логики и разсмотрѣны истина и правильность утвержденій. Мы можемъ опредѣлить наличность въ нашемъ сознаніи понятій и положеній и какъ именно мы ихъ сознаемъ. Мы можемъ психологически анализировать работу изслѣдователя, изложенную имъ на основаніи данныхъ логики, и представить ее въ соотвѣтствующей психологической формѣ. Само собой разумѣется, что не только реальное знаніе, но и многія другія дисциплины должны быть благодарны современной психологіи мышленія, главнымъ образомъ, за то, что онѣ сдѣлались психологически доступными. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ такого знанія, представитель котораго не пользовался бы въ своихъ работахъ мышленіемъ въ его многообразныхъ формахъ. Изслѣдо-

ватели уже начинаютъ возбуждать глубоко интересные вопросы, наблюдая разнообразіе процессовъ мышленія въ различныхъ отрасляхъ знанія и устанавливая индивидуальные пріемы мышленія, лежащіе въ самой природѣ тѣхъ или иныхъ научныхъ изслѣдованій. Сдѣланныя нами въ этомъ направленіи первыя построенія въ психологіи мышленія обѣщаютъ объяснить связь, которая видна уже въ опытѣ каждаго дня, именно между выборомъ человѣкомъ предмета научныхъ занятій и извѣстнымъ направленіемъ и поведеніемъ выбирающаго. Очевидно, для опредѣленія призванія человѣка роль играютъ по преимуществу не типы представленія, а указанныя нами выше различія въ способностяхъ.

Этимъ самымъ мы уже сдѣлали шагъ въ область, отношеніе которой къ современной психологіи мышленія вызываетъ особенный интересъ, въ педагогику. Она въ началѣ новаго времени вела успѣшную борьбу противъ вербализма и традиціонализма среднихъ вѣковъ, и въ лицѣ своихъ выдающихся представителей отстаивала принципы наглядности. Всѣ предметы, о которыхъ идетъ рѣчь въ школѣ, должны согласно этому ученію быть воспринятыми учащимися черезъ посредство ощущеній органовъ чувствъ или чувственныхъ представленій, т.-е. въ наглядныхъ образахъ. То же, что не носитъ характера наглядности, свободно отбрасывается за-одно съ неопредѣленнымъ, неяснымъ, а если приходится приводить и запечатлѣвать отвлеченныя опредѣленія, то ставится обязательное требованіе строить ихъ на основаніи примѣровъ, образовъ, сравненій нагляднаго характера. Для достиженія во всемъ наглядности не отступали передъ какими угодно трудностями. Согласно школьному закону 1642 года учителя должны были водить дѣтей на мѣсто убоя свиней или другихъ животныхъ. Мы не намѣрены здѣсь раска-

пывать и обнаруживать корни этого въ извѣстныхъ предѣлахъ хорошо обоснованнаго и цѣлебнаго принципа. Но мы должны выступить противъ его крайностей съ точки зрѣнія психологіи мышленія. Прежде всего не видятъ, что и въ процессѣ наглядности не теряетъ своего значенія опредѣленное индивидуальное отношеніе къ предметамъ, процессъ мышленія, кромѣ того, проявляется въ опредѣленіи свойствъ предметовъ, въ дѣятельности абстракціи и группировкѣ нами представленій и въ ихъ комбинированіи и толкованіи. Далѣе, не желаютъ признать, что то, что не носитъ характера наглядности, не означаетъ еще неопредѣленности или неясности, напротивъ, какъ показываютъ понятія, опредѣленно установленныя, онѣ доступны пониманію съ большой степенью остроты и точности. Сторонники принципа наглядности, кромѣ того, забываютъ тотъ фактъ, что не всѣ объекты возможно представить наглядным образомъ. Явленія природы, историческія событія и личности, математическія отношенія, предметы вѣры въ религіи наглядно воспроизводимы лишь съ приближеніемъ, или символически, ихъ собственная сущность проявляется въ одномъ мышленій. Сравненія, образы и примѣры никогда не восполняютъ предметовъ, которые мы мыслимъ въ этихъ и другихъ случаяхъ, и сами по себѣ легко приводятъ къ заблужденію и ложному толкованію. Всеобщее требованіе конкретизаціи, наконецъ, угрожаетъ ослабленіемъ логическаго мышленія. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ учащихся, университетскихъ работахъ, экзаменаціонныхъ, письменныхъ работахъ, которыя намъ, учащимъ, приходится читать, часто бросается въ глаза логическая неловкость въ опредѣленіи понятій, расположеніи матеріала, въ обоснованіяхъ и сужденіяхъ, притомъ чаще чѣмъ неудачный образъ или недостатокъ въ примѣрахъ. Способность къ логической груп-

пировкѣ даннаго матеріала и углубленіе въ него, по слѣдовательность въ приведеніи доказательствъ, способность къ вѣрной критической оцѣнкѣ данной связи мыслей—необходимо нуждаются въ упражненіи. Такъ какъ съ нѣкотораго времени стало предъявляться требованіе спеціальнаго формальнаго развитія памяти у учащихся, то, чтобы восполнить воспитаніе наглядным методомъ, можно смѣло рекомендовать примѣнявшееся прежде часто упражненіе въ опредѣленіи явленій, указаніи ихъ рода, дѣленіи ихъ, упражненіе въ логическомъ заключеніи и т. д.

Психологія мышленія можетъ быть полезной для педагогики еще въ одномъ направленіи. Мы говорили выше о детерминирующихъ тенденціяхъ. Онѣ создаютъ, какъ уже со стороны самихъ педагоговъ было замѣчено, одно важное обстоятельство (Мессмеръ). Всякое усиліе воли и выполненіе долга по преимуществу связаны съ постоянствомъ и прочностью этой тенденціи. Выражаясь психологически, всякая разрѣшаемая нами задача есть наша обязанность. Детерминирующая тенденція, воздѣйствующая на теченіе внутреннихъ и внѣшнихъ процессовъ, и опредѣляетъ, насколько они для насъ обязательны. Такъ какъ при этомъ приходится побѣждать задержки и противодѣйствія случайнаго характера и даже всякаго рода естественныхъ антагонистовъ, то детерминирующая тенденція встрѣчаетъ постоянную помощь со стороны психофизической природы человѣка. Изслѣдователь Ахъ не только сумѣлъ въ наше время установить индивидуальныя отличія въ величинѣ этой энергіи, но также наблюдалъ успѣхи упражненія этой энергіи, когда испытуемымъ удавалось побѣждать даже противодѣйствія психофизическаго характера. Кто сумѣетъ создать у воспитанника мощную детерминирующую тенденцію, тотъ сдѣлаетъ его способнымъ

къ противодѣйствію искушеніямъ и соблазнамъ, настойчивымъ въ достиженіи своихъ цѣлей въ мышленіи, поведеніи и управленіи самимъ собой. Вѣрность въ исполненіи обѣщаній, высокое достоинство въ выполненіи призванія, твердость характера въ хаотичности и соблазнахъ жизни—опираются на сильную и длительную этическую детерминацію. Уже Гербартъ указалъ цѣль воспитанія въ образованіи характера. Современная психологія позволяетъ точнѣе узнать процессы, которые ведутъ къ тому и вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ пути, ведущіе къ достиженію этой цѣли.

Наконецъ, психологія мышленія, повидимому, открываетъ дорогу къ измѣненію нашего міросозерцанія. Признаніе интеллекта, подчеркиваніе нашей душевной самостоятельности всегда оплодотворяли продуктивность мышленія. Высшій пунктъ греческой философіи дала намъ не сократовская школа киренцевъ, въ которой мѣриломъ истины и добродѣтели была чувственность, также не стоическое и эпикурейское ученіе о чувственномъ созерцаніи, какъ основѣ всякаго знанія, но Платонъ съ его ученіемъ объ идеяхъ, и цвѣтущее время распространившейся необычайно быстро культуры древней Греціи создалось благодаря признанному превосходству мышленія надъ ощущеніемъ. Далѣе слѣдуетъ вспомнить интеллектуализмъ въ кульминаціонный пунктъ развитія средневѣковой схоластики и господство чистаго разума въ раціонализмѣ новой философіи. И, если насъ не обманываютъ многіе признаки, мы въ наше время снова находимся на пути къ идеямъ. Намъ не слѣдуетъ бояться, что этимъ самымъ мы покинемъ скоро почву дѣйствительности и вознесемся въ воздушную область чистыхъ, мыслимыхъ вещей. Мы сдѣлались сильными, благодаря эмпирическому направленію, и обострили глазъ къ реальному. Факты остаются въ силѣ независимо отъ теоріи,

до и послѣ нея, и должны одинаково занимать какъ теоретическаго изслѣдователя, такъ и практическаго дѣятеля. Но далекія цѣли, которыя насъ уже привели къ міровой политикѣ, нельзя было, конечно, увидѣть глазами и тронуть руками, и вселенная, неизмѣримая въ великомъ и маломъ, которую мы такъ основательно изучили, что сдѣлались примѣромъ для всѣхъ націй, и она въ концѣ концовъ можетъ быть воспринята и опредѣлена лишь мысленно.

Такъ изъ психологическихъ лабораторій направляется взоръ на цѣлое нашего знанія и познаванія. Каждое новое достиженіе при проникновеніи въ область творчества духа создаетъ для философіи новое пріобрѣтеніе. Оно проясняетъ нашу душу, изъ которой проистекаетъ все то, что мы можемъ и знаемъ, оно даетъ намъ новый масштабъ для оцѣнки человѣка и его назначенія, его положенія въ мірѣ, оно освѣщаетъ по новому силы, которыя способствуютъ познанію, творчеству и дѣятельности. Въ способности мышленія древняя мудрость нашла отличительный признакъ человѣческой природы. Въ мышленіи отецъ церкви Августинъ и послѣ него Декартъ видѣли единственно прочное основаніе для бытія личности, пребывающей въ сомнѣніяхъ. Мы же не только скажемъ: мыслю, значитъ,—существую, но также: міръ существуетъ, какъ мы его устанавливаемъ и опредѣляемъ.

Этими немногими замѣчаніями не исчерпано значеніе экспериментальной психологіи мышленія, мы лишь иллюстрировали ее и обозначили вѣхи новаго знанія. Можно было бы также указать на многое другое, какъ, напримѣръ, отношеніе психологіи мышленія къ психопатологіи и языкознанію и, кромѣ того, заслуживаютъ быть отмѣченными многіе отдѣльные вопросы, какъ эксперименты надъ абстракціей и процессами сужденія и заключенія и взаимоотношеніе двухъ одно-

временно заданныхъ задачъ—главной и второстепенной. Помимо сказаннаго нужно имѣть въ виду, что мы въ большинствѣ случаевъ не вышли еще за предѣлы начала изслѣдованій. Насъ повсюду ожидаютъ многочисленные неразрѣшенные, темные и трудные вопросы. Но уже нашъ обзоръ долженъ былъ показать, что есть смыслъ пробираться впередъ по проложенному пути и что экспериментальная психологія, благодаря изслѣдованію мышленія, обогатила не одну свою собственную область громаднымъ и плодороднымъ кускомъ новаго материка, но также вступила въ область взаимныхъ отношеній съ пограничными странами.

Возможно, что психологія мышленія могла бы обойтись безъ вспомогательныхъ экспериментальныхъ средствъ, безъ отдѣльныхъ систематическихъ наблюденій. Вѣроятно, также кое-что изъ того, что добыто или еще разрабатывается экспериментальнымъ путемъ, конструировано и установлено помимо ея и иначе. Идеи Лотце о релятивномъ знаніи, теорія Брентано о психическихъ функціяхъ, ученіе Вундта объ апперцепціи и апперцептивныхъ связяхъ, теорія Эрдманна о сужденіи, имѣющіе большой успѣхъ идеи Stout и Dewey и нѣкоторыя другія данныя современныхъ и старыхъ психологовъ—все это имѣетъ свою цѣнность. Но преимущества экспериментальныхъ изслѣдованій съ ихъ естественными пріемами, привлеченіе многихъ испытуемыхъ, образцовая постановка условій для изслѣдованія, спеціализація задачъ, контролирующее наблюденіе, величайшее изобиліе отдѣльныхъ выводовъ и закономѣрныхъ явленій—все это настолько рѣзко бросается въ глаза, что позволяетъ намъ опредѣленно выдвинуть работы экспериментальнаго направленія. Мы будемъ радоваться единству мыслей, гдѣ бы мы его ни встрѣчали, мы будемъ провѣрять противорѣчія, на которыя мы наталкиваемся, и въ неизбѣжныхъ кро-

потливыхъ изслѣдованіяхъ, которыя мы производимъ, будемъ утѣшаться созерцаніемъ время отъ времени великихъ цѣлей, а также простымъ сознаніемъ того, что мы прилаживаемъ массивные, основательно отдѣланные и другъ къ другу подходящіе камни зданія нашей науки.

Перев. С. Поничъ.

А. А. Крогіусъ.

Вюрцбургская школа экспериментальнаго изслѣдованія мышленія и ея значеніе.

Экспериментальная психологія пользуется у насъ большою, но довольно сомнительною популярностью. Въ послѣднее время она стала играть роль хиромантіи—по какимъ-то безсмысленнымъ стукамъ или совершенно случайнымъ ассоціаціямъ опредѣляются личность, характеръ, рѣшаются самые сложные психологическіе вопросы. Работы Вюрцбургской школы по психологіи мышленія идутъ въ совершенно иномъ направленіи. Онѣ выдвигаютъ передъ научнымъ сознаніемъ основные вопросы психологіи.

I.

Одною изъ первыхъ работъ по экспериментальному изслѣдованію мышленья было изслѣдованіе Марбе по психологіи сужденія. [1]). Испытуемымъ предлагались различные вопросы, вызывавшіе у нихъ процессы сужденія, т.-е. такіе процессы, къ которымъ приложимы предикаты истинный и ложный. Непосредственно послѣ опыта испытуемый дол-

[1]) K. Marbe. Experimentell-psychologische Untersuchungen über das Urtheil. 1901.

женъ былъ описать, что было имъ пережито. Испытуемыми были проф. Кюльпе и проф. Реттекенъ. Предлагались, напр., вопросы: „На какой рѣкѣ находится Берлинъ?" Отвѣтъ (Кюльпе):—„на Шпрее". Приэтомъ возникъ зрительный и слухо-двигательный образъ этого слова.—Вопросъ: „Сколько будетъ 6 разъ 15?"—Отвѣтъ „90—при этомъ возникли неясные двигательные образы 15 и 6". Былъ изслѣдованъ цѣлый рядъ сужденій, большею частью очень простого содержанія, не требовавшихъ никакого умственнаго напряженія. Сужденія переживались, какъ представленія предметовъ или словъ. Необходимо здѣсь отмѣтить, что въ немногихъ случаяхъ, особенно при болѣе сложныхъ сужденіяхъ, были констатированы особыя „положенія сознанія" (Bewusstseinslagen). Иногда они опредѣлялись какъ чувство исканія, чувство сомнѣнія, чувство увѣренности, иногда же были совершенно неопредѣлимы. Марбе, однако, не считаетъ ихъ характерными для сужденія и потому даже не упоминаетъ о нихъ въ своемъ конечномъ выводѣ, имѣющемъ чисто отрицательный характеръ: „процессы сужденія не имѣютъ никакихъ психологическихъ особенностей". Сужденія, по мнѣнію Марбе, могутъ быть охарактеризованы только со стороны логической, съ точки зрѣнія объектовъ, къ которымъ они относятся, какъ соотвѣтствующія или не соотвѣтствующія этимъ объектамъ, т.-е., какъ истинныя или ложныя. Высказывая сужденіе, мы, правда, стремимся къ установкѣ соотвѣтствія между представленіями и объектами, но стремленіе это нами не сознается, и поэтому при самонаблюденіи не можетъ быть отмѣчено. Признать за представленіями характеръ сужденія можетъ не психологія, а логика, занимающаяся выясненіемъ отношеній представленій къ объектамъ.

Изслѣдованіе Марбе едва ли можно назвать удач-

нымъ. Съ одной стороны, вопросы, предлагавшіеся имъ, носили большею частью самый элементарный характеръ. Сужденія высказывались или „рефлекторно“, или являлись простымъ воспроизведеніемъ прежнихъ сужденій. Если мышленіе и имѣло мѣсто, то носило, во всякомъ случаѣ, очень мимолетный, трудно уловимый для самонаблюденія, характеръ. Интересно, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что испытуемые часто указывали на какія-то особыя „положенія сознанія“. Къ сожалѣнію, они совершенно не остановили на себѣ вниманія Марбе.

Изъ изслѣдованія Уатта [1]) особенно важно отмѣтить выясненіе имъ вопроса, какое значеніе имѣло для теченія представленій то или иное предложенное испытуемому заданіе. Его эксперименты доказали, что заданіе (напр., назвать понятіе, соподчиненное съ тѣмъ, которое названо экспериментаторомъ) вліяетъ на теченіе представленій и тогда, когда оно не сознается испытуемымъ.

По вопросу о вліяніи заданія на процессы мышленья къ такимъ же выводамъ, какъ Уаттъ, пришелъ Нарциссъ Ахъ [2]). Теченіе представленій можетъ не зависѣть отъ внѣшнихъ раздраженій и отъ ассоціативныхъ вліяній, если имъ управляютъ детерминирующія тенденціи. Послѣднія могутъ исходить и отъ намѣреній субъекта, и отъ испытанныхъ имъ прямыхъ и косвенныхъ внушеній, отъ даннаго ему приказанія, отъ предложенной ему задачи, могутъ быть ясно осознанными и безсознательными. Онѣ создаютъ между представленіями новыя ассоціаціи, и онѣ же обусловливаютъ осмысленное и цѣлесообразное теченіе

[1]) Watt. Archiv für die ges. Psychologie. IV.

[2]) Narciss Ach. Ueber die Willensthätigkeit und das Denken, 1905.

психическихъ процессовъ. Дѣйствіе детерминирующихъ тенденцій особенно ясно сказывается въ явленіи „сознанности“ (Bewusstheit). Подъ этимъ терминомъ понимается наличность у насъ ненагляднаго знанія. Несомнѣнно, каждый можетъ отмѣтить у себя знаніе даже очень сложныхъ содержаній безъ всякихъ феноменальныхъ элементовъ — при сознаваніи наличности вполнѣ опредѣленнаго знанія у насъ можетъ не возникать никакихъ чувственныхъ представленій, которыя опредѣляли бы съ качественной стороны содержаніе этого знанія. Ахъ разсматриваетъ эту сознанность, какъ тенденцію къ воспроизведенію представленій опредѣленнаго содержанія. Когда возникаетъ „сознанность“, то воспроизведеніе еще не произошло, но уже намѣченъ путь, по которому оно должно направиться, детерминирующая тенденція уже вступила въ силу. Если она проявитъ свое полное дѣйствіе, то постепенно раскроется содержаніе даннаго знанія, развернется въ послѣдовательную нить совокупность представленій, свернутыхъ въ невидимый клубокъ ненагляднаго знанія, напр., при переживаніи понятія—выйдутъ на свѣтъ сознанія чувственные образы, скрывавшіеся въ единствѣ даннаго понятія. Ненаглядное знаніе есть результатъ возбужденія представленій, готовыхъ появиться въ полѣ сознанія. Это есть сознаніе тенденціи, содержаніе которой еще не раскрыто, хотя и предопредѣлено. Даже въ то время, когда оно еще не раскрылось, я могу безошибочно сказать, соотвѣтствуетъ ли ей возникновеніе въ сознаніи того или иного представленія, или нѣтъ. Итакъ, ненаглядное знаніе является однимъ изъ видовъ сознанія детерминированности еще невыявленными чувственными представленіями.

Изслѣдованія Аха даютъ много интереснаго матеріала, едва ли, однако, можно согласиться съ предло-

женнымъ имъ толкованіемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при мышленіи мы переживаемъ совершенно особыя состоянія, не имѣющія характера наглядности, но можно ли характеризовать ихъ какъ безсознательныя и разсматривать ихъ только какъ тенденцію къ воспроизведенію опредѣленныхъ представленій? Такія тенденціи вообще можно толковать или въ смыслѣ стремленія или въ смыслѣ способности вызвать опредѣленныя представленія. Но первое толкованіе, очевидно, недопустимо. Вѣдь въ такомъ случаѣ все наше мышленіе было бы неудовлетвореннымъ стремленіемъ, потому что никогда единичныя представленія не могутъ исчерпать объемъ какого-нибудь общаго понятія, входящаго въ составъ мысли. И чѣмъ общѣе понятія, тѣмъ напряженнѣе было бы это стремленіе, потому что тѣмъ менѣе было бы удовлетворено. Если бы у насъ было въ дѣйствительности такое стремленіе, то хотя бы частичное удовлетвореніе его должно было-бы прямо вредить процессу мышленія. Уже Шопенгауэръ пишетъ по этому поводу: „Неужели были бы мы въ состояніи во время слышанья чужой рѣчи переводить слова нашего собесѣдника на предметные образы, которые съ быстротою молніи пролетали бы въ такомъ случаѣ мимо насъ, и двигались, сцѣплялись, сталкивались, восполнялись, видоизмѣнялись и исчезали бы вмѣстѣ съ притекающими словами и ихъ грамматическими измѣненіями? Какая толчея возникала-бы въ такомъ случаѣ въ нашей головѣ при слышаніи рѣчи или чтеніи книги“. На основаніи самонаблюденія мы не можемъ сказать, чтобъ мышленіе вообще характеризовалось реально переживаемымъ стремленіемъ къ воспроизведенію опредѣленныхъ представленій. Но въ такомъ случаѣ, можетъ-быть, слѣдуетъ остановиться на второмъ толкованіи, т.-е. допустить, что при мышленіи мы не стремимся, а только сознаемъ себя способными воспроизвести

опредѣленныя представленія, соотвѣтствующія той или иной „сознанности". Тогда мышленіе было бы сознаніемъ не дѣйствительности, а только возможности представленій. Но не слишкомъ ли большой ущербъ терпитъ тогда дѣйствительность во имя утвержденія возможности. Вѣдь при процессѣ мышленія не только сознаются возможности, но и переживаются дѣйствительныя, опредѣленныя мысли. Если бы наличность мысли сводилась только къ сознанію способности вызвать соотвѣтствующія представленія безъ дѣйствительнаго вызыванія послѣднихъ, то, очевидно, мысли не могли бы получить въ нашемъ сознаніи никакой опредѣленности, онѣ ничѣмъ не отличались бы другъ отъ друга. Конечно, можно было бы сказать, что различіе мыслей создается различіемъ словъ, ихъ выражающихъ, что при мышленіи, напр., отвлеченныхъ понятій въ нашемъ сознаніи находятся только слуховые, двигательные и осязательные образы словъ, и ничего больше, какъ докладывали когда-то Рибо его испытуемые. Мы не будемъ, однако, останавливаться на критикѣ такихъ предположеній, изъ которыхъ пришлось бы, между прочимъ, сдѣлать выводъ, что совершенно невозможны переводы съ одного языка на другой.

Другіе изслѣдователи Вюрцбургской школы еще рѣзче, чѣмъ Ахъ, подчеркивали значеніе для мышленія ненаглядныхъ элементовъ. Такъ, Тэйлоръ,[1]) изслѣдовавшій пониманіе словъ и предложеній, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. При пониманіи предложеній, имѣющихъ наглядное содержаніе, наглядныя представленія возникаютъ далеко не всегда. Если же предложенія не имѣютъ нагляднаго содержанія, то возникновеніе наглядныхъ представленій только мѣшаетъ пониманію. Такъ, Тэйлоръ предложилъ Мессеру прочитать стра-

[1]) Clifton O. Taylor Zeitschrift f. Psychologie, т. XL.

ничку книги Gottl'я по политической экономіи. Три наглядныхъ представленія, возникшихъ у Мессера во время чтенія этой страницы, находились только въ случайной внѣшней связи со смысломъ прочитаннаго и не только не облегчили, а, напротивъ, затруднили пониманіе.

Вопросъ о ненаглядномъ мышленіи былъ такъ выдвинутъ Вюрцбургскою школою, что, напр., Шульце [1]) дѣлитъ всѣ переживанія на двѣ группы, на явленія и мысли или „сознанности". Явленія обладаютъ наглядным ъ характеромъ, могутъ быть локализованы, т.-е. между ними могутъ быть установлены пространственныя соотношенія. Сюда относятся ощущенія, какъ данныя въ своей чувственной свѣжести, такъ и „выцвѣтшія" (представленія). Сюда же принадлежатъ чувства—они локализуются въ различныхъ частяхъ тѣла и представляютъ только своеобразныя комбинаціи органическихъ ощущеній (стр. 379). Другую сторону душевной жизни составляютъ мысли или сознанности. Къ числу мыслей относится также сознаніе — я хочу, я обращаю вниманіе (стр. 381). Между мыслями нѣтъ пространственныхъ соотношеній; онѣ не имѣютъ наглядиаго характера, но сознаются такъ же непосредственно, какъ и явленія. Онѣ не отожествимы съ явленіями — я могу переживать явленія и сознавать своеобразную пустоту—отсутствіе мыслей. Я всегда могу сказать, была ли у меня та или иная мысль. Мысли могутъ переживаться безъ переживанія соотвѣтствующихъ явленій. Пониманіе смысла, значенія словъ, сплошь и рядомъ происходитъ безъ возникновенія въ сознаніи какихъ бы то ни было явленій. Мысли могутъ прямо сознаваться какъ таковыя, безъ всякихъ „символовъ". „Бытіе въ себѣ имѣетъ двоякаго рода представитель-

[1]) O. Schultze. Archiv f. die ges. Psych., т. VIII.

ство въ нашемъ сознаніи, наглядное и ненаглядное" (стр. 280).

Очень обстоятельное экспериментальное изслѣдованіе процессовъ мышленія было произведено Мессеромъ [1]). Прежде чѣмъ изложить данныя этого изслѣдованія, необходимо выяснить его общую точку зрѣнія. Согласно съ Гуссерлемъ, Мессеръ говоритъ, что познаніе направлено на различные предметы, которые образуютъ двѣ группы, группу предметовъ реальныхъ и идеальныхъ. Къ группѣ реальныхъ относятся тѣлесные предметы и различные психическіе процессы. Общимъ признакомъ является ихъ временный характеръ. Идеальные предметы — это міръ общностей, міръ логическихъ значимостей. Сюда относятся, напр., геометрическія фигуры. „Треугольникъ вообще" не имѣетъ реальнаго существованія, нѣтъ смысла приписывать ему длительность или вообще какое-бы то ни было положеніе во времени. Но «треугольникъ вообще» не есть ничто, онъ есть предметъ, къ которому приложимы особые законы. Ему присуще, въ этомъ смыслѣ, идеальное бытіе. (E. u D., стр. 129).

Всѣ переживанія Мессеръ дѣлитъ на двѣ группы— ощущенія и акты (интенціональныя переживанія). Ощущенія переживаются какъ нѣчто просто существующее въ сознаніи, какъ элементы сознанія, цѣликомъ ограниченные переживаніемъ ихъ. Къ нимъ присоединяются акты, т.-е. психическіе процессы, направленные на различные предметы, „имѣющіе ихъ въ виду", „въ интенціи", „мнящіе" ихъ. При этомъ самые предметы, вообще говоря, не являются составною частью сознанія, а остаются для сознанія трансцендентными (за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда такими предме-

[1]) A. Messer, Arch. fur die ges. Psych. т. VIII, а также сочиненіе Empfindung und Denken, 1908.

тами служатъ психическіе процессы, наблюдаемые не по мимованіи, а въ самый моментъ теченія ихъ). Въ актахъ мы можемъ различать матерію и качество. Матерія,—содержаніе, «схваченный смыслъ». Въ слѣдующихъ двухъ актахъ: «на Марсѣ живутъ интеллигентныя существа» и «живутъ ли на Марсѣ интеллигентныя существа?» [1]). матерія одинакова. Напротивъ того, качество этихъ актовъ различно. Акты сужденія, простого представливанія (полагающіе и неполагающіе акты), предположенія, сомнѣнія, опасенія, желанія отличаются другъ отъ друга по своему качеству. Дѣленіе психическихъ процессовъ на познавательные, чувствовательные и волевые также относится къ различіямъ въ качествѣ актовъ; при этомъ познавательные акты являются тѣмъ основаніемъ, на которомъ воздвигаются чувствовательные и волевые акты. Благодаря матеріи акта, осуществляется интенція на различные предметы. Матерія акта является виновницей того, что предметъ обнаруживается въ актѣ именно, какъ такой-то, а не какой-либо другой. На основаніи данной совокупности ощущеній интенціональные акты посредствомъ различныхъ категорій (вещи и свойства, причины и дѣйствія, сходства, различія, числа, величины и цѣлаго ряда другихъ, не укладывающихся въ опредѣленную систему) опредѣляютъ предметы, какъ физическіе, такъ и психическіе. При внѣшнемъ и при внутреннемъ воспріятіи ощущенія тѣсно спаяны съ матеріей акта. Несмотря, однако, на эту тѣсную спаянность ихъ, они могутъ измѣняться до нѣкоторой степени независимо. Такъ, я могу „мнить“ ту же самую книгу, когда смотрю на ея корешокъ и на раскрытую въ ней страницу. Съ другой стороны, я могу данныя мнѣ при воспріятіи книги зрительныя ощущенія или относить къ физическому

[1]) Husserl, Logische Untersuchungen, 1901, II, стр. 387 и сл.

объекту, или разсматривать ихъ какъ свои переживанія. Уже въ воспріятіи отдѣльныхъ предметовъ, поскольку мы мыслимъ ихъ какъ книгу, перо, бумагу, чувство, ощущеніе, заключены понятія. Въ реальности единичнаго мы усматриваемъ тѣ или иныя идеальныя общности [1]). Этотъ процессъ усмотрѣнія общностей, процессъ идеирующей или генерализирующей абстракціи, можетъ подниматься все выше и выше. Благодаря ему мы можемъ исключить изъ нашего созерцанія не только все индивидуальное, но и все чувственное. Отъ чувственной абстракціи, которая даетъ намъ чувственныя понятія, мы переходимъ къ категоріальной [2]). Цвѣтъ, домъ, желаніе представляютъ изъ себя понятія чувственныя, единство, множество, отношеніе, причинность — понятія категоріальныя. Сквозь покрывало единичнаго просвѣчиваетъ и созерцается нами міръ логическихъ значимостей, міръ идеальныхъ сущностей, непространственнаго и невременнаго бытія.

Носителями значенія являются слова. Значеніе словъ для мышленія то же самое, что цифръ для счета или различныхъ фигуръ въ шахматной игрѣ. Фигуры въ шахматной игрѣ могутъ быть сдѣланы изъ слоновой кости или дерева, могутъ быть замѣнены пуговицами или какими угодно легко различимыми предметами. Насъ интересуетъ только то, какое значеніе онѣ имѣютъ для игры, онѣ интересуютъ насъ какъ носители функцій, установленныхъ правилами игры. Такое же значеніе имѣютъ слова, какъ носители опредѣленныхъ логическихъ функцій.

Мессеръ изслѣдовалъ съ помощью эксперимента пониманіе отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній,

---

[1]) Husserl, l. c., стр. 102.

[2]) Husserl, l. c., стр. 655 и сл.

При пониманіи смысла отдѣльныхъ словъ у испытуемыхъ возникали иногда наглядныя представленія, чаще всего зрительные образы. Очень часто, однако, и при такой искусственной изоляціи понятій никакихъ наглядныхъ представленій не возникало. Во всякомъ случаѣ, переживаніе значенія понятія нельзя сводить къ представленію какихъ бы то ни было наглядныхъ образовъ, безразлично, словесныхъ или предметныхъ. Какъ бы ни былъ наглядный образъ неясенъ и смутенъ, онъ все же есть всегда нѣчто единичное, индивидуальное, между тѣмъ какъ понятіе означаетъ общее. Сознаніе, что данное понятіе охватываетъ всѣ предметы, выдѣленные на основаніи извѣстнаго принципа, нагляднаго выраженія не имѣетъ. Несомнѣнно, что при обычномъ воспріятіи связной рѣчи наглядныхъ представленій возникаетъ еще меньше, чѣмъ при воспріятіи отдѣльныхъ понятій. Для значенія многихъ словъ мы не находимъ никакихъ наглядныхъ представленій — значеніе такихъ словъ, какъ содержаніе, функція, зависимость, отношеніе, различныхъ предлоговъ, союзовъ, флексій не можетъ быть выражено никакими наглядными представленіями. Между тѣмъ, значеніе ихъ сознается совершенно отчетливо, и мы всегда можемъ сказать, ограничились ли мы слышаніемъ этихъ словъ или поняли также ихъ значеніе. Иногда, особенно при затрудненномъ пониманіи, сознаніе значенія, наступающее чрезъ нѣкоторое время послѣ воспріятія словъ, совершенно ясно отдѣляется отъ послѣдняго.

Въ виду всего этого, необходимо совершенно отказаться отъ сведенія переживанія понятія къ наглядному представленію. Переживаніе понятія есть интенція, направленная на идеальный предметъ. Вообще значеніе словъ воспринималось испытуемыми какъ особое, специфическое для ка-

ждаго случая переживаніе, ближайшимъ образомъ не опредѣлимое, но всегда отличное отъ неосмысленнаго воспріятія словъ.

Кромѣ изслѣдованія воспріятія отдѣльныхъ понятій, Мессеръ производилъ также изслѣдованіе процесса сужденія. Испытуемымъ было предложено сравнить сужденія съ ассоціаціями. Показывали, напр., различныя слова и предлагали испытуемому произнести слово, пришедшее ему на умъ послѣ того, какъ онъ понялъ значеніе прочитаннаго слова. Замокъ — высокій, картина—прекрасная—это были, по характеристикѣ испытуемаго, чистыя ассоціаціи. Затѣмъ тому же испытуемому предложили отвѣтить на названіе предмета, которое ему будетъ показано, названіемъ какого-нибудь признака этого предмета. Замокъ — великъ. Это было обозначено какъ сужденіе — „явилось результатомъ мышленія". (Archiv, т. VIII, стр. 99). Въ общемъ, испытуемые показали, что при сужденіи, въ отличіе отъ ассоціацій, мыслится объективное отношеніе между понятіями. И при ассоціаціяхъ бываютъ отношенія между понятіями, и отношенія эти могутъ сознаваться субъектомъ, но отсутствуетъ сознаніе обусловленности этого отношенія предметомъ сужденія, отсутствуетъ сознаніе объективной значимости.

На сужденіе можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія, съ логической и психологической. Со стороны логической оба члена, между которыми устанавливается отношеніе, содержатъ въ себѣ основаніе для установки опредѣленнаго отношенія. Если я говорю—этотъ листъ зеленъ, то мнѣ объективно дана принадлежность извѣстнаго свойства—зелености, извѣстной вещи—листу. Я усматриваю существующее между ними отношеніе вещи къ ея свойству. Но для моего сознанія это отношеніе возникаетъ только въ моментъ переживанія моего сужденія—съ этой точки зрѣнія я могу сказать, что я

устанавливаю между этими двумя членами отношеніе, располагаю ихъ внутри извѣстнаго отношенія. (E. u D. стр. 136). Кромѣ отношеній вещи и свойства въ сужденіи могутъ быть установлены всевозможныя другія отношенія — пространственныя и временныя, цѣлаго и части, сходства, различія, подобія, тожества, причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія, средства и цѣлей, индивидуальнаго и общаго,—словомъ, всѣ тѣ отличія въ воспріятіи предметовъ, которыя обычно именуются категоріями. Все это относится къ различнымъ матеріямъ переживаемыхъ актовъ сужденія. Переживаніе же актовъ сужденія, какъ сознаніе объективной значимости, характеризуетъ ихъ со стороны общаго всѣмъ имъ качества.

Изъ изслѣдованій Вюрцбургской школы особенное вниманіе привлекли работы Бюлера [1]). Бюлеръ говоритъ, что, стоя на точкѣ зрѣнія психологіи, мы должны быть въ состояніи указать для всѣхъ мыслей опредѣленныя измѣненія въ сознаніи. Вопросъ о трансцендентности предметовъ мысли, умѣстный для гносеолога, для психолога совершенно отпадаетъ. Бюлеръ умышленно уклонился отъ спеціальнаго изслѣдованія понятій съ одной, сужденій — съ другой стороны, въ виду того, что различіе между понятіями и сужденіями установлено не психологіей, а логикой. Онъ изслѣдовалъ такіе процессы, признаніе которыхъ мышленіемъ является безспорнымъ. Онъ взялъ такіе случаи, когда мышленіе не опирается ни на какія механизированныя ассоціаціи, а опредѣленно выступаетъ въ своемъ своеобразіи. Испытуемымъ были предложены вопросы, требовавшіе болѣе или менѣе напряженной умственной работы. Оказалось, что наглядныя представленія, если и наступали, то носили вообще совершенно слу-

[1]) Karl Bühler. Arch. für die ges. Psych. т. IX и XII.

чайный, мимолетный характеръ. Имъ нельзя было приписать сколько-нибудь существеннаго значенія для характеристики мышленья. По Бюлеру, различныя мысли представляютъ совершенно своеобразныя переживанія, ни къ чему другому не сводимыя. Возможно, однако, установить нѣсколько типовъ мыслей.

Во-первыхъ, мысли могутъ характеризоваться, какъ сознаніе правила. Вопросъ: „можетъ ли быть опровергнута какими-нибудь открытіями атомистическая теорія въ физикѣ?“—Отвѣтъ (проф. Дюрръ): „Да. Прѣжде всего возникло пониманіе вопроса. Потомъ мгновеніе ожиданія рѣшенія, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ. Потомъ возникло сознаніе, неформулированное, которое я въ настоящее время могъ бы выразить словами: благодаря чему атомистическая теорія сдѣлалась вѣроятною. Въ этомъ уже лежало знаніе, какимъ образомъ рѣшаются подобные вопросы“. Въ этомъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ происходитъ мышленье по извѣстному методу, по извѣстному правилу. Этотъ типъ встрѣчается очень часто въ научномъ мышленіи. Самые ясные примѣры его можно найти въ математическомъ мышленіи. Другимъ примѣромъ этого типа является мышленье такъ называемыхъ „качествъ формъ“ (Gestaltqualitäten). Если я смотрю на фигуру, на машину, то могу понять схему ея построенія. Сознаніе правила сказывается также въ психическихъ процессахъ, сопровождающихъ актъ рѣчи; еще не произнесши фразы, мы часто сознаемъ ея конструкцію. Вообще сознаніе правила имѣетъ очень широкое приложеніе. Вопросъ этотъ еще очень мало разработанъ, но намекъ на значеніе этого принципа имѣются уже у Канта, въ параграфѣ о схематизмѣ чистыхъ понятій разсудка: „Схема треугольника можетъ существовать только въ мысляхъ и означаетъ правило синтеза силы воображенія... Понятіе собаки

означаетъ правило, по которому моя сила воображенія можетъ вообще изобразить форму этого четвероногаго животнаго".

Во-вторыхъ, мысли могутъ сводиться къ сознанію отношенія. Вопросъ: „Если кто хочетъ сдѣлаться вождемъ человѣчества, то долгое время долженъ считаться опаснѣйшимъ врагомъ его. Вѣрно-ли это? — Отвѣтъ (проф. Кюльпе): „Нѣтъ. Мое стремленіе было направлено къ тому, чтобы установить отношеніе между врагамъ и вождемъ".

Въ третьихъ, мысли могутъ сознаваться какъ интенціи. Въ нихъ выступаетъ на первый планъ не предметъ, а содержаніе мысли [1]). Это содержаніе, обусловливающее направленность на тотъ или иной предметъ, кажется даннымъ въ совершенно готовомъ и опредѣленномъ видѣ — сознается какъ опредѣленность содержанія (Wasbestimmtheit). Такая опредѣленность имѣетъ корни въ нашемъ прошломъ. Она представляетъ изъ себя ненаглядное, но дѣйствительное знаніе о предметахъ, воспринятыхъ нами въ

---

[1]) Прим. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы вообще не останавливались на внутреннихъ противорѣчіяхъ во взглядахъ отдѣльныхъ разбираемыхъ нами авторовъ и старались только передать основныя ихъ мысли. Къ сожалѣнію, нельзя не упомянуть, что здѣсь мы встрѣчаемся у Бюлера съ противорѣчивымъ примѣненіемъ одного изъ основныхъ понятій. Съ одной стороны, интенціи являются у него только однимъ изъ типовъ мысли, именно такимъ, въ которомъ главное вниманіе обращено не на предметъ, а на содержаніе мысли (стр. 346). Дальше устанавливается еще болѣе частное опредѣленіе — интенціи являются сложными воспоминаніями (стр. 349). А затѣмъ оказывается, что интенція есть направленность на какой бы то ни было предметъ (а не только на предметы, бывшіе содержаніемъ прежнихъ нашихъ переживаній) и утверждается, что въ каждой мысли можно указать и содержаніе, и интенцію (стр. 350). Мы беремъ у Бюлера понятіе интенціи въ первомъ смыслѣ.

прошломъ. Такого рода переживанія возникали, напр., если испытуемыхъ приглашали представить себѣ развитіе античнаго скептицизма, сравнить Юма съ Гербартомъ, опредѣлить характеръ эпохи возрожденія и т. д.

Эти опредѣленности содержанія представляются какъ бы совершенно сложившимися и въ то же время „не имѣющими субстрата", свободно витающими передъ умственнымъ взоромъ во всей своей глубинѣ и сложности. Передъ нами могутъ развертываться безгранично широкія области знанія, къ которымъ, именно въ силу этой безграничной широты умственнаго захвата, непримѣнимы никакія опредѣленія „объема" сознанія. Мы можемъ мысленно обозрѣть однимъ взглядомъ самыя сложныя научныя и философскія системы, можемъ мысленно проникнуть въ самую сердцевину художественнаго, этическаго или религіознаго міросозерцанія. Это не есть простое сознаніе способности воспроизвести тѣ или иныя содержанія. Мы переживаемъ совершенно различныя состоянія, если, съ одной стороны, сознаемъ, что мы въ состояніи, напр. воспроизвести философію Платона, а съ другой — дѣйствительно воспроизводимъ ее передъ своимъ умственнымъ взоромъ, прозрѣваемъ ее въ данный моментъ, погружаемся въ нее и, „воздухъ горній радостно вдыхая", чувствуемъ себя обвѣянными горнимъ воздухомъ.

Изъ того обстоятельства, что мысли совершенно отличны отъ ощущеній и представленій, естественно вытекаетъ, что законы, управляющіе теченіемъ и связью мыслей, иные, чѣмъ тѣ, которымъ подчинены въ своей смѣнѣ ощущенія и представленія. Мы не будемъ, однако, входить въ разсмотрѣніе очень интересныхъ изслѣдованій Бюлера по этому вопросу, въ виду того, что они уже изложены въ статьѣ Кюльпе, помѣщенной въ настоящемъ сборникѣ.

II.

Въ связи со всѣми изложенными выше изслѣдованіями выдвигается цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ психологіи—о значеніи заданія, о факторахъ, управляющихъ смѣною психическихъ процессовъ, объ анализѣ волевого процесса, о психической установкѣ, о психическихъ „функціяхъ", о классификаціи психическихъ процессовъ. Мы остановимся только на тѣхъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ характеристикѣ процессса мышленія, именно на вопросахъ сознанія объективности, усмотрѣнія отношеній и ненагляднаго знанія.

Во-первыхъ, мысли переживаются, какъ опредѣляемыя свойствами и отношеніями объективної данности. Эта черта особенно опредѣленно выражена Мессеромъ. Являющійся до нѣкоторой степени предшественникомъ Вюрцбургскихъ психологовъ, Бине [1]), и критики Вюрцбургскихъ работъ Вундтъ [2]), Астеръ [3]), Бецъ [4]), напротивъ того, разсматриваютъ мышленіе какъ особаго рода чувство, т.-е. субъективное состояніе. Особенно рѣзко выставляетъ эту точку зрѣнія Вундтъ, говорящій о „чувствѣ понятія, о чувствѣ значенія". Такое распространенное толкованіе чувства едва ли представляется цѣлесообразнымъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отмѣтить при мышленіи сознаніе объективности, „направленности, интенціи на предметъ", сообразованія съ предметомъ, образованности предметомъ.

По поводу второй проблемы остановимся на рабо-

[1]) A. Binet. L'étude expérimentelle de l'intelligence. 1903.

[2]) W. Wundt. Psychologiche Studien, т. III и Archiv für die ges. Psychologie, т. XI.

[3]) E. v. Aster. Zeitschrift für Psychologie, т. IL.

[4]) Betz. Archiv für die ges. Psychol. т. XVII и XX.

тѣ Бюлера, выдвинувшей много интересныхъ и плодотворныхъ мыслей, но страдающей, однако, внутренними противорѣчіями и непослѣдовательностями. Разберемъ его классификацію мыслей, причемъ пока возьмемъ только два первыхъ установленныхъ имъ типа. Очевидно, что нельзя ставить рядомъ, въ качествѣ соподчиненныхъ понятій, сознаніе правила (въ Бюлеровскомъ смыслѣ) и сознаніе отношенія. Первое относится ко второму какъ видъ къ роду. Въ большинствѣ отнесенныхъ сюда Бюлеромъ случаевъ правило или является сочетаніемъ болѣе простыхъ отношеній въ извѣстныя системы отношеній (напр., при воспріятіи качества формы, при представленіи конструкціи рѣчи), или подведеніемъ частныхъ случаевъ отношеній подъ уже извѣстныя общія схемы ихъ (напр., при отыскиваніи метода для рѣшенія вопроса объ опровержимости атомистической теоріи), причемъ такое подведеніе тоже является, конечно, усмотрѣніемъ отношенія между общимъ и частнымъ. Итакъ, Бюлеръ, въ сущности, установилъ тотъ фактъ, что мышленіе характеризуется какъ усмотрѣніе отношеній. Подъ понятіемъ отношенія слѣдуетъ понимать все, что не имѣетъ характера ощущеній, все разнообразіе категоріальныхъ синтезовъ, всю систему конститутивныхъ и рефлексивныхъ категорій. (Мы не будемъ сейчасъ разсматривать, не слѣдуетъ ли и сознаніе объективности разсматривать тоже какъ извѣстную категоріальную функцію. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ оно характеризуетъ мышленіе вообще, цѣлесообразно поставить его отдѣльно). Можно сказать, что раздѣленіе между ощущеніями и категоріальными функціями есть уже не психологическая, а логическая точка зрѣнія. Но раздѣленіе это имѣетъ значеніе и для психологіи, поскольку мы изслѣдуемъ возникновеніе сознанія категорій. Съ этой точки

зрѣнія интересны, между прочимъ, наблюденія, произведенныя въ Вюрцбургской же лабораторіи Гринбаумомъ [1]), надъ усмотрѣніемъ равенства. Производились опыты такого рода. На бѣломъ экранѣ были нарисованы два ряда фигуръ. Въ каждомъ изъ рядовъ было по одной фигурѣ, одинаковой съ фигурой другого ряда. Подробно было изслѣдовано, въ какомъ отношеніи находится усмотрѣніе равенства съ воспріятіемъ обѣихъ фигуръ. Было констатировано, что во многихъ случаяхъ имѣла мѣсто одна изъ этихъ психическихъ функцій безъ того, чтобы совершалась другая. Было, напр., констатировано, что иногда происходило воспріятіе одной фигуры, причемъ къ ней присоединялось ясное усмотрѣніе равенства. Иногда испытуемые говорили: „Были двѣ равныхъ фигуры, но какія именно — не представляю“. Изъ этихъ, съ большими предосторожностями поставленныхъ опытовъ вытекало, что усмотрѣніе отношенія является до нѣкоторой степени независимымъ (съ психологической точки зрѣнія) отъ воспріятія членовъ этого отношенія.

Особенно интересному, уже не экспериментальному, а „феноменологическому“ изслѣдованію подвергъ проблему сравненія Брунсвигъ [1]), не принадлежащій къ Вюрцбургской школѣ, но близкій къ ней по своимъ взглядамъ. Обычно думаютъ, что въ моментъ сравненія двухъ воспріятій мы или непосредственно переживаемъ оба воспріятія или, по крайней мѣрѣ, воспроизводимъ въ своей памяти одно изъ нихъ. Это невѣрно, прежде всего, по отношенію къ сравненію послѣдовательныхъ воспріятій. При опытахъ оказывается, что обычно не наблюдается дѣйствительнаго представленія, по крайней мѣрѣ, одного изъ сравниваемыхъ членовъ, а иногда и обоихъ. Сравненіе происходитъ не

[1]) A. Grünbaum. Arch. für die ges. Psychol., т. XII.

[1])A. Brunswig. Das Vergleichen und die Relationserkenntniss.1901.

на основаніи представленія, а на основаніи особаго рода „знанія". Здѣсь мы подходимъ къ третьему изъ намѣченныхъ нами выше вопросовъ, именно къ вопросу о ненаглядномъ знаніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наличность такого знанія при сравненіи сказывается особенно ясно. Такъ, при опытахъ со сравненіемъ двухъ тоновъ Whipple отмѣчаетъ, что у испытуемаго исчезъ образъ о первомъ тонѣ. Онъ мысленно воспроизвелъ въ формѣ слуховыхъ образовъ скалу тоновъ, и при этомъ у него получилось сознаніе тожества одного изъ воспроизведенныхъ тоновъ съ прежнимъ искомымъ, благодаря чему послѣдній былъ воспроизведенъ. Другой испытуемый сознавалъ, что представленіе прежняго тона было выше, чѣмъ самый тонъ. И несмотря на это невѣрное „представленіе", испытуемый, руководствуясь своимъ, „знаніемъ" о прежнемъ тонѣ, вѣрно сравнивалъ его съ новымъ. Особенно рѣзко выступаетъ такое знаніе при сравненіи промежутковъ времени. Мы безусловно не „воспроизводимъ" прежній промежутокъ, а руководствуемся при сравненіи непосредственнымъ и въ то же время ненагляднымъ знаніемъ о немъ. По поводу процессовъ сравненія мы должны еще отмѣтить, что чувственное воспріятіе второго изъ сравниваемыхъ членовъ еще не есть усмотрѣніе отношенія между нимъ и знаемымъ нами первымъ членомъ. Усмотрѣніе отношенія есть особаго рода психическая функція, которая можетъ присоединиться къ воспріятію второго члена. Если судить о такомъ случаѣ съ точки зрѣнія наличности наглядныхъ представленій, то происходитъ усмотрѣніе какъ бы „одночленнаго отношенія".

Что касается, затѣмъ, сравненія одновременно данныхъ чувственныхъ содержаній, то мы тоже можемъ прежде всего отмѣтить, что усмотрѣніе отношенія между ними есть психическая функція, отличная отъ

чувственнаго воспріятія членовъ этого отношенія. Усмотрѣніе этого отношенія можетъ наступить безъ раздѣльнаго воспріятія каждаго изъ членовъ, сходство усматривается до выдѣленія изъ него отдѣльныхъ предметовъ, воспріятіе цѣлаго предшествуетъ воспріятію частей. Затѣмъ, даже если усмотрѣніе отношенія слѣдуетъ за воспріятіемъ членовъ, обычно наблюдается, что при одновременномъ воспріятіи двухъ объектовъ вниманіе обращено только на одинъ изъ нихъ, на другой существуетъ только извѣстнаго рода „интенція“ И въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, въ сущности имѣетъ мѣсто усмотрѣніе „одночленнаго отношенія“.

Такого рода усмотрѣніе „одночленнаго отношенія“ часто наблюдается въ жизни. Такъ, встрѣчая въ первый разъ человѣка, мы иногда говоримъ—онъ на кого-то похожъ, но на кого—указать не можемъ. Смотря на изображенный на картинѣ незнакомый намъ пейзажъ, говоримъ—„какъ естественно“. Каждому, несомнѣнно, приходилось испытывать сопровождаемое такими обстоятельствами „сознаніе знакомости“. Послѣдніе случаи отличаются, однако, отъ приведенныхъ нами раньше. Въ опытахъ со сравненіемъ было ясное знаніе (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ) о первомъ членѣ сравненія, хотя онъ и не представлялся въ наглядной формѣ. Испытуемыми даже отмѣчается, что такого рода знаніе даетъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ наглядное представленіе (стр. 55). Знаніе имѣлось на лицо. Мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ ненаглядное, но дѣйствительное знаніе.

Мы полагаемъ, что и по отношенію къ категоріальнымъ синтезамъ возможно двоякаго рода познаніе—съ одной стороны, усмотрѣніе ихъ, съ другой—знаніе о нихъ. Сейчасъ, однако, не будемъ подробно разбирать этого вопроса. Такое же ненаглядное, но дѣйствительное знаніе можетъ быть у насъ и о самыхъ сложныхъ

объектахъ—напр., о философіи Канта, о міросозерцаніи Ницше. Къ такому именно знанію, какъ намъ кажется, сводится третій изъ установленныхъ Бюлеромъ типовъ мысли—тотъ, который онъ называлъ интенціею. Повидимому, именно этотъ установленный Бюлеромъ типъ мысли вызвалъ особенное недоумѣніе со стороны его критиковъ. Такъ, Вундтъ [1]) въ своей чрезвычайно рѣзкой полемикѣ противъ Бюлера говоритъ: „эти авторы занимаются своими экспериментами надъ мышленіемъ, будто работаютъ въ какомъ-то самодовлѣющемъ царствѣ, куда не получаетъ доступа ничто изъ того, что вообще установлено до сихъ поръ психологіей". Мысли какъ бы висятъ у нихъ въ воздухѣ, „совершенно своеобразныя, несводимыя другъ къ другу, исключающія всякіе другіе психическіе процессы". Мы полагаемъ, что Вундтъ имѣетъ менѣе всего права дѣлать такой упрекъ. Вѣдь самъ онъ признаетъ, что душевная жизнь въ своемъ развитіи никогда не представляетъ перестановку все тѣхъ же самыхъ элементовъ, что въ ней обнаруживается постоянное творчество (или, если стоять на точкѣ зрѣнія, на которой Вундтъ, вообще говоря, не стоитъ, на точкѣ зрѣнія объективной данности, то все большая сила индивидуальнаго прозрѣнія этой данности), возникновеніе все новыхъ содержаній, которыя, правда, обусловлены предыдущими, но къ нимъ несводимы, на нихъ безъ остатка неразложимы. Поэтому упрекъ Вундта въ извѣстномъ своеобразіи каждой новой мысли съ его точки зрѣнія непослѣдователенъ.

Мы полагаемъ, что Бюлеровскія „мысли" совершенно не являются невыводимыми ни изъ чего другого. Онѣ не свободно витаютъ въ воздухѣ, а имѣютъ подъ собою опредѣленный фундаментъ. Развитіе знанія

---

[1]) W. Wundt. Psychol. Studien, т. III, стр. 346.

начинается съ усмотрѣнія отношеній между матеріальными элементами опыта. Первыя понятія возникаютъ только при условіи приложенія къ чувственному матеріалу категоріальныхъ функцій. Чѣмъ абстрактнѣе понятіе, тѣмъ больше лишается оно своего вещнаго бытія, тѣмъ болѣе выдвигаются образующія его категоріальныя функціи [1]). И это справедливо не только относительно логической структуры понятій, но и въ гораздо большей степени относительно переживанія ихъ, ибо, какъ мы видѣли, психическая функція усмотрѣнія отношеній не совпадаетъ съ психической функціей воспріятія членовъ этого отношенія. При логическомъ развитіи мыслей членами, между которыми устанавливается отношеніе, являются отдѣльныя мысли. Процессъ развитія мысли можетъ быть охарактеризованъ, какъ процессъ усмотрѣнія все новыхъ отношеній между мыслями, причемъ усмотрѣніе этихъ отношеній покоится въ значительной степени на „ненаглядномъ знаніи“ прежнихъ мыслей. Съ психологической точки зрѣнія при развитіи мыслей одна надстраивается надъ другою и каждая представляетъ своеобразіе, съ предыдущими мыслями связанное, но ими не исчерпывающееся.

Знаніе, дѣйствительное, актуальное знаніе можетъ имѣть различныя степени ясности. Очень часто бываютъ случаи, для которыхъ мнѣ бы казался наиболѣе подходящимъ терминъ актуальнаго, но „скрытаго“ знанія. Выше мы приводили такіе случаи, говоря о „сознаніи знакомости“. Другой особенно наглядный случай,—когда мы тщетно стараемся припомнить какое-нибудь имя. Объектъ, оставаясь неосознаннымъ, производитъ опредѣленное вліяніе на наше познаніе. Я „скрыто“ знаю искомое имя, у меня есть

[1]) Кассиреръ. Познаніе и дѣйствительность, стр. 36.

интенція на него, я въ своихъ исканіяхъ направляюсь на него. Поэтому я сразу же узнаю, когда кто-нибудь назоветъ мнѣ это имя. Нельзя отрицать психическую реальность такого знанія. Я переживаю реальное знаніе скрытаго отъ меня объекта. Между явнымъ и скрытымъ знаніемъ наблюдаются всевозможные переходы. Напомню прекрасное стихотвореніе Толстого по этому поводу. Есть думы ясныя и есть такія, что

„Промелькнетъ она безъ образа,
Вспыхнетъ дальнею зарницею,
Много смутнаго, непонятнаго
Въ мигъ тотъ ясно сердцу скажется.
А рванешься за нею, погонишься—
Только очи ее и видѣли,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету вѣтра буйнаго,
Тѣнь отъ облака отъ летучаго
Не прибить гвоздемъ ко сырой землѣ".

Если актуальное знаніе сколько-нибудь сложнаго состава, то въ немъ всегда имѣется, кромѣ явнаго, еще и скрытое знаніе. Поэтому, чѣмъ выше мысли, тѣмъ болѣе представляются онѣ какъ бы оторванными отъ матеріи, отъ земли, „свободно витающими". Носятся онѣ надъ нами — бѣлоснѣжно „чистые", солнцемъ разума пронизанные, небесные странники. И нѣтъ у нихъ, вѣчно-свободныхъ, „ни родины, ни изгнанія".

Отъ актуальнаго знанія, явнаго и скрытаго, нужно отличать потенціальное знаніе, не какъ дѣйствительное, а только возможное переживаніе. У студента, собирающагося кутнуть послѣ блестяще сданнаго экзамена, только-что актуализированное имъ передъ экзаменаторомъ знаніе перешло въ потенціальное. Въ этомъ случаѣ, конечно, легко, но бываютъ случаи, когда

очень трудно отличить актуальное скрытое знаніе отъ потенціальнаго. Иногда только послѣдующее переживаніе обнаруживаетъ скрытое знаніе, реально пережитое въ настоящемъ. Вообще прошлое гораздо тѣснѣе слито съ настоящимъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Чѣмъ полнѣе и глубже настоящее, тѣмъ больше въ немъ прошлаго.

Въ послѣдніе годы Бергсонъ особенно выдвинулъ значеніе прошлаго. „Прошлое наше слѣдуетъ за нами, постоянно обогащаясь по пути настоящимъ“ [1]). По Бергсону, это обогащеніе, заключающееся въ сліяніи и проникновеніи настоящаго растущимъ прошлымъ, выражается въ безконечномъ творчествѣ новыхъ жизненныхъ содержаній. „Объемъ сознанія“, конечно, всегда несравненно больше и спуститься для измѣренія его нужно несравненно глубже, чѣмъ это представляется сенсуалистическому психологу, съ ученымъ видомъ измѣряющему его въ своей лабораторіи. Но иногда жизнь сознанія гораздо глубже, чѣмъ это представляется даже и дѣйствительно хорошему наблюдателю.

„Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ,
Неясныхъ думъ, непѣтыхъ пѣсней много“...

Что скрыто въ глубинѣ, несмотря на его значеніе, обычно остается незамѣченнымъ. Способностью постигнуть его и сдѣлать явнымъ для другихъ обладаютъ лишь немногіе тайновидцы духа.

---

[1]) Бергсонъ. Время и свобода, стр. 200.

А. І. Кунцманъ.

Психологія мышленія Ф. Брентано, Т. Уфуэса, Э. Гуссерля и К. Штумпфа.

Психологическія ученія о мышленіи Брентано, Уфуэса, Гуссерля и Штумпфа будутъ изложены здѣсь на основаніи слѣдующихъ ихъ произведеній: Brentano: „Psychologie vom empirischen Standpuncte“ (1874), „Klassification der psychischen Phänomene“ (1911, переизданіе послѣднихъ главъ предыдущаго сочиненія), Uphues, „Psychologie des Erkennens“ (1893); Husserl, „Logische Untersuchungen“ (1900, 1901); Stumpf, „Erscheinungen und psychische Functionen“ (1907). При этомъ, передъ изложеніемъ ученія о мышленіи каждаго изъ нихъ, будетъ данъ на основаніи тѣхъ же книгъ болѣе сжатый очеркъ его общихъ психологическихъ воззрѣній, черезъ что изображеніе ихъ психологіи мышленія получитъ рядъ поясняющихъ ее оттѣнковъ.

Душевныя явленія для Брентано—душевные акты; то и другое для него просто синонимы [1]). Подъ актомъ онъ, видимо, подразумѣваетъ дѣятельность [2]). Исходной точкой психологическихъ воззрѣній Брентано вообще была традиція Аристотелевой и схоластической философіи. Изъ нея онъ и получилъ понятіе душевнаго

[1]) Ср. Psych. Vom. emp. Standp. стр., 104.

[2]) Von der Klassifikation der psych. Phänomene, стр. 122.

акта, которое, несомнѣнно, понималось въ схоластической философіи тоже, какъ дѣятельность, хотя слово „актъ“ вообще употреблялось въ другомъ, болѣе широкомъ значеніи.

Основное опредѣленіе душевныхъ явленій или актовъ у Брентано слѣдующее. Каждое душевное явленіе, по его воззрѣнію, характеризуется отношеніемъ къ какому-либо содержанію, направленіемъ на какой-либо предметъ, имманентною предметностью (всѣ эти три выраженія обозначаютъ, конечно, одно понятіе). Всякое душевное явленіе, слѣдовательно, имѣетъ свой предметъ, но не каждое относится къ нему одинаковымъ образомъ: въ представленіи что-нибудь представляется, въ сужденіи признается или отвергается, въ любви любимо, въ ненависти ненавидимо и т. д. [1]). Въ этомъ основномъ пунктѣ—указаніи главнаго, по его собственному признанію, признака душевности [2]), Брентано уже прямо ссылается на схоластическую философію, какъ на источникъ этого его опредѣленія (тамъ же, стр. 115). Онъ усвоиваетъ и ея терминологію, именуя этотъ общій признакъ душевности интенціональнымъ существованіемъ (предмета) внутри (душевныхъ явленій) (стр. 127, ср. стр. 115). Терминъ „интенціональный“ не обозначаетъ, по объясненію самого Брентано, [3]) что въ такого рода явленіяхъ есть намѣреніе или преслѣдованіе цѣли (франц. intention). Онъ означаетъ какъ бы тяготѣніе души въ ея явленіяхъ (чаще даже познавательное, чѣмъ волевое) къ какому-либо предмету (intendere значитъ тянуться, стремиться къ чему-нибудь, прежде всего въ физическомъ смыслѣ). Правда, и при такомъ толкованіи можно еще говорить о томъ,

[1]) Psych. v. emp. Standp., стр. 115; Von der Klassif. der. Psych. Phän., стр. 122.

[2]) Psych. v. emp. Standp., стр. 127.

[3]) Von der Klassifik. der psych. Phän., стр. 6, прим. 1.

что тутъ на-лицо стремленіе къ цѣли, такъ какъ перипатетическая философія приписываетъ послѣднее всякому движенію; но у насъ сейчасъ идетъ рѣчь о гораздо болѣе узкомъ пониманіи цѣлестремительности. Словомъ „интенціональный" отстраняется въ выраженіи „интенціональное существованіе внутри душевнаго явленія" возможность ошибочнаго его толкованія въ смыслѣ реальнаго существованія предмета внутри душевнаго явленія, а не того особаго, которое здѣсь подразумѣвается и которое каждый можетъ усмотрѣть изъ приведенныхъ примѣровъ.

Далѣе Брентано опредѣляетъ душевныя явленія, какъ представленія или такія явленія, для которыхъ основой служатъ представленія [1]). Подъ представленіемъ же онъ подразумѣваетъ только представливаніе или актъ представленія, напр., слышаніе звука, видѣніе окрашеннаго предмета, вообще, значитъ, ощущеніе, какъ актъ; подобныя же состоянія воображенія, мышленіе понятія, если таковое дѣйствительно происходитъ, не включаетъ въ понятіе представленія Брентано все то, что представляется, т.-е. предметъ или содержаніе, на которое направлено представленіе, къ которому оно имѣетъ отношеніе. Сообразно съ этимъ, къ физическимъ явленіямъ онъ относитъ не только, напр., видѣнную мѣстность или оркестръ, звукамъ котораго внимаютъ, но и ощущаемыя краски, входящія въ составъ образа первой, звуки, являющіеся элементами симфоніи, исполняемой вторымъ (тамъ же, стр. 103, 104). Черезъ то, что Брентано отрицаетъ душевность представляемыхъ содержаній, онъ совершаетъ нововведеніе по отношенію къ перипатетической традиціи, отличающей отъ акта представленія отображеніе предмета въ душѣ. Это объясняется реакціей про-

[1]) Psych. v. emp. Standp., стр. 104, 111, 126.

тивъ англійскихъ психологовъ, которые, наоборотъ (начиная отъ Локка и до Дж. Ст. Милля и Бэна) или отрицали существованіе актовъ представленія, или въ *неясномъ* употребленіи понятій смѣшивали ихъ съ содержаніемъ представленій. Подтверждается такое объясненіе его нападками на указанныя воззрѣнія англійскихъ психологовъ (тамъ же, стр. 160—162).

Затѣмъ Брентано считаетъ еще общимъ признакомъ душевныхъ явленій ихъ непротяженность (стр. 111, 115, и особенно 126). Тутъ онъ опять отдаляется отъ перипатетической традиціи: Аристотель и схоластики признавали протяженными, напр., ощущенія. Какъ намекаетъ самъ Брентано, второе отступленіе отъ Аристотелевой традиціи объясняется первымъ: если (протяженныя) содержанія ощущеній не душевны, то менѣе основанія относить оторванный отъ нихъ такимъ образомъ актъ къ числу протяженныхъ явленій (стр. 114, особенно прим. 3).

Въ заключеніе изложеннаго выше ряда опредѣленій душевныхъ явленій Брентано указываетъ еще на отличающій ихъ признакъ единства сознанія. Послѣднее состоитъ въ томъ, что всѣ душевныя явленія, въ опредѣленное время воспринимаемыя однимъ лицомъ, во всемъ ихъ многообразіи всегда образуютъ единство, единую вещь (стр. 125, 126, 127, 214, 272) (единое существо). Сознаніемъ Брентано вообще называетъ не что иное, какъ душевныя явленія, душевные акты (тамъ же, стр. 132), такъ что можно было бы у него ожидать словоупотребленія единство сознаній; однако, онъ сохраняетъ общепризнанную терминологію и говоритъ о единствѣ сознанія.

Давъ вышеизложенныя опредѣленія душевныхъ явленій, „сознаній“, Брентано ставитъ вопросъ о сознательности или безсознательности ихъ самихъ (стр. 133). Безсознательное, говоритъ онъ (стр. 133, прим. 1), по-

нимается двоякимъ образомъ—активно, въ смыслѣ несознающаго и пассивно, въ смыслѣ несознаваемаго. Въ первомъ смыслѣ „безсознательное сознаніе" было бы противорѣчіемъ, во второмъ—нѣтъ; а это какъ-разъ смыслъ, въ которомъ было употреблено выраженіе „безсознательное сознаніе" въ данномъ случаѣ. Другими словами, вопросъ касается того, неизбѣжно ли душевныя явленія сами оказываются предметами душевныхъ явленій? Послѣ пространнаго изслѣдованія (стр. 131—180), Брентано отвергаетъ предположеніе о существованіи безсознательныхъ душевныхъ явленій и признаетъ, что всякое душевное явленіе сознательно (стран. 180, 181). Стремясь избѣгнуть безконечнаго ряда душевныхъ явленій, изъ которыхъ одно сознавало бы другое, Брентано утверждаетъ при этомъ, что такого рода сознаніе, называемое имъ внутреннимъ, сливается съ являющимся его предметомъ другимъ душевнымъ явленіемъ въ единый актъ. Въ одномъ душевномъ явленіи мы сознаемъ, напр., звукъ, слышаніе звука и сознаніе слышанія звука, причемъ звукъ является первичнымъ, слышаніе звука вторичнымъ предметомъ единаго душевнаго акта (стр. 167). Брентано указываетъ и тутъ на Аристотеля, какъ на представителя сходныхъ съ нимъ взглядовъ (стр. 171), необходимо только отмѣтить, что у Аристотеля, рѣчь идетъ собственно не о внутреннемъ сознаніи вообще, а въ частности о познаніи душевныхъ явленій. Въ схоластикѣ такого рода воззрѣнія тоже представлены; сознаніе и познаніе тамъ тоже не различаются. Что для Брентано сознаніе и познаніе не одно и то же, будетъ еще показано ниже.

Обратимся теперь къ самимъ вопросамъ психологіи мышленія. У Брентано ихъ разсмотрѣніе тѣснѣйшимъ образомъ связано съ обоснованіемъ его дѣленія душевныхъ явленій на основные классы. Поэтому не-

обходимо прежде всего изложить эту его классификацію душевныхъ явленій. Какъ основаніе дѣленія, Брентано избираетъ способъ отношенія къ предмету душевнаго акта, другими словами видъ интенціональнаго существованія предмета въ душевномъ явленіи. Это естественно; онъ вѣдь считаетъ указанный признакъ (отношеніе къ предмету) наиболѣе характернымъ для душевныхъ явленій и потому признаетъ весьма понятнымъ, что наиболѣе глубокія различія въ способѣ, какъ что-либо является предметомъ, образуютъ между душевными явленіями отличія основныхъ классовъ (стр. 260). Брентано отмѣчаетъ, что и у Аристотеля примѣнено, наряду съ двумя другими, это основаніе дѣленія, что у него оно привело къ дѣленію душевныхъ явленій на мышленіе (являющееся познаніемъ; νοῦς) и стремленіе (ὄρεξις) (стр. 260, ср. стр. 237, 238), а также, что Аристотелева классификація сохранилась у схоластиковъ, даже у Вольфа (стр. 238).

Но принявъ отъ перипатетической традиціи основаніе дѣленія, Брентано, однако, разграничиваетъ душевныя явленія на иные основные классы, чѣмъ Аристотель и его послѣдователи. Онъ различаетъ не два, а три такихъ класса и притомъ слѣдующіе: представленіе, сужденіе, любовь и ненависть или движеніе чувствительности (стр. 261 ср. 263). Представленіе — такой актъ, въ которомъ предметъ просто является; напр., при зрительномъ воспріятіи мы представляемъ себѣ цвѣтъ; при фантазированіи — фантастическіе образы (стр. 261). Сужденіе — такой актъ, въ которомъ предметъ пріемлется, какъ истинный или отвергается, какъ ложный, т.-е. всякое познаніе (стр. 262, 181). Любовь и ненависть, акты третьяго и послѣдняго класса душевныхъ явленій; въ нихъ къ предмету относятся, какъ къ добру или злу (въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ) (стр. 263),

Разумѣется, это отношеніе, какъ подробно разъясняетъ самъ Брентано, не познавательное, т.-е. не составляетъ признанія предмета добромъ или зломъ въ сужденіи, а является совершенно особымъ отношеніемъ къ предмету. Какое оно, ясно изъ самихъ названій: любовь и ненависть или движеніе чувствительности. Этотъ послѣдній основной классъ душевныхъ явленій, по признанію Брентано, въ сущности, полностью покрывается „стремленіемъ“ Аристотеля, схоластиковъ и Вольфа: даже терминъ любовь встрѣчается у Ѳомы Аквинскаго для обозначенія этого класса явленій (стр. 339). Зато на мѣсто „мышленія“ или лучше „познанія“ Аристотеля и его школы поставлены у Брентано два основныхъ класса: представленія и сужденія. Въ ихъ рѣзкомъ разграниченіи проявляется, слѣдовательно, самобытная мысль Брентано—и именно, въ занимающей насъ теперь спеціально области психологіи мышленія. Терминомъ „мышленіе (Denken)“ у Брентано охватывается именно и сужденіе и представленіе (стр. 298).

Сообразно съ этимъ, какъ уже было упомянуто выше, съ обоснованіемъ дѣленія душевныхъ явленій на основные классы, въ частности съ доказательствомъ того, что представленіе и сужденіе образуютъ два различные основные класса, связано у Брентано углубленіе психологіи мышленія. А потому въ дальнѣйшемъ и будетъ изложено это доказательство коренного различія представленія и сужденія въ качествѣ основы взглядовъ Брентано въ области психологіи мышленія.

Для обоснованія коренного различія между представленіемъ и сужденіемъ, въ силу котораго они—совершенно различные способы отношенія къ предмету, Брентано ссылается, прежде всего, на прямое свидѣтельство внутренняго опыта (стр. 266, 267, 295). При

этомъ онъ оговаривается, что такое коренное различіе между представленіемъ и сужденіемъ не мѣшаетъ второму всегда быть произносимымъ не иначе, какъ на основаніи перваго (стр. 266).

Второе доказательство своего положенія о коренномъ различіи представленія и сужденія Брентано ведетъ слѣдующимъ образомъ. Общепризнано, говоритъ онъ, что существуетъ нѣкоторое различіе между представленіемъ и сужденіемъ. Однако, если не признать, что отличіе одного отъ другого состоитъ именно въ иномъ способѣ отношенія къ предмету, и что, слѣдовательно, принимая во вниманіе избранное Брентано основаніе дѣленія, представленія и сужденія составляютъ основные классы душевныхъ явленій, то нельзя, найти вообще никакого различія между представленіями и сужденіями. Дѣло въ томъ, что, разъ рѣшено не искать различія въ отношеніи сознанія къ предмету, то оно могло бы заключаться только или въ степени совершенства душевнаго акта, т.-е. при допущенномъ въ данномъ случаѣ предположеніи одинаковаго рода отношенія въ этихъ актахъ къ предмету, въ его интенсивности или въ его содержаніи, т.-е. въ нѣкоторомъ различіи предметовъ ставленія и сужденія (стр. 267, 270). Но никакая степень интенсивности представленія, т.-е. такого отношенія къ предмету, гдѣ онъ просто является, сама по себѣ—еще не есть признаніе его за истинный, т.-е. утвердительное сужденіе. Послѣднее только возникаетъ подъ вліяніемъ особенно яркихъ представленій; но возникшая иллюзія можетъ исчезнуть, а яркость представленія сохранится. Съ другой стороны, на основаніи представленій весьма малой живости произносятся самыя убѣжденныя сужденія. Совершенно непостижимо, наконецъ, какъ могло бы быть истолковано признаніе предмета за ложный (въ отрицатель-

номъ сужденіи) черезъ какую-либо степень интенсивности соотвѣтствующаго представленія? Словомъ, выведеніе особенности сужденія изъ совершенства, т.-е. интенсивности представленія невозможно (стр. 270, 271). Нельзя ее вывести и изъ различія предметовъ въ представленіи и сужденіи. Это различіе, обыкновенно, мыслится въ слѣдующемъ видѣ: сужденіе—соединеніе или разъединеніе, вообще соотнесеніе двухъ признаковъ (т.-е. предметовъ), а мысль о всякомъ предметѣ, не являющаяся подобнымъ отношеніемъ двухъ между собою—только представленіе (стр. 272). Изложенное воззрѣніе на отличіе сужденія отъ представленія непріемлемо по слѣдующимъ основаніямъ. Во-первыхъ, если даже допустить на время, что въ каждомъ сужденіи происходитъ соотнесеніе двухъ предметовъ, то этотъ признакъ не могъ бы отличить сужденія отъ представленія. Вѣдь то же, несомнѣнно, происходитъ иногда и въ представленіяхъ. Во-вторыхъ, положительно невѣрно, что во всякомъ сужденіи происходитъ соединеніе или разъединеніе представляемыхъ предметовъ. Какъ любятъ и ненавидятъ отдѣльные предметы, такъ можно и признать или отвергнуть, съ точки зрѣнія истины, одинъ предметъ, а не непремѣнно соединеніе изъ двухъ. Доказывается это прежде всего разсмотрѣніемъ утвердительнаго и отрицательнаго экзистенціальныхъ сужденій. Когда мы говоримъ: „А есть“, то не соединяемъ, какъ обыкновенно думаютъ, субъектъ „А“ съ предикатомъ „существованіе“, и не это соединеніе, а само „А“ признаемъ (истиннымъ). Когда же мы говоримъ: „А не есть“, то тутъ нѣтъ отрицанія соединенія признака существованія съ А, а само А—предметъ, который мы отрицаемъ. Съ изложеннымъ пониманіемъ экзистенціальныхъ сужденій соглашаются далеко не всѣ мыслители. Однако, общепризнано, что слово „есть“, которое въ экзистенціальномъ сужденіи

толкуется, какъ предикатъ, именно какъ признакъ существованія, присоединяемый къ предмету, въ остальныхъ сужденіяхъ, являясь связкой, не означаетъ чего-либо другого, какъ простое признаніе или отрицаніе (въ случаѣ присоединенія къ нему частицы „не"). Но если „есть" и „не есть" въ иныхъ сужденіяхъ имѣютъ такое значеніе, то отсюда слѣдуетъ, что таково же ихъ значеніе и въ экзистенціальныхъ сужденіяхъ. Дѣло въ томъ, что всякое категорическое сужденіе безъ всякаго измѣненія смысла можно свести на экзистенціальное, причемъ „есть" и „не есть" послѣдняго становятся на мѣсто связки. Напр., категорическое сужденіе „нѣкоторый человѣкъ боленъ" имѣетъ тотъ же смыслъ, что и экзистенціальное „больной человѣкъ есть" или „существуетъ больной человѣкъ". Отсюда ясно, что „есть" и „не есть" экзистенціальнаго сужденія равносильны связкѣ, т.-е. они—не предикаты, а служатъ, подобно ей, только выраженіемъ признанія или отрицанія предмета сужденія (стр. 281—284, 289). Что сужденіе—не непремѣнно соединеніе или разъединеніе двухъ предметовъ, видно, наконецъ, еще изъ того, что всякое воспріятіе, есть познаніе, а слѣдовательно, относится къ сужденіямъ. Вѣдь ясно, что воспріятіе—не соединеніе двухъ предметовъ въ представленіи, и что предметомъ внутренняго воспріятія является просто какое-либо душевное явленіе, предметомъ внѣшняго—физическое. Опираясь на такія выраженія, какъ „я воспринимаю, что существуетъ звукъ" или „я воспринимаю, что существуетъ цвѣтъ", могущія быть употребленными наряду съ такими, какъ: „я воспринимаю звукъ, я воспринимаю цвѣтъ", можно, пожалуй, утверждать что и воспріятіе—соединеніе соотвѣтствующаго явленія съ признакомъ существованія. Это можно опровергнуть слѣдующимъ образомъ. Самое понятіе суще-

ствованія получается нами изъ внутренняго опыта о сужденіяхъ. Ясно, что первыя по времени сужденія, т.-е. именно нѣкоторыя воспріятія не могутъ заключаться въ присоединеніи не имѣющагося тогда еще у человѣка понятія существованія къ какому-либо другому (стр. 277 — 279). Итакъ, разсмотрѣніе экзистенціальныхъ сужденій и воспріятій доказываетъ, что сужденія могутъ и не состоять изъ соотнесенія двухъ предметовъ. Не только потому, значитъ, нельзя считать существеннымъ отличіемъ представленія и сужденія указаннаго рода сложность предмета сужденія, что она можетъ оказаться иногда и въ представленіи, а и потому, что это сочетаніе двухъ представленій въ видѣ субъекта и предиката въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ отсутствуетъ (стр. 290). Такимъ образомъ, ни особая степень интенсивности представленія не дѣлаетъ его сужденіемъ, ни особая сложность предмета; ни особая интенсивность, ни особенность предмета не могутъ служить отличіемъ сужденія отъ представленія. Выходитъ, что, дѣйствительно, при допущеніи отсутствія отличія сужденія и представленія въ видѣ различія въ отношеніи сознанія къ предмету совершенно исчезаетъ ихъ собственное различіе. Между тѣмъ, какъ уже было сказано, это различіе общепризнано. Остается только признать, что отличіе представленія и сужденія заключается именно въ самомъ способѣ отношенія къ предмету, т.-е. что оно дѣлаетъ ихъ, сообразно избранному Брентано основанію дѣленія душевныхъ явленій, основнымъ классомъ таковыхъ (стр. 289, 290).

Третье доказательство того, что сужденіе образуетъ столь же основной классъ на ряду съ представленіемъ, какъ любовь и ненависть, заключается въ сравненіи отношенія представленія къ сужденію съ отношеніемъ представленія къ любви—ненависти.

Оказывается, что рядъ чертъ того и другого отношенія сходенъ. Въ представленіяхъ нѣтъ противоположностей, кромѣ заключающихся въ ихъ предметахъ. Напротивъ, любовь и ненависть, съ одной стороны, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ содержатъ противоположности въ самомъ заключающемся въ нихъ отношеніи къ предмету. Но съ другой стороны, точно такъ-же въ сужденіи есть противоположности признанія и отрицанія, находящіяся не въ предметахъ, а въ составѣ отношенія сознанія къ предметамъ. Въ представленіяхъ, далѣе, нѣтъ добродѣтели и порока, нѣтъ познанія и ошибки. Первый указанный видъ совершенства и несовершенства проявляется въ области любви и ненависти, второй въ области сужденія. Наконецъ, не будучи вполнѣ независимыми отъ законовъ смѣны представленій,—не забудемъ, что всякое иное душевное явленіе имѣетъ, по Брентано, основой представленіе,—любовь и ненависть, съ одной стороны, сужденіе, съ другой стороны, имѣютъ свои особые законы смѣны и развитія. Изъ любви родится любовь, изъ ненависти ненависть, изъ сужденія вытекаютъ сужденія. Въ трехъ направленіяхъ, значитъ, классъ сужденій настолько же разнится отъ представленій, сколько послѣднія отъ любви и ненависти; слѣдовательно, сужденіе—столь же основной классъ, какъ представленіе, а также любовь и ненависть (стр. 291—293, 295).

Строгое различеніе у Брентано представленія и сужденія, какъ основныхъ классовъ душевныхъ явленій, вызываетъ къ себѣ глубокій интересъ. Нельзя не усмотрѣть въ немъ попытку въ области мышленія произвести различеніе сознанія и познанія: вѣдь всякое познаніе по Брентано и есть сужденіе. Особенно важно такое отграниченіе въ частности представленія отъ познанія у Брентано. Вѣдь у него всякое другое душевное явленіе, значитъ и любовь и ненависть

имѣютъ основой представленіе. Слѣдовательно, не различи онъ представленія отъ познанія, послѣднее обусловливало бы всякія движенія чувствительности (любовь и ненависть), какъ это и происходитъ со стремленіемъ въ ученіи перипатетиковъ, т.-е. ихъ предметъ необходимо познавался бы, и на долю непознавательнаго сознанія не пришлось бы ровно ничего. Напротивъ, при наличности различія представленія и познанія, послѣднее, всюду имѣющее основу въ представленіи, оказывается всегда вторичныхъ явленіемъ.

Брентано, такимъ образомъ, по своему совершаетъ на почвѣ перипатетической традиціи то же плодотворное различеніе, которое на почвѣ традиціи Лейбница сдѣлали Тейхмюллеръ и его русскіе послѣдователи, на почвѣ кантіанства—въ извѣстномъ смыслѣ Риккертъ. Вѣдь какъ у Аристотеля со схоластиками, такъ и у Лейбница, и у Канта, всякое мышленіе—познаніе.

Послѣ изложенныхъ соображеній естественно спросить себя: въ какомъ отношеніи къ различенію сознанія и познанія находится упомянутое выше внутреннее сознаніе, имѣющее предметомъ душевныя явленія? Не забудемъ, прежде всего, что для Брентано всякое сознаніе само — душевное явленіе, такъ что для него возникаетъ вопросъ, какой же изъ основныхъ классовъ душевныхъ явленій является внутреннимъ сознаніемъ? — По общему правилу, что всякое душевное явленіе или есть представленіе, или основано на немъ, внутреннее сознаніе—прежде всего представленіе [1]). Кромѣ того, оно, какъ доказываетъ Брентано, есть и сужденіе, тѣснѣйшимъ образомъ слитое съ лежащимъ въ основѣ его представленіемъ [2]).

---

[1]) Psych. v. emp. Standp., стр. 181; Von der Klass. der psych. Phän., стр. 128.

[2]) Psych. v. emp. Standp., стр. 188; Von. der Klass. der psych. Phän., стр. 128.

Такъ что и въ области внутренняго сознанія Брентано остается вѣрнымъ признанію независимости сознанія отъ познанія. Это, впрочемъ, является только послѣдовательнымъ примѣненіемъ двухъ его общихъ воззрѣній: о различеніи представленія и познанія и о томъ, что въ основѣ всякаго душевнаго явленія такъ или иначе лежитъ представленіе. Прежде Брентано считалъ, что каждое душевное явленіе—еще предметъ любви или ненависти [1]); но теперь онъ оставилъ это мнѣніе. [2]).

Уфуэсъ обозначаетъ душевныя явленія терминомъ „процессы сознанія (Bewustseinsvorgänge)“ [3]). Послѣдніе соотвѣтствуютъ душевнымъ актамъ Брентано, по удаленіи изъ этого понятія признака дѣйственности, приложеніе котораго къ душевнымъ явленіямъ Уфуэсъ считаетъ неправомѣрнымъ (тамъ же стр. 127, 133), за исключеніемъ, можетъ-быть, области воли (стр. 66). Подобно Брентано, онъ признаетъ душевныя явленія (процессы сознанія) непротяженными (и вообще невещественными) (стр. 46). Но въ отличіе отъ Брентано (и всей перипатетической традиціи съ нимъ, конечно), Уфуэсъ отрицаетъ, что всякій процессъ сознанія направленъ на предметъ, считая, что не таковы чувства (стр. 133, 142, 143) и нѣкоторыя ощущенія (стр. 158—160). Вмѣсто отношенія къ предмету онъ указываетъ другой признакъ душевности: сознательность (Bewusstheit), которая является у него отличительнымъ свойствомъ всѣхъ процессовъ сознанія. Сознательность онъ тщательно отличаетъ отъ познанности. Вторая—результатъ особаго процесса сознанія, а именно познанія, хотя бы и самаго низшаго, тогда какъ первая—внутрен-

[1]) Psych. v. emp. Standp., стр. 188—202.
[2]) Von der Klass. der psych. Phän., стр. 128.
[3]) Psych. d. Erk., стр. 6, 126.

ній признакъ, составная часть всякаго процесса сознанія (стр. 127—133). Основная мысль—строгое различеніе сознанія и познанія—здѣсь та же, что у Брентано. Но послѣдній только постепенно, путемъ классификаціи „сознаній" (душевныхъ явленій) доходитъ до установленія этого основного различія. Уфуэсъ сразу, при опредѣленіи процессовъ сознанія, явно отграничиваетъ ихъ понятіе отъ понятія познанія, какъ всего только отдѣльнаго вида ихъ. Признакъ сознательности, приписываемый Уфуэсомъ процессамъ сознанія, устраняетъ для него проблему о возможности безсознательныхъ явленій такого рода, которую столь обстоятельно обсуждаетъ Брентано. Далѣе, когда послѣдній рѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ отрицанія безсознательныхъ душевныхъ явленій, передъ нимъ встаетъ новая проблема: какое душевное явленіе всегда направлено на душевныя явленія, такъ какъ для него сознательность мыслится лишь въ видѣ „сознанія", душевнаго явленія. При помощи своего признака сознательности, Уфуэсъ устраняетъ для себя и эту задачу, такъ какъ имъ въ составъ каждаго душевнаго явленія введена его сознательность. Коренное различіе между Брентано и Уфуэсомъ по этому вопросу раскрывается уже въ томъ, что первый считаетъ нужнымъ обозначать душевныя явленія, какъ „сознанія", второй—предпочитаетъ обозначеніе „процессы сознанія". Уже въ этой терминологіи видно, что для перваго сознательность осуществляется черезъ душевныя явленія, для второго—въ нихъ. Отъ перипатетической традиціи Уфуэсъ удалился во вопросѣ о сознаніи и познаніи еще дальше, чѣмъ Брентано. Послѣдній, хотя и вводитъ независимую отъ познанія сознательность, однако, все же въ видѣ цѣлыхъ душевныхъ актовъ, тогда какъ у Уфуэса она—свойство душевныхъ явленій.

Подобно Брентано, Уфуэсъ приписываетъ процес-

самъ сознанія свойство образовывать единства или, какъ онъ выражается, принадлежать одинъ къ другому, образовывать цѣлое. Такого рода единства онъ обозначаетъ тоже словомъ сознаніе. Этотъ смыслъ слова сознаніе, связанный со словоупотребленіемъ: свое сознаніе, чужое сознаніе, Уфуэсъ строго отличаетъ отъ перваго, когда оно—общее понятіе, подчиняющее себѣ всякій процессъ сознанія. Объединяется всякое сознаніе (въ смыслѣ единства) процессами, познающими единство его процессовъ сознанія, точнѣе: единство послѣднихъ съ самими этими познающими процессами (стр. 128, 129). Вѣрнѣе, не самими процессами такого самопознанія, которые иногда и отсутствуютъ въ сознаніи, объединяется послѣднее, а возможностью ихъ вслѣдствіе какъ бы указаній другъ на друга въ связанныхъ въ единствѣ сознанія процессахъ. Эти указанія—такія свойства процессовъ сознанія, которыми они характеризуются, какъ принадлежащіе одни къ другимъ (стр. 130, 131, 134). Главное различіе съ соотвѣтствующими воззрѣніями Брентано заключается въ томъ, что Уфуэсъ рѣшительно отстраняетъ обозначеніе вещи, существа (Ding) отъ сознанія (въ смыслѣ единства); тогда какъ у Брентано именно это образуютъ душевныя явленія въ единствѣ сознанія. Уфуэсъ согласился бы назвать совокупность душевныхъ явленій вещью, если бы въ ней что-либо сохранялось. Но этого-то, по его мнѣнію и нѣтъ, а единство сознанія создается только связностью процессовъ сознанія, которые при этомъ сплошь измѣнчивы (стр. 126, 132). На описанномъ фактѣ познаваемой однимъ изъ процессовъ сознанія принадлежности ихъ къ одной совокупности основывается, по словамъ Уфуэса, житейское словоупотребленіе, сводящее свое и чужое сознаніе на дѣятельность „я“, обезпечивающаго ихъ принадлежность „я“. Но все это Уфуэсъ

признаетъ пріемлемымъ только какъ образныя выраженія изложеннаго выше пониманія сознанія, какъ совокупности указывающихъ другъ на друга процессовъ сознанія, познаваемыхъ однимъ изъ нихъ, какъ связанные съ нимъ (стр. 129).

Процессы сознанія, относимые въ ученіи Брентано къ классамъ представленія и сужденія и составляющіе область мышленія, раздѣлены Уфуэсомъ на совершенно другіе разряды. Онъ выдѣляетъ изъ нихъ, прежде всего, имѣющіе отношеніе къ предмету, такъ или иначе отличному отъ нихъ, и называетъ ихъ предметнымъ сознаніемъ или сознаніемъ о чемъ-нибудь, сознаніемъ въ третьемъ смыслѣ слова. Мы сказали, что предметъ только такъ или иначе отличенъ отъ предметнаго сознанія, потому что Уфуэсъ отмѣчаетъ и случай, когда оно направлено само на себя. Это происходитъ тогда, когда познается принадлежность его и другихъ процессовъ сознанія къ одному сознанію (о чемъ была уже рѣчь ранѣе) или, напротивъ, непринадлежность къ сознанію (трансцендентность) предмета. Однако, и въ этомъ случаѣ предметъ (свое сознаніе, или точнѣе, часть его), хотя и не реально, но отличенъ все-таки отъ предметнаго сознанія. Всякое предметное сознаніе Уфуэсъ отожествляетъ съ познаніемъ и знаніемъ (стр. 140, 141) 145, 150, 152). „Всякое познаніе и всякое знаніе“, говоритъ онъ „предметное сознаніе въ этомъ смыслѣ. И принятіе къ свѣдѣнію, и представленіе, первое, состоящее въ узнаваніи о чемъ-либо, второе—предполагающее это узнаваніе о чемъ-нибудь, нижнія ступени или предварительныя ступени собственно познанія, а также мнѣніе, допущеніе, предположеніе, не исключающія всякаго сомнѣнія нижнія ступени или предварительныя ступени знанія должны быть обозначены, какъ предметное сознаніе, Согласно положенію: deno-

minatio fit a potiori, мы можемъ эти нижнія ступени или предварительныя ступени называть познаніемъ и знаніемъ (стр. 141, 142). Уфуэсъ особенно подчеркиваетъ совершенное своеобразіе отношенія предметнаго сознанія къ предмету (стр. 145); дѣйствительно, рѣчь вѣдь не идетъ о какомъ-нибудь, а именно о познавательномъ отношеніи.

Но сознаніе (въ третьемъ смыслѣ слова, т.-е. познаніе) реально отъ него отличныхъ предметовъ возможно только благодаря тому, что въ немъ содержится отпечатокъ предметовъ, что само сознаніе образуетъ этотъ отпечатокъ. Послѣдній тожественъ съ сознаніемъ и, слѣдовательно, отличенъ отъ предмета, хотя только въ немъ и можетъ быть познанъ предметъ. Онъ составляетъ содержаніе познанія, а сознаніе—всюду повторяющуюся форму его; они слѣдовательно, относятся, какъ общее (сознаніе) къ частному (отпечатокъ предмета). Напротивъ, сознаніе—форма и отпечатокъ предмета—содержаніе, какъ одно цѣлое не болѣе общи, чѣмъ ихъ предметъ. Существованіе обратнаго мнѣнія объясняется только смѣшеніемъ предмета и содержанія, противъ котораго Уфуэсъ рѣшительно возстаетъ. Предметное сознаніе, направленное само на себя, о которомъ рѣчь была выше, не требуетъ такого отпечатка предмета, такъ какъ здѣсь сознаніе и предметъ (реально) тожественны. Но отношеніе сознанія и его предмета и тутъ не относится къ предмету, какъ общее къ частному (стр. 145, 146); само къ себѣ, конечно, сознаніе не можетъ относиться такимъ образомъ. Далѣе (стр. 147), Уфуэсъ подчеркиваетъ, что предметомъ познанія является не содержаніе (отпечатокъ предмета), а именно, только отличный отъ него предметъ; въ познаніи все вниманіе сосредоточивается, правда, на содержаніи, но только, поскольку въ немъ осуществляется мысленное при-

сутствіе (vergegenwärtigen) предмета, не поскольку его образуетъ сознаніе, т.-е. не на немъ самомъ, а при его посредствѣ на предметѣ.

Все это ученіе о познаніи—въ сущности воскрешеніе къ новой жизни ученія о познаніи перипатетической, въ частности схоластической традиціи. Брентано откинулъ изъ нея отображенія предметовъ (содержаніе представленій)—Уфуэсъ возстановляетъ ихъ въ правахъ подъ именемъ отпечатковъ предметовъ. Возможность тожества предмета и сознанія о немъ въ самосознаніи тоже предусмотрѣна схоластикой. Разница между Уфуэсомъ и схоластиками заключается въ томъ, что онъ не рѣшаетъ вопроса, подлинно ли познаніе трансцендентныхъ, не составляющихъ процессовъ сознанія (стр. 6, 18, 157) предметовъ, т.-е. существуютъ ли эти предметы (стр. 100, 161—162). Отношеніе его къ схоластической теоріи познанія видно на стр. 118—120, гдѣ проводится мысль, что пока она предполагала существованіе трансцендентныхъ предметовъ, она содержала въ себѣ кругъ въ доказательствѣ; если же влагать въ слово „отображеніе предмета“ только гипотетическій смыслъ („если предметъ существуетъ“), то круга въ доказательствѣ нѣтъ. Причина этого обращенія Уфуэса къ стариннымъ взглядамъ заключается въ томъ, что если Брентано интересовался преимущественно міромъ душевныхъ явленій, то Уфуэсъ, подобно перипатетикамъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на познаніи внѣшняго міра. Это естественно, хотя и не неизбѣжно, приводитъ его къ стремленію возможно отчетливѣе отграничить предметъ отъ познанія, что и достигается путемъ различенія содержанія и предмета познанія.

Классъ познанія или предметнаго сознанія у Уфуэса охватываетъ три менѣе общихъ класса: воспріятіе, представленіе, сужденіе (стр. 141). Внѣ его изъ явленій

мышленія находятся только тѣ ощущенія, которыя не стали воспріятіями или представленіями (158—160, 163). Ощущенія—простые процессы сознанія, сопровождающіе воздѣйствіе на наше тѣло (первоначальныя ощущенія) и такіе же процессы, воспроизведенные въ сознаніи уже безъ воздѣйствія на тѣло („оживающія вновь ощущенія") (стр. 157, 158). Они соотвѣтствуютъ species impressae схоластиковъ, подобно тому, какъ отпечатокъ соотвѣтствуетъ species expressa схоластическаго ученія о познаніи. Дѣло въ томъ, что species impressa у схоластиковъ—пассивный отобразъ предмета; species expressa—на основаніи такового активно созданная картина того же предмета, тѣснѣйшимъ образомъ слитая съ актомъ познанія. Воспріятія (у Уфуэса)—осуществленія мысленнаго присутствія (Vergegenwärtigung) чего-либо трансцендентнаго, т.-е. того, что не есть процессъ сознанія, на основаніи первоначальныхъ ощущеній. Достигается это черезъ преобразованіе ощущеній въ соотвѣтствующее предметное сознаніе; т.-е., сообразно изложенному выше о познаніи вообще, путемъ выдѣленія отпечатка предмета, содержанія воспріятія черезъ сосредоточеніе вниманія на немъ. При посредствѣ этого содержанія воспріятія познается трансцендентный предметъ. Конечно, сосредоточеніе вниманія на содержаніи и познаніе трансцендентнаго суть только стороны, части преобразованнаго ощущенія, а не новый процессъ сознанія. Воспріятія не включаютъ въ себя убѣжденія въ существованіи ихъ предмета (стр. 158, 164). Однородное съ воспріятіемъ познаніе—рефлексія; только она направлена на процессы своего сознанія, на имманентные предметы; общее у воспріятія и рефлексіи прежде всего то, что они—первыя принятія къ свѣдѣнію чего-то (стр. 157, 158, 242, 243). Уфуэсъ различаетъ, подобно схоластикамъ, два вида рефлексій. Изъ нихъ онтологическая

рефлексія направлена на содержаніе предметныхъ сознаній, какъ на свой предметъ, и даетъ отвлеченныя представленія, имѣющія себя самихъ предметомъ (intentiones secundae схоластиковъ; примѣръ: лошадь, какъ я ее себѣ представляю). Другого вида рефлексія, психологическая,—на правленана само сознаніе предметнаго сознанія и на иные, непознавательные процессы сознанія (примѣры: мое представленіе о лошади; мое чувство). Представленіе—основанное на оживающихъ вновь ощущеніяхъ (стр. 115) предметное сознаніе (стр. 141); если уже воспріятія не включаютъ въ себя убѣжденіе въ существованіе своего предмета, то тѣмъ болѣе представленія. Послѣднія бываютъ представленіями воспріятія (единичными) и общими (стр. 162, 232—234). Въ представленіяхъ воспріятія мы осуществляемъ мысленное присутствіе предмета черезъ „вновь оживающія" ощущенія (стр. 162). Они и воспріятія вмѣстѣ образуютъ особый классъ явленій познанія или предметнаго сознанія, интуицію (стр. 175). Интуиція опредѣляется отрицательно и положительно. Съ одной стороны, интуиція—познаніе, въ которомъ ничто не утверждается и не отрицается относительно предмета. Съ другой стороны, интуиція—познаніе, въ которомъ предметъ схватывается такъ, какъ онъ изображенъ въ средствѣ интуиціи (стр. 176), т.-е. въ содержаніи этого сознанія, въ отпечаткѣ предмета. Общія представленія получаются изъ единичныхъ, путемъ направленія вниманія на общія части предметовъ, находящія отпечатокъ въ соотвѣтствующихъ ощущеніяхъ представленій воспріятія. Это направленіе вниманія соединено съ отвлеченіемъ отъ индивидуализирующихъ признаковъ, различающихъ одинъ предметъ отъ другого и тоже находящихъ отпечатокъ въ ощущеніяхъ представленій воспріятія (стр. 237). Они, слѣдовательно, естественно противополагаются интуиціямъ,

гдѣ предметъ схватывался со всѣми данными въ содержаніи, т.-е. въ концѣ концовъ въ ощущеніяхъ, признаками. Эта классификація представленій и введеніе выше объясненнаго понятія интуиціи основаны на перипатетической традиціи; но объясненіе возникновенія общихъ представленій однимъ воздѣйствіемъ вниманія, безъ вмѣшательства особой душевной способности, находится, конечно, въ рѣзкомъ противорѣчіи со школой Аристотеля и позаимствовано у англійскаго эмпиризма (стр. 183, 245, 246). Другое дѣленіе представленій на конкретныя и абстрактныя, сообразно тому, представляются ли составныя части вещи съ нею или отдѣльно отъ нея, тоже почерпнуто изъ перипатетической традиціи и тоже истолковывается при помощи чуждой ей эмпиристической теоріи абстракціи, по которой сосредоточеніе вниманія на части ощущеній, служащихъ основой представленію, и отвлеченіе отъ остальныхъ создаетъ абстрактныя представленія соотвѣтствующаго первой группѣ ощущеній предмета (стр. 239). Всякое (единичное и общее) представленіе можетъ, наконецъ, стать единичнымъ или общимъ понятіемъ, если отвлечься отъ его предмета и сосредоточить вниманіе на его содержаніи, дѣлая предметомъ познанія послѣднее. Мы уже познакомились выше съ этимъ плодомъ онтологической рефлексіи. Въ противоположность образованію общихъ представленій и абстрактныхъ представленій, гдѣ сосредоточеніе вниманія на части содержанія представленія есть лишь сторона или часть самого представленія, разсматриваемое отвлеченіе происходитъ въ особомъ познавательномъ процессѣ рефлексіи. Цѣлью этого процесса и его слѣдствія, созданія понятій, является точное и неизмѣнное опредѣленіе признаковъ соотвѣтствующихъ представленій (стр. 240). Въ извѣстномъ смыслѣ понятія, т.-е. представленія съ прибавкой такой онтологической ре-

флексіи, могли бы тоже быть признаны классомъ представленій, противопоставленнымъ остальнымъ представленіямъ, какъ другому классу.

Какъ къ воспріятію примыкаетъ рефлексія, такъ къ представленію воспріятія — воспоминаніе. Воспоминаніе — осуществленіе вновь мысленнаго присутствія прошлыхъ процессовъ сознанія (стр. 129). Существуютъ и въ области этого познанія о процессахъ сознанія единичныя и общія представленія. Послѣднія тоже получаются черезъ сосредоточеніе вниманія на общемъ (въ процессахъ сознанія) и черезъ отвлеченіе отъ индивидуализирующихъ ихъ признаковъ, т.-е. отъ тѣхъ указаній другъ на друга, которыя показываютъ, что они принадлежатъ одному сознанію, а также отъ временныхъ опредѣленій (стр. 242). Наконецъ, сужденіе, по Уфуэсу, есть соединеніе представленій (стр. 169, 170).

Какъ уже было сказано выше, вся эта классификація явленій мышленія глубоко отлична отъ классификаціи тѣхъ же явленій у Брентано. У послѣдняго внѣ познанія, опредѣляемаго, какъ признающее истиннымъ или ложнымъ, стоитъ все множество представленій. У Уфуэса другое опредѣленіе познанія — что оно предметное сознаніе, возможное, или благодаря (реальному) тожеству предмета съ его познаніемъ или благодаря выдѣленію въ процессѣ сознанія содержанія, отпечатка предмета. Сообразно съ этимъ внѣ познанія стоятъ у него только не ставшія воспріятіями и представленіями (согласно его словоупотребленію) ощущенія. Различіе классификаціи коренится, такимъ образомъ, въ разногласіи въ пониманіи самой сущности познанія. Въ частности явленія, носящія у Уфуэса названіе воспріятій (у Брентано этотъ терминъ обозначаетъ иное), и тѣмъ болѣе процессы, именующіеся у него представленіями, еще вовсе, по Брентано, не познаніе, такъ какъ въ нихъ нѣтъ элемента признанія

существованія ихъ предмета, а Уфуэсъ относитъ ихъ къ познанію. Отрицать существованіе такихъ представленій (по его терминологіи), какъ эти воспріятія, Брентано не сталъ бы, такъ-какъ у него въ основаніи каждаго сужденія, значитъ въ основаніи воспріятія (по его терминологіи), лежитъ представленіе, но онъ не назвалъ бы ихъ воспріятіями и, что̀ существеннѣе, не призналъ бы ихъ познаніемъ. Пониманіе сужденія у Уфуэса тоже совершенно иное, чѣмъ у Брентано: не только оно не тожественно (у Уфуэса) съ познаніемъ — это видно уже изъ предыдущаго, — оно еще понимается именно, какъ соединеніе представленій, противъ чего такъ ратуетъ Брентано. Особаго основного класса сужденія у Уфуэса и не составляютъ, а образуютъ только подраздѣленіе класса познанія или предметнаго сознанія.

Относя, въ противоположность Брентано, столь много явленій мышленія къ познанію, Уфуэсъ возвращается къ перипатетической традиціи, которая наряду со стремленіемъ знала только одно познаніе. Причина этого второго возвращенія Уфуэса къ стариннымъ взглядамъ та же, что и въ первомъ случаѣ. У него и у перипатетиковъ всѣхъ временъ главная забота—вопросъ о познаніи и притомъ о познаніи внѣшняго міра. Поэтому въ данномъ случаѣ при посредствѣ болѣе широкаго и качественно иного, чѣмъ у Брентано, понятія познанія, появляется возможность расширить область этого познанія за счетъ непознавательнаго сознанія.

Однако, разъ зародившись, не умираетъ мысль о различеніи сознанія и познанія: несмотря на всепоглощающій гносеологическій интересъ Уфуэса, онъ все-таки выдѣляетъ не только чувства, но и нѣкоторыя ощущенія, какъ сознательныя, но не познавательныя явленія.

Противоположность съ Брентано по вопросу о сущности сужденія, конечно, тоже—возвращеніе къ перипатетической традиціи. Она объясняется, повидимому,

слѣдующимъ образомъ. Common sense, который вообще налагаетъ свою печать на все, написанное Уфуэсомъ, не позволяетъ отрицать или утверждать иного, какъ соединенія представленій. Между тѣмъ и Брентано держался воззрѣнія, что признаніе или отверженіе предметовъ составляетъ сущность сужденія. Такъ что ученіе Уфуэса является своеобразнымъ выводомъ человѣка „здраваго смысла“ изъ ученія Брентано, ведущимъ къ суженію объема понятія сужденія.

Гуссерль обозначаетъ душевныя явленія терминомъ „переживанія“ и „содержанія (сознанія)“. Эти переживанія или содержанія сознанія онъ, ссылаясь на общепринятость такого опредѣленія въ современной психологіи, опредѣляетъ, какъ реальныя происшествія или событія, которыя, мѣняясь каждое мгновеніе въ многообразномъ сплетеніи и взаимопроникновеніи, составляютъ реальное единство душевнаго индивидуума или сознанія [1]). Сознаніе же, въ свою очередь, опредѣляется, какъ весь феноменологическій составъ духовнаго „Я“, какъ феноменологическое „Я“, какъ „связка“ или сплетеніе душевныхъ переживаній (тамъ же, стр. 325). „Феноменологическій“ означаетъ у Гуссерля раскрываемый путемъ простого анализа и описанія, которые предпринимаетъ наука феноменологія, въ противоположность различнымъ теоретическимъ построеніямъ логики, ноэтики, психологіи (стр. 6—8). Слѣдовательно, феноменологическій составъ „Я“, феноменологическое „Я“ означаетъ просто: раскрываемое прямо путемъ анализа и описанія, безъ какихъ-либо теоретическихъ построеній, „Я“ и его составъ. Иныя употребленія слова „сознаніе“ Гуссерль отвергаетъ, какъ сбивчивыя

[1]) Log, Unters., II, стр, 326.

и не имѣющія общаго признанія въ современной психологіи (стр. 354, 355).

Переживанія опредѣляются, слѣдовательно, черезъ сознаніе (душевный индивидуумъ, „Я"), а сознаніе черезъ переживанія; но сопоставленіе всѣхъ этихъ терминовъ, несмотря на указанный кругъ въ опредѣленіи, наводитъ насъ на весьма опредѣленное знаніе о томъ, какіе предметы имѣетъ въ виду Гуссерль. Къ тому же, онъ сейчасъ же даетъ рядъ примѣровъ переживаній. Воспріятія, представленія фантазіи, образныя представленія, акты мышленія въ понятіяхъ, предположенія и сомнѣнія, надежды и опасенія, желанія и хотѣнія— все это переживанія или содержанія сознанія (стр. 326). Притомъ ощущенія такъ же подходятъ подъ это опредѣленіе переживанія, какъ характеръ воспріятія (т.-е. то, что дѣлаетъ воспріятіемъ совокупность ощущеній) и явленіе воспринимаемаго предмета въ воспріятіи. Послѣднее надо столь же строго отличать отъ самого предмета, который обыкновенно къ переживаніямъ уже не относится, какъ подвергаемыя въ немъ истолкованію ощущенія отъ свойствъ воспринимаемаго предмета. Напр., при воспріятіи краснаго шара совершенно различны равномѣрный красный цвѣтъ самого шара и рядъ переходящихъ одинъ въ другой оттѣнковъ, возникающій въ ощущеніяхъ именно при правильномъ воспріятіи этого равномѣрнаго цвѣта, какъ такового (стр. 326—328). Это поясненіе Гуссерля сразу показываетъ намъ объемъ и богатство, даваемые имъ (правильно или неправильно), понятію душевнаго явленія; они весьма значительны по сравненію, напр., съ соотвѣтствующимъ понятіемъ у Брентано.

Хотя это собственно ясно уже изъ предыдущаго, Гуссерль все-таки еще оттѣняетъ, что его пониманіе сознанія исключаетъ возможность того, чтобы „Я" (т.-е. сознаніе) было чѣмъ-то своеобразнымъ, паря-

щимъ надъ своими переживаніями. Оно—просто тожественно единству сплетенія этихъ переживаній, и „переживать“ значитъ включать что-либо въ это единство, „переживаться“ — быть включеннымъ въ него (стр. 330, 331, 342).

Сопоставимъ эти общія ученія о душевныхъ явленіяхъ Гуссерля съ таковыми же Брентано и Уфуэса. Съ Брентано онъ прямо полемизируетъ по поводу его опредѣленія душевныхъ явленій. Въ частности, главный признакъ душевности по Брентано, отношеніе къ предмету, интенціональное его существованіе внутри явленія Гуссерль не считаетъ признакомъ всякаго душевнаго явленія (переживанія) (стр. 344, 345). Какъ примѣръ переживаній, не подходящихъ подъ это опредѣленіе, Гуссерль приводитъ ощущенія и сплетенія ощущеній, а также фантазмы, т.-е. воспроизведенія ощущеній и ихъ сплетеній (стр. 349, 712). Брентано не относитъ содержанія ощущеній къ душевнымъ явленіямъ, къ которымъ онъ причисляетъ акты ощущенія, какъ своеобразныя отношенія къ ощущаемому нами предмету. Гуссерль, напротивъ, съ одной стороны, отрицаетъ существованіе такихъ актовъ ощущенія, а содержанія ощущеній, съ другой стороны, считаетъ душевными явленіями (стр. 714, съ прим. 1, 715, 371, прим. 1); ихъ то онъ и приводитъ, какъ примѣры не подходящихъ подъ опредѣленіе Брентано переживаній. По этому вопросу близокъ къ Гуссерлю Уфуэсъ, который утверждаетъ, что нѣкоторыя ощущенія не имѣютъ отношенія къ предмету и что получаютъ его ощущенія только путемъ преобразованія въ воспріятія и представленія.

Сознательность, служащую признакомъ душевности у Уфуэса, Гуссерль тоже не приводитъ въ качествѣ такового. Зато согласно и съ Брентано и съ Уфуэсомъ, Гуссерль признаетъ единство сознанія, какъ сплете-

нія душевныхъ явленій. Собственно на утвержденіи этого единства да на примѣрахъ только и зиждется, по существу дѣла, у него опредѣленіе душевныхъ явленій (переживаній). Сознаніе, какъ единство, онъ то готовъ счесть существомъ (стр. 328), то склоненъ оставить вопросъ объ этомъ открытымъ, такъ какъ не рѣшаетъ окончательно, можно ли путемъ установленія причинныхъ законосообразныхъ связей между частями сознанія сдѣлать его единство настолько устойчивымъ, какъ единство тѣлъ (стр. 332). Въ пониманіи единства сознанія Гуссерль, слѣдовательно, занимаетъ посредствующее положеніе между Брентано, признающимъ его существомъ, и Уфуэсомъ, отвергающимъ такую возможность.

По вопросу о томъ, существуютъ ли безсознательныя душевныя явленія, Гуссерль не высказывается. Однако, разъ онъ называетъ душевныя явленія переживаніями, то нельзя ему приписывать признаніе таковыхъ. Только онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы выявить эту черту душевности, какъ это сдѣлали: Уфуэсъ—черезъ свой признакъ сознательности, Брентано—черезъ то, что онъ призналъ всякое душевное явленіе предметомъ душевнаго явленія. Противъ ученія послѣдняго, что всякое душевное явленіе въ частности есть предметъ воспріятія (т.-е. по воззрѣніямъ Брентано, познанія особаго рода) Гуссерль прямо возстаетъ, утверждая противное (стр. 339, ср. 701, 702).

Связи съ перипатетической традиціей въ этихъ предварительныхъ общихъ взглядахъ Гуссерля совершенно нѣтъ—это ясно изъ сопоставленія ихъ со сказаннымъ ранѣе объ особенностяхъ воззрѣній школы Аристотеля на душевную жизнь.

Обратимся къ вопросамъ психологіи мышленія. Гуссерль считаетъ весьма важнымъ подчиненіе понятія мыслительныхъ переживаній родовому понятію актовъ

Исключаются при этомъ ощущенія и фантазмы, которыя, по его ученію, не акты, и которымъ онъ придаетъ мало значенія, поскольку они не входятъ въ составъ актовъ. Важнымъ же онъ считаетъ подчиненіе понятія мыслительныхъ переживаній понятію актовъ не только для ихъ отграниченія отъ иныхъ видовъ душевной жизни, но и для обогащенія внутренняго аналитическаго пониманія явленій мышленія (стр. 323, 473).

Понятіе, связанное у Гуссерля съ терминомъ „актъ", заимствовано, по его собственному признанію, у Брентано (стр. 344, 345). Это хорошо извѣстное намъ понятіе душевнаго явленія или акта, опредѣляемаго, прежде всего, черезъ отношеніе его къ предмету (направленіе на предметъ, имманентную предметность, интенціональное существованіе предмета внутри явленія). Это понятіе Гуссерль рѣшительно отвергаетъ, какъ уже сказано выше, въ качествѣ характеристики всякаго душевнаго явленія или переживанія, признавая его только родомъ переживанія, почему онъ, разумѣется, и отказывается обозначить это понятіе терминомъ душевное явленіе (стр. 346, 347, 350). Называетъ онъ его, какъ уже было сказано, актомъ и, слѣдовательно, тѣснѣе чѣмъ Брентано (ср., напр., стр. 345) связываетъ со словомъ актъ значеніе чего-то, направленнаго на предметъ. Вѣдь у Брентано душевныя явленія и душевные акты просто синонимы, акты характеризуются направленностью на предметъ только потому, что это—существенный признакъ душевныхъ явленій, а если что и оттѣняется словомъ актъ, то только признакъ дѣятельности, который, напротивъ, у Гуссерля отпадаетъ. Актъ для него просто родъ переживаній, а понятіе дѣятельности онъ считаетъ необходимымъ изъ него совершенно исключить (стр. 358, 359). Схоластическая традиція тоже охотно понимала это слово въ болѣе широкомъ, чѣмъ дѣятельность, смыслѣ, хотя и

нѣсколько иномъ, чѣмъ у Гуссерля,—въ смыслѣ опредѣленности. Но въ психологіи удерживалось именно гонимое Гуссерлемъ пониманіе акта, какъ дѣятельности. Подъ актомъ, значитъ, Гуссерль подразумѣваетъ такое переживаніе, которое характеризовано отношеніемъ къ предмету, направленіемъ на него. Синонимичныя выраженія, „имманентная предметность", „интенціональное существованіе предмета внутри переживанія" Гуссерль не рѣшается принять, такъ-какъ онъ считаетъ ихъ наводящими на мысль о реальной включенности предмета въ переживаніе. Таковую онъ, конечно, отвергаетъ. Онъ подчеркиваетъ, что въ актахъ отношеніе къ предмету интенціональное; мы уже видѣли при изложеніи соотвѣтствующихъ воззрѣній Брентано, что этотъ терминъ способенъ послужить характеристикой своеобразія разсматриваемаго вида отношеній. Интенціональное отношеніе къ предмету Гуссерль понимаетъ, прежде всего, какъ такое, при которомъ предметъ имѣется въ виду (ist gemeint). Въ этомъ не заключается присутствія двухъ душевныхъ явленій, двухъ переживаній: предмета и акта, на него направленнаго. Въ частности, предметъ не составляетъ и части направленнаго на него интенціональнаго переживанія (т.-е. акта). Напротивъ, ничего другого въ этомъ не содержится, какъ то, что присутствуетъ извѣстное переживаніе съ указаннымъ характеромъ интенціи. Предметъ акта можетъ существовать, можетъ и не существовать; во всякомъ случаѣ, черезъ то самое, что онъ предметъ акта, онъ не есть переживаніе, хотя, разумѣется, и переживанія могутъ стать предметами актовъ (стр. 351, 352, 357, 376).

Гуссерль охотно примѣняетъ, какъ видно изъ предыдущаго, терминъ „интенціональное переживаніе", чтобы обозначить актъ и терминъ „интенція", чтобы обозначить характеръ переживанія — быть актомъ, а

иногда и просто самъ актъ. При этомъ онъ замѣчаетъ возможное двойное значеніе этого слова, о которомъ была у насъ рѣчь при изложеніи ученія Брентано. Защищаемое тамъ пониманіе слова, соотвѣтствующее его значенію въ латинскомъ языкѣ, въ которомъ оно означаетъ простую направленность, тяготѣніе къ чему-либо безъ включенія признака цѣлестремительности, Гуссерль сохраняетъ, въ согласіи съ построеніемъ понятій Брентано, для актовъ вообще. Болѣе узкое понятіе интенціи, связанное, главнымъ образомъ, со значеніемъ слова во французскомъ языкѣ и включающее признакъ стремленія къ цѣли, Гуссерль приберегаетъ для большой группы актовъ, изъ которыхъ каждый предполагаетъ возможность другого, являющагося его осуществленіемъ или исполненіемъ; таковы, напр., нѣкоторыя представленія и всѣ стремленія (стр. 358). Объ этихъ интенціяхъ въ узкомъ смыслѣ слова и ихъ исполненіяхъ еще будетъ рѣчь нѣсколько подробнѣе и яснѣе ниже.

Наличность актовъ въ душевной жизни Гуссерль обосновываетъ рядомъ примѣровъ: въ воспріятіи что-либо воспринимается, въ образномъ представленіи образно представляется, въ любви любимо, въ требованіи требуемо и т. д. Признакъ направленности на предметъ (т.-е. характеръ актовъ) неопровержимо выступаетъ на видъ въ любыхъ примѣрахъ такого рода (стр. 346, 347).

Существо, имѣющее только переживанія, которыя не являются актами, напр., ощущенія, не истолкованныя въ видѣ воспріятія предмета, никто не назвалъ бы, по мнѣнію Гуссерля, одушевленнымъ, хотя сами по себѣ ощущенія, по его ученію, суть душевныя явленія (переживанія) (стр. 345). Въ виду такого важнаго значенія въ душевной жизни актовъ неудивительно, что Гуссерлю существенно было сразу включить мыслительныя переживанія (кромѣ ощущеній и фантазмъ) въ этотъ разрядъ душевныхъ явленій. Необходимо

еще отмѣтить, что, черезъ признаніе этого всеобъемлющаго значенія актовъ въ душевной жизни, Гуссерль опять ближе подошелъ къ перипатетической традиціи, которая не знала душевной жизни внѣ актовъ—именно, если опредѣлять ихъ такъ, какъ опредѣляетъ ихъ Гуссерль (черезъ направленіе на предметъ).

Другимъ позаимствованіемъ у Брентано является у Гуссерля, по его собственному признанію, то, что онъ дѣлитъ разрядъ явленій, опредѣляемый признакомъ отношенія къ предмету и обозначаемый имъ словомъ „акты", на виды сообразно видоизмѣненію этого отношенія къ предмету. Предметъ имѣется въ виду различнымъ образомъ въ представленіи, въ сужденіи, въ предположеніи, въ сомнѣніи, въ надеждѣ, въ страхѣ, въ удовольствіи, въ неудовольствіи, въ исканіи, въ избѣганіи и т. д. Характеръ акта показываетъ видовыя различія, основанныя въ существѣ этого рода, и онъ, сообразно съ этимъ, подраздѣляется при помощи ихъ на подлинные, Аристотелевскіе виды, а не при помощи постороннихъ ему самому признаковъ, изъ случайно соединенныхъ съ нимъ переживаній, черезъ что не получились бы настоящіе виды (стр. 347, 348). На примѣрахъ выясняется очевидность изложеннаго; въ частности на примѣрахъ воспріятія, представленія фантазіи, образнаго представленія и т. д. (стр. 364). Если мы спросимъ себя, есть ли у Уфуэса что-нибудь подобное актамъ Гуссерля? то отвѣтъ получится слѣдующій. Предметное сознаніе Уфуэса напоминаетъ акты Гуссерля, такъ какъ оно представляетъ собой процессъ сознанія, имѣющій отношеніе къ отличному отъ него и могущему быть трансцендентнымъ (т.-е. не процессомъ сознанія) предмету. Но Уфуэсъ относитъ къ предметному сознанію только явленія мышленія (кромѣ ощущеній), а Гуссерль считаетъ стремленія и чувства актами (про чувства, напр.,

см. стр. 366—369), которыя Уфуэсъ не ставитъ въ такое отношеніе къ предмету. Кромѣ того, Уфуэсъ въ частности приписываетъ всѣмъ явленіямъ своего предметнаго сознанія познавательное значеніе—отношеніе ихъ къ предмету спеціально познавательное. Этого у Гуссерля нѣтъ не только въ актахъ вообще, но и въ соотвѣтствующихъ даже терминологически предметному сознанію Уфуэса объективирующихъ актахъ (о нихъ см. ниже).

Во всякомъ актѣ Гуссерль различаетъ его феноменологическое и интенціональное содержаніе. Подъ первымъ онъ разумѣетъ всю совокупность входящихъ въ его составъ, какъ конкретныя или абстрактныя части, переживаній, такъ какъ при простомъ феноменологическомъ анализѣ они уже усматриваются. Интенціональное содержаніе, какъ показываетъ уже само слово, охватываетъ только то, что касается своеобразія актовъ, какъ интенціональныхъ переживаній (стр. 375). Сюда прежде всего относится предметъ акта, но вѣдь онъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ воспріятія собственныхъ переживаній, въ составъ акта не входитъ, и лучше его поэтому не причислять къ интенціональному содержанію (стр. 375, 376, 378). Гуссерль различаетъ, далѣе, какъ составляющіе интенціональное содержаніе акта, его матерію и интенціональную сущность (стр. 375).

Матерію онъ открываетъ въ актахъ слѣдующимъ образомъ. Въ каждомъ актѣ онъ находитъ различіе между общимъ его характеромъ, дѣлающимъ его представленіемъ, сужденіемъ, чувствомъ и т. п. (это—качество акта) и содержаніемъ, которое дѣлаетъ его вотъ этимъ представленіемъ, этимъ сужденіемъ и т. п. (это—матерія акта). Напр. въ сужденіяхъ „$2 \times 2 = 4$“ и „Ибсенъ считается основателемъ современнаго реализма въ драматическомъ искусствѣ“, качество (быть

сужденіемъ)—одно, а различна матерія. Можно легко сопоставить и рядъ актовъ съ одинаковой матеріей, но различнымъ качествомъ, напр. „теперь весна“ (сужденіе), „о если бы теперь была весна“ (желаніе), „я радъ, что теперь весна“ (чувство). Что̀ такое качество, ясно изъ примѣровъ, но понятіе матеріи требуетъ болѣе подробнаго поясненія. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ актовъ съ одинаковой матеріей поражаетъ то, что предметъ у нихъ одинъ. Но предметъ, вообще говоря, лежитъ вѣдь за предѣлами акта, надо искать входящихъ въ составъ акта переживаній, которыя являлись бы его матеріей. Ихъ, однако, легко найти: вѣдь само отношеніе къ опредѣленному предмету, направленность на него—переживаемое свойство акта; это и есть, ясное дѣло, его матерія. Но одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть схваченъ въ актѣ различнымъ образомъ. Напр., можно представлять себѣ равносторонній треугольникъ и равноугольный треугольникъ; предметъ у этихъ представленій одинъ, а способъ представлять его различенъ. Въ понятіе матеріи включается не только то, что даетъ акту отношеніе къ опредѣленному предмету, но и то, что даетъ способъ, которымъ мы его имѣемъ въ виду, яснѣе,—что опредѣляетъ, въ качествѣ чего схватывается предметъ въ актѣ. Отношеніе къ предмету возможно только въ видѣ опредѣленнаго способа схватить его; поэтому въ матеріи нельзя различать самостоятельныхъ частей, соотвѣтствующихъ направленію на предметъ вообще и способу его схватыванія (чѣмъ и оправдывается объединеніе того и другого въ одномъ понятіи матеріи).—Отношеніе матеріи и качества таково: они—отвлеченныя части акта, т.-е. не можетъ быть матеріи безъ качества и не можетъ быть качества безъ матеріи. При этомъ, однако, какъ видно уже изъ приве-

денныхъ выше примѣровъ, каждое качество можетъ сочетаться съ каждой матеріей (стр. 386—391).

Качество и матерія акта, взятыя вмѣстѣ, составляютъ упомянутую выше интенціональную сущность акта. Послѣдняя не совпадаетъ съ конкретнымъ цѣлымъ акта; можно, напр., представлять себѣ одинъ и тотъ же предметъ и въ тѣхъ же самыхъ его чертахъ (т.-е. имѣть актъ съ неизмѣнными качествомъ и матеріей), но то ярко, то блѣдно, то ясно, то смутно, т.-е. на основаніи различныхъ по степени яркости и ясности ощущеній или фантазмъ. То же Гуссерль усматриваетъ и въ актахъ другого качества (стр. 392—395); это тѣмъ несомнѣннѣе для него, что онъ, опять, по собственному признанію, заимствуя у Брентано, признаетъ, что всякій актъ или есть представленіе, или имѣетъ таковое въ основѣ (стр. 349, 400, 401). Но понятіе представленія весьма неопредѣленно; позднѣе мы укажемъ то толкованіе даннаго положенія на основаніи опредѣленнаго смысла слова „представленіе“, которому Брентано придаетъ наибольшее значеніе. Дѣло въ томъ, что онъ допускаетъ нѣсколько толкованій термина „представленіе“, при которыхъ разсматриваемое положеніе, подъ условіемъ нѣкотораго измѣненія его, сохраняетъ силу.

Гуссерль считаетъ само собою разумѣющимся, что основные классы актовъ должны образоваться соотвѣтственно измѣненію качества (стр. 445). Дѣйствительно, вѣдь онъ понимаетъ подъ качествомъ свойство быть представленіемъ, чувствомъ, подъ матеріей—свойство быть вотъ этимъ представленіемъ, чувствомъ (точнѣе, представленіемъ, чувствомъ, направленнымъ извѣстнымъ образомъ на опредѣленный предметъ); еще менѣе существенны иныя различія актовъ. И вотъ, онъ выдѣляетъ на основаніи качественнаго ихъ своеобразія разрядъ актовъ, называемыхъ имъ объективирую-

щими. Этотъ разрядъ онъ признаетъ не произвольно выхваченной группой актовъ, а родомъ, обладающимъ внутреннимъ, естественнымъ единствомъ (стр. 446, 447, 449), т.-е. онъ, въ согласіи съ выставленными выше для классификаціи актовъ предпосылками, образуетъ настоящій Аристотелевскій видъ актовъ, какъ рода (стр. 432, 433). Понятіе объективирующаго акта у Гуссерля тожественно съ самымъ широкимъ изъ понятій, могущихъ быть обозначенными терминомъ представленіе (стр. 449); изъ этого, а также изъ его подраздѣленій на менѣе общіе классы видно, что объективирующіе акты Гуссерля тожественны съ явленіями мышленія, кромѣ ощущеній и фантазмъ.

Черезъ дѣленіе объективирующихъ актовъ по признаку качества, какъ основанію дѣленія, получаемъ разряды полагающихъ актовъ, въ которыхъ выражается убѣжденіе въ существованіи или несуществованіи предмета и неполагающихъ, въ которыхъ такое убѣжденіе отсутствуетъ (стр. 449, 447, 448). Черезъ происходящее независимо отъ этого дѣленія и скрещивающееся съ нимъ иное дѣленіе, имѣющее основаніемъ признакъ матеріи, получаются разряды номинальныхъ и пропозиціональныхъ актовъ (стр. 449). Номинальные акты получили свое названіе отъ того, что ихъ словеснымъ выраженіемъ служитъ имя (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова); но такого же рода акты могутъ быть названы номинальными, хотя словесное выраженіе съ ними, а не соединено (стр. 430, 437). Подъ „именемъ“ здѣсь подразумѣваются: существительныя, съ присоединеніемъ опредѣленій въ видѣ прилагательныхъ или придаточныхъ предложеній, или безъ того, вообще же все то, что является полнымъ подлежащимъ предложенія или могло бы стать имъ (стр. 433). Примѣры номинальныхъ актовъ: воспріятіе, представленіе воображаемаго, акты, служащіе субъектомъ въ

сужденіи и т. д. (стр. 430). Точно такъ же пропозиціональный актъ соотвѣтствуетъ предложенію и получаетъ отъ него свое названіе. Примѣромъ можетъ служить всякое сужденіе (стр. 448, 449).

Черезъ примѣненіе обоихъ указанныхъ дѣленій получаемъ слѣдующіе разряды объективирующихъ актовъ: номинальные неполагающіе акты, напр., представленіе воображаемаго предмета, иллюзія, не вызывающая къ себѣ довѣрія (стр. 435), неполагающіе пропозиціональные акты, напр., сужденія, произносимыя безъ какого-либо убѣжденія въ ихъ истинности, т.-е. акты, въ которыхъ просто представляется, а не утверждается или отрицается связь субъекта и предиката (стр. 448, 449), полагающіе номинальные акты, напр., воспріятія, воспоминанія (стр. 435) и полагающіе пропозиціональные акты (сужденія) (стр. 437, 416, 448).

Въ заключеніе укажемъ на то, что Гуссерль толкуетъ установленную Брентано, признаваемую и имъ самимъ зависимость всякаго акта отъ представленія въ томъ смыслѣ, что всякій не объективирующій актъ основанъ на представленіи т.-е. чувство, стремленіе и т. д. направлены на предметъ, „представленный“ имъ въ объективирующемъ актѣ, который не напрасно получилъ свое названіе отъ объекта, т.-е. предмета. Другими словами въ не-объективирующіе акты непремѣнно входитъ какъ составная часть, объективирующій, матерія котораго служитъ матеріей всего акта: вѣдь матерія даетъ направленіе на опредѣленный предметъ. Въ этомъ смыслѣ объективирующіе акты можно назвать первичными, остальные—вторичными (стр. 458, 459, 460, ср. 464).

Сопоставимъ это начало ученія Гуссерля о мышленіи (потому что онъ ведетъ классификацію еще дальше, какъ будетъ изложено ниже) съ соотвѣтствующими

взглядами Брентано и Уфуэса. Воззрѣнія Гуссерля представляютъ прямую противоположность взглядамъ Брентано. Гуссерль объединяетъ все мышленіе, кромѣ ощущеній и фантазмъ, въ одномъ понятіи объективирующихъ актовъ, Брентано дѣлитъ его на два основные класса: представленій и сужденій. Гуссерль, твердо держась традиціи въ примѣненіи термина „сужденіе", подразумѣваетъ подъ нимъ пропозиціональный актъ противъ чего столь страстно борется Брентано. Однако, пустуая послѣднему, Гуссерль отдѣляетъ полагающіе номинальные акты отъ неполагающихъ и объединяетъ ихъ съ пропозиціональными полагающими въ одинъ одинаковый по качеству различный лишь по инымъ признакамъ, разрядъ объективирующихъ актовъ.

Ближе взгляды Гуссерля къ воззрѣніямъ Уфуэса. Понятіе предметнаго сознанія у послѣдняго то же, что понятіе „объективирующаго акта" у Гуссерля; даже въ терминахъ сходство. Но Гуссерль не отожествляетъ объективирующихъ актовъ съ познаніемъ, какъ Уфуэсъ; ниже будетъ разсмотрѣно ученіе Гуссерля собственно о познаніи. Ученіе о сужденіи, какъ о связи субъекта и предиката, встрѣчается у Уфуэса, какъ и у Гуссерля; но онъ еще дальше отклоняется отъ Брентано, чѣмъ Гуссерль: послѣдній дѣлаетъ ученію Брентано о сужденіи важную уступку, вводя номинальные полагающіе акты, тогда какъ Уфуэсъ отрицаетъ, чтобы воспріятія, а тѣмъ болѣе представленія полагали существованіе своего предмета. Наконецъ, и въ томъ, что ощущенія и фантазмы рѣзко противополагаются остальному мышленію, у Гуссерля сходство съ Уфуэсомъ и отклоненіе отъ Брентано.

Сближеніе съ Уфуэсомъ и удаленіе отъ Брентано черезъ объединеніе всего мышленія (за исключеніемъ

ощущеній и фантазмъ) однимъ понятіемъ и черезъ ученіе о сужденіи, какъ связи субъекта съ предикатомъ, является, конечно, возвращеніемъ къ перипатетической традиціи. Поскольку объективирующій актъ понимается, какъ совершающійся на основаніи ощущеній и фантазмъ и создающій въ себѣ явленіе предмета, то это еще болѣе, чѣмъ соотвѣтствующіе взгляды Уфуэса, напоминаетъ вышеизложенное ученіе схоластики о species impressae и species expressae. Чуждымъ ей является то, что отношеніе къ предмету въ объективирующемъ актѣ не обозначается, какъ познавательное, а также введеніе номинальныхъ полагающихъ актовъ.

Обратимся, теперь къ дальнѣйшей классификаціи актовъ мышленія. Ея возможность основывается на томъ, что каждый объективирующій актъ, кромѣ интенціональной сущности, т.-е. качества и матеріи, имѣетъ еще одну составную часть—репрезентативное содержаніе (стр. 562). Послѣднее представляетъ собой то, что служитъ средствомъ, черезъ толкованіе котораго схватывается въ объективирующемъ актѣ предметъ, напр., ощущенія (во внѣшнемъ воспріятіи) и фантазмы (въ образномъ представленіи о внѣшнемъ мірѣ), (стр. 566, 550, 551, 561, 562).

Способъ схватыванія репрезентативнаго содержанія, т.-е., то, что объединяетъ матерію акта съ его репрезентативнымъ содержаніемъ можетъ быть различенъ при одинаковыхъ качествѣ и матеріи акта (стр. 562—564). Сообразно видоизмѣненію этого послѣдняго признака объективирующихъ актовъ (т.-е., способа схватыванія репрезентативнаго содержанія), взятаго, какъ основаніе дѣленія, мы получаемъ новое дѣленіе объективирующихъ актовъ (скрещивающееся съ предыдущимъ). Если способъ схватыванія репрезентативнаго содержанія создаетъ случайное, внѣшнее отношеніе

между матеріей и репрезентативнымъ содержаніемъ, которое является въ этомъ случаѣ только знакомъ, такъ или иначе указывающимъ на предметъ въ томъ его видѣ, въ которомъ его схватываетъ данная матерія, то объективирующій актъ—сигнитивный (стр 564, 566). Репрезентативнымъ содержаніемъ тогда является большею частью, но далеко не всегда, представленіе слова, точнѣе: репрезентативное содержаніе такого представленія (стр. 525, 532—535, 561); оно не стоитъ въ необходимой связи съ матеріей (стр. 564). Если способъ схватыванія репрезентативнаго содержанія создаетъ существенное, внутреннее отношеніе между матеріей и репрезентативнымъ содержаніемъ черезъ ихъ сходство и одинаковость, словомъ, черезъ то, что репрезентативное содержаніе является отображеніемъ предмета, въ томъ его видѣ, въ которомъ его схватываетъ данная матерія, то объективирующій актъ—чисто интуитивный. Если же репрезентативное содержаніе частью схватывается, какъ въ сигнитивныхъ, частью, какъ въ чисто интуитивныхъ актахъ, то объективирующій актъ признается смѣшаннымъ, но все-таки интуитивнымъ, только не чистымъ (стр. 550, 564—566). Въ чисто интуитивныхъ актахъ, а также въ той части смѣшанныхъ, гдѣ способъ схватыванія интуитивенъ, отображающее въ такихъ случаяхъ предметъ репрезентативное содержаніе, конечно, не можетъ быть какимъ угодно, а стоитъ, напротивъ, въ необходимомъ соотвѣтствіи съ матеріей, которая даетъ акту отношеніе къ предмету въ опредѣленномъ видѣ послѣдняго (стр. 564, 565).

Дальнѣйшее видоизмѣненіе способа схватыванія репрезентативнаго содержанія даетъ подраздѣленіе интуитивныхъ (чистыхъ и смѣшанныхъ) объективирующихъ актовъ на перцептивные и воображающіе (стр. 566). Въ первыхъ (напримѣръ, въ воспріятіяхъ,

т.-е., въ полагающихъ перцептивныхъ актахъ, стр. 587), предметъ данъ въ самоизображеніи, точнѣе, заявляется претензія на такое самоизображеніе предмета; во вторыхъ предметъ представляется просто, какъ отображенный въ актѣ (стр. 528). Разумѣется, репрезентативнымъ содержаніемъ первыхъ служатъ, прежде всего, ощущенія, репрезентативнымъ содержаніемъ вторыхъ—фантазмы, поскольку рѣчь идетъ объ актахъ, направляемыхъ на внѣшніе предметы (стр. 551, 588, 589).

Различеніе сигнитивныхъ и интуитивныхъ актовъ Гуссерль распространяетъ и на категоріальные акты, хотя обыкновенно подъ интуиціей разумѣютъ только чувственную (стр. 614, 616, 673, 674). Подъ категоріальными актами подразумѣваются такіе, въ которыхъ имѣются въ виду сверхчувственныя формы, въ которыя облекается чувственное, какъ матерія (стр. 608, 615), напр., отношенія разнаго рода (стр. 631). Къ категоріальнымъ актамъ Гуссерль относитъ и тѣ объективирующіе, въ которыхъ мыслится общее (виды) (стр. 633), которые онъ, такимъ образомъ, рѣзко отграничиваетъ отъ соотвѣтствующихъ единичныхъ. Категоріальные акты всегда несамостоятельны, обоснованы чувственными (стр. 624—628). Но разъ существуютъ интуитивные категоріальные акты, то весьма существенно, какое у нихъ репрезентативное содержаніе? Послѣднее вѣдь не можетъ быть какимъ угодно въ интуитивномъ актѣ, а стоитъ въ необходимой связи съ матеріей. Гуссерль отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: репрезентативнымъ содержаніемъ служатъ соотвѣтствующія нечувственныя переживанія (стр. 652). Такъ, акты всякаго категоріальнаго синтеза имѣютъ репрезентативнымъ содержаніемъ переживанія, связывающія опредѣленнымъ образомъ какіе-либо чувственные акты во-едино (стр. 649). Разумѣется, служащія репрезентативнымъ содержаніемъ переживанія при этомъ столь

же мало толкуются, какъ таковыя, сколь мало это происходитъ съ ощущеніемъ во внѣшнемъ воспріятіи (стр. 650, 651).

Сопоставляя эту дальнѣйшую классификацію явленій мышленія съ ученіемъ Брентано и Уфуэса, находимъ что первый въ такія подробности не пускается, второй же даетъ весьма сходныя построенія. Его интуиція соотвѣтствуетъ интуитивному акту Гуссерля, его воспріятіе—перцептивному акту Гуссерля, его представленіе воспріятія—въ извѣстномъ смыслѣ представленію воображенія Гуссерля. У послѣдняго, однако, понятія шире. Такъ, Уфуэсъ не принимаетъ во вниманіе познанія категорій, когда говоритъ объ интуиціяхъ и ихъ видахъ. Понятіе сигнитивныхъ представленій у Уфуэса, далѣе, не выработано, хотя и на это у него есть намеки: на стр. 243 онъ различаетъ представленія прямыя и переносныя, разумѣя подъ послѣдними такія, которыя не имѣютъ, собственно говоря, въ себѣ отпечатка ихъ предмета; какъ примѣръ, онъ сейчасъ же—въ духѣ Гуссерля—приводитъ представленія словъ, замѣняющія представленія соотвѣтствующихъ вещей.

Что касается связи съ перипатетической традиціей, то нельзя не указать, что понятіе репрезентативнаго содержанія—углубленіе и расширеніе схоластическаго понятія о species impressa и что понятіе интуиціи тоже почерпнуто изъ этого источника, хотя и сильно видоизмѣнено у Гуссерля. Пониманіе категоріальныхъ актовъ, напротивъ, у него въ сущности Кантіанское и съ перипатетическимъ имѣетъ мало общаго. (Въ пониманіи самихъ категорій съ Аристотелемъ и его школой сближаетъ Гуссерля, конечно, реализмъ его воззрѣній). Недаромъ Гуссерль признаетъ въ этомъ отдѣлѣ, что онъ чувствуетъ себя очень близкимъ къ Канту (стр. 675).

Въ заключеніе посмотримъ, какъ Гуссерль опредѣляетъ познаніе и выдѣляетъ ли онъ его изъ иныхъ переживаній, въ частности изъ явленій области мышленія. Познаніе въ широкомъ смыслѣ слова, по Гуссерлю, можетъ быть опредѣлено, какъ осуществленіе или исполненіе объективирующихъ актовъ (стр. 503, 523). Дѣло въ томъ, что объективирующіе акты, вообще говоря,—интенціи въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ осуществленіе или неосуществленіе (стр. 511, 521). Осуществленіе вообще опредѣляется, какъ своеобразное переживаніе перехода отъ акта къ акту, которое само—актъ и въ которомъ первый изъ нихъ достигаетъ въ другомъ своей цѣли (стр. 521), неосуществленіе, какъ переживаніе обратнаго, недостиженія такой цѣли (стр. 513). Яркимъ примѣромъ осуществленія или неосуществленія являются переживанія исполненія и разочарованія при желаніи, надеждѣ, стремленіяхъ разнаго рода (стр. 511, 521). Въ объективирующихъ актахъ (сигнитивныхъ и интуитивныхъ) осуществленіе состоитъ въ переживаніи перехода отъ одного акта къ другому, имѣющему одинаковую матерію, причемъ въ этомъ переживаніи сознается тожество предмета обоихъ актовъ, но не простое, а сопровождающееся приближеніемъ къ познавательной цѣли, именно, къ интуитивности акта (стр. 521, 523, 536, 537). То, что имѣетъ въ виду требующій осуществленія объективирующій актъ, но представляетъ въ несобственномъ и несоотвѣтствующемъ ему видѣ, болѣе прямо и полно предстоитъ въ другомъ исполняющемъ объективирующемъ актѣ (стр. 537). Упомянутой выше познавательной цѣли и служитъ полнота, даваемая акту въ другомъ актѣ, сопряженномъ съ нимъ въ осуществленіи и состоящая въ какомъ-ли бо приближеніи къ интуитивности при посредствѣ схватыванія репрезентативнаго содержанія (стр. 548,

550). Приближеніе это, по крайней мѣрѣ, въ чувственныхъ актахъ, можетъ касаться богатства содержанія предмета, переданнаго въ актѣ, живости, т.-е., степени сходства чертъ отображенія предмета съ соотвѣтствующими чертами его самого, реальности, т.-е., преобладанія перцептивныхъ или даваемыхъ воображеніемъ составныхъ частей (стр. 555, 556).

Въ болѣе узкомъ, логическомъ смыслѣ познаніе опредѣляется, какъ осуществленіе (или неосуществленіе) полагающихъ объективирующихъ актовъ черезъ полагающіе же. Вѣдь по преимуществу о познаніи говорятъ тогда, когда подтверждается убѣжденіе въ чемъ-либо (стр. 539); подтвержденіе — осуществленіе полагающаго акта черезъ полагающій (стр. 593).

Ясное цѣло, что прежде всего интуитивные акты призваны служить осуществляющими другіе объективирующіе акты. Но и сигнитивные акты бываютъ исполняющими по отношенію къ другимъ актамъ такого рода (стр. 540, 588). Съ другой стороны, изъ интуитивныхъ только чистые, и притомъ перцептивные не подаютъ повода для дальнѣйшаго осуществленія при посредствѣ другихъ интуитивныхъ актовъ, такъ какъ въ нихъ достигнутъ идеалъ полноты объективирующихъ актовъ (стр. 549, 565, 588). Чистое воспріятіе служитъ послѣднимъ исполненіемъ объективирующаго акта, соотвѣтствующаго ему по матеріи (стр. 591). Осуществленіе полагающаго акта черезъ воспріятіе называется очевидностью (стр. 593). Какъ всякое познаніе, очевидность—объективирующій актъ; предметъ ея—истина, т.-е. согласіе между тѣмъ, что замышлено и тѣмъ, что дано (въ объективирующихъ актахъ: осуществляемомъ и осуществляющемъ) (стр. 594).

Разумѣется, познаніе происходитъ не только въ отношеніи имѣемыхъ въ виду въ чувственныхъ актахъ прдеметовъ, но и въ отношеніи мыслимыхъ въ кате-

горіальныхъ актахъ. Другими словами, осуществленіе, какъ оно описано выше, достигается и категоріальными актами (стр. 638).

Такимъ образомъ, и Гуссерль выдѣляетъ познаніе, какъ болѣе узкое понятіе, изъ переживаній вообще и въ частности изъявленій мышленія. Но дѣлая это вышеизложеннымъ своеобразнымъ способомъ, онъ становится на новый по сравненію съ Брентано и Уфуэсомъ путь; впрочемъ, въ опредѣленіи „логическаго познанія" черезъ признакъ „полаганія" видно вліяніе Брентано. Источникомъ воззрѣній Гуссерля на познаніе является, несомнѣнно, перипатетическая традиція, толкованіемъ и расширеніемъ ученія которой объ очевидности въ познаніи оно и является.

Подобно тому какъ Брентано различаетъ душевныя и физическія явленія, Штумпфъ производитъ различеніе психическихъ функцій и явленій. Подъ первыми онъ подразумѣваетъ подмѣчиваніе явленій и ихъ отношеній, соединеніе явленій въ комплексы, образованіе понятій, акты пониманія и сужденія, движенія чувствъ, желаніе и хотѣніе. Онъ называетъ ихъ актами, состояніями, переживаніями, далѣе дѣятельностями и процессами—всѣ оттѣнки, различаемые путемъ примѣненія только отдѣльныхъ изъ этихъ терминовъ для обозначенія душевныхъ явленій, для него не интересны. „Явленія" Штумпфа—содержанія чувственныхъ ощущеній (явленія перваго порядка) и одноименные съ ними образы памяти, „только представляемые" цвѣта, звуки и т. д. (явленія второго порядка) [1]). Описаніе явленій, какъ таковыхъ, Штумпфъ не относитъ къ задачамъ психологіи въ узкомъ смыслѣ слова,

[1]) Erschein. und psych. Funct., стр. 4—5.

и не считаетъ ихъ предметомъ естествознанія, а отводитъ имъ особую область познанія (тамъ же, стр. 39). Съ другой стороны, вопросъ о взаимоотношеніи явленій и психическихъ функцій Штумпфъ считаетъ психологической проблемой (стр. 3). Изъ изложеннаго вытекаетъ, что въ широкомъ смыслѣ слова и „явленія" и психическія функціи для Штумпфа—душевныя явленія, въ узкомъ же смыслѣ слова къ области душевныхъ явленій онъ относитъ однѣ психическія функціи.

Вопросъ о возможности безсознательныхъ душевныхъ явленій Штумпфъ, въ противоположность Брентано и Уфуэсу оставляетъ открытымъ (стр. 8). Единство сознанія онъ признаетъ, въ качествѣ сплетенія явленій и функцій, оставляя открытымъ вопросъ о возможности особаго „Я" (стр. 10, 8, 9). Тутъ онъ опять очень близокъ къ Брентано; Гуссерль и Уфуэсъ рѣшительнѣе высказываются противъ „психологіи Я".

Психическія функціи Штумпфъ дѣлитъ на интеллектуальныя и эмоціональныя; первыя, конечно, покрываются объективирующими актами Гуссерля, предметнымъ сознаніемъ Уфуэса, — представленіями и сужденіями Брентано. Словомъ, это область мышленія— за исключеніемъ, конечно, соотвѣтствующихъ „явленій" (стр. 5).

Наиболѣе примитивной интеллектуальной функціей Штумпфъ считаетъ воспріятіе или подмѣчиваніе (явленій), принятіе ихъ къ свѣдѣнію. Оно бываетъ чувственнымъ воспріятіемъ въ обычномъ смыслѣ слова (т.-е. ощущеніемъ, если рѣчь не идетъ о воспріятіи отношеній), стоящимъ въ отношеніи къ явленіямъ перваго порядка и представленіемъ или воспріятіемъ явленій второго порядка. Простое представливаніе красокъ, звуковъ вѣдь тоже родъ зрѣнія или слышанія выплывающихъ явленій этихъ разрядовъ (стр. 16, 22). Прежде Штумпфъ, по собственному признанію, слѣдуя въ

этомъ Брентано, считалъ всякое воспріятіе и подмѣчиваніе сужденіемъ, теперь онъ отказался отъ этого воззрѣнія. Онъ признаетъ его предшествующей сужденію функціей, посредствомъ которой изъ хаоса явленій выдѣляются части и отношенія (стр. 16, прим. 1).

Въ качествѣ второй основной интеллектуальной функціи, Штумпфъ указываетъ на соединеніе, т.-е. такую функцію, въ которой нѣсколько явленій соединяются въ одно цѣлое, напр., нѣсколько линій въ одну фигуру, нѣсколько тоновъ въ мелодію (стр. 23).

Какъ третью основную интеллектуальную функцію, Штумпфъ выдѣляетъ общія понятія (точнѣе: схватываніе или пониманіе понятій). Онъ объявляетъ ихъ природу еще не достаточно выясненной въ психологіи, но опредѣляетъ ихъ отрицательно. Понятія не могутъ быть, по его мнѣнію, сведены ни къ простой суммѣ, ни къ простому среднему изъ отдѣльныхъ представленій (стр. 24, 29). Выдѣленіе общихъ понятій въ особый основной классъ явленій мышленія болѣе въ духѣ Уфуэса и особенно Гуссерля, чѣмъ Брентано

Четвертой основной интеллектуальной функціей у Штумпфа оказывается сужденіе (стр. 25). Онъ склоненъ понимать его, какъ Брентано, отступая отъ его взглядовъ лишь въ подробностяхъ (стр. 25, прим. 1). Тѣмъ самымъ онъ удаляется въ данномъ вопросѣ отъ Уфуэса и, пожалуй, также отъ Гуссерля.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕ...
АКАДЕМИИ

ПРИ ГАЗЕТѢ **ДЕНЬ** ПО ЧЕТВЕРГАМЪ ВЫХОДИТЪ

безплатное приложеніе, посвящ. Литературѣ, Искусству, Наукѣ

ОТКЛИКИ

Въ 3-хъ первыхъ №№ помѣщены статьи:

«Бахусова пещера»—**Алексѣя Ремизова.** Духъ вѣка—**Ѳедора Сологуба.** Бернаренъ де Сентъ Пьеръ (Къ столѣтію со дня смерти).—**Е. А. Аничкова.** Глухіе выстрѣлы.—**Георгія Чулкова.** Сѣровъ—рисовальщикъ.—**Андр. Левинсона.** Эпоха поддѣлокъ.—**С. Р. Минцлова.** Лѣтопись художественной мысли.—**А. Л.** Іоганнъ Готлибъ Фихте.—**Н. Лосскаго.** А. В. Дружининъ.—**Евг. Ляцкаго.** Дневникъ журналиста.—**Антона Крайняго.** Отъ Запада къ русской иконѣ.—**В. Денисова.** Конституціонное движеніе въ земствѣ.—**К. Пажитнова.** Маринетти.—**Георгія Чулкова.** Эженъ Фромантенъ и «Мастера прошлаго»—**Андрея Левинсона.** Русская народная сказка.—**В. Филатова.** Помощь преступнику и борьба съ наказаніемъ, какъ принципы новаго уголовнаго права.—**В. Станкевича.** Современные успѣхи атомистическаго ученія.—**П. Юшкевича.** Horror absoluti.—**В. Теръ-Оганезова.** Изъ прошлаго. Новости химіи.—**П. Ю. Шмидта.** Новое въ медицинѣ. Литературная хроника. Отзывы о книгахъ.

Подписная цѣна на газету **ДЕНЬ** вмѣстѣ съ 2-мя еженедѣльн. прилож.

(„ОТКЛИКИ“ и „Литерат. Иллюстр. Прилож.“):

на 1 г.—**10** р., 9 мѣс.—**7** р. **70** к., 6 мѣс.—**5** р. **30** к., 3 мѣс.—**2** р. **80** к., 1 мѣс.—**1** р.

Подписка принимается въ Главн. Конторѣ (СПБ., Невскій, 69) и во всѣхъ книжн. магаз., а также въ почтов. учрежд.

Цѣна отдѣльн. №№—5 коп.